

АЗБУКА ВЕРЫ

**Благотворитель Иннокентий
Сибиряков — Татьяна Шорохова**

Художественная литература 2020

Благотворитель Иннокентий Сибиряков — Татьяна Шорохова

Оглавление

[Предисловие](#)

[Семейные традиции](#)

[В годы «внешнего» образования](#)

[«Друг науки и литературы»](#)

[Выбор сердца](#)

[Исход из мира](#)

[«Иннокентий» - значит «безвинный»](#)

[За монастырскими стенами](#)

[По Афонскому времени](#)

[Вместо заключения](#)

[Список условных сокращений](#)

[Список литературы](#)

Книга посвящена жизни, благотворительной деятельности и духовному подвигу Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860–1901) – потомственного миллионера-золотопромышленника, известного общественного деятеля России и щедрого благотворителя. Весь свой капитал он употребил на поддержку отечественного образования, науки и культуры, строительство и содержание храмов и монастырей Русской Православной Церкви и Афона, а также на оказание помощи обездоленным, особенно детям-сиротам, нуждающимся студентам и престарелым людям.

С молодости устремленный к поиску жизненного идеала, Иннокентий Сибиряков в расцвете лет принял монашеский постриг и закончил свою жизнь схимником в Свято-Андреевском скиту на Афоне. По определению афонского монашества, его честные останки имеют все характерные признаки святости.

В работе над книгой использованы материалы Б.А. Соловьевой

Предисловие

В монастыри в России уходили люди разные – и царственные особы, и аристократы, и военные всех чинов, и лица духовного звания, и чиновники, и разночинцы, а уж о крестьянах и купцах говорить не приходится. Но чтобы монашеский постриг в расцвете лет принял миллионер-золотопромышленник, да еще предварительно раздав все свое состояние на благотворения и церковные нужды, такой случай даже для нашего Отечества – редкостный! А с учетом того, что подвизался необычный инок смиренным схимником на Святой Горе Афон становится очевидным, что здесь имеет место духовное явление особого порядка. Более того, сам этот факт – уход крупного капиталиста из мира – дает исчерпывающее объяснение, почему имя выдающегося благотворителя России последней трети XIX в. Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860 – 1901) было вычеркнуто из отечественной истории, хотя современники схимонаха Иннокентия не сомневались, что память о нем будет передаваться из рода в род.

Один из первых светских биографов Иннокентия Сибирякова А. Головачев писал: «Иннокентий

Михайлович Сибиряков имеет полное право на зачисление в разряд выдающихся людей, память о которых должна сохраняться при смене поколений. Не будучи ни ученым, ни писателем или художником,.. а лишь просвещенным благотворителем, Сибиряков по своим личным качествам и целям, которые преследовала его благотворительность, представляет редкого человека, выдающегося над обычным ординаром людей его материального положения...» [20, с. 1, 2].

И все-таки удивительно, почему схимонах-святогорец Иннокентий (Сибиряков), уход которого в монастырь был ярким эпизодом общественной жизни России рубежа XIX-XX вв. и наделал много шума по всей стране, оказался забытым на целое столетие? Тем более что дела щедрого благодетеля живы и по сей день во многих адресах его благотворительности. Видно есть на то особый Промысл Божий, чтобы *именно в наши дни вернулся в историческую память России миллионер-монах*, как называли о. Иннокентия (Сибирякова) современники, и стал для нас, уважаемые соотечественники, образцом истинного христианского благочестия наряду со многими другими замечательными примерами, явленными нам в последнее время.

Собранные к настоящему времени материалы позволяют представить на суд читателей первые наброски о жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова с обзором его благотворительной деятельности как на поприще просвещения, так и на ниве церковной. В данной книге предпринята также попытка рассмотреть жизненный путь Иннокентия Сибирякова через призму идейных противоречий и духовных исканий той эпохи, к которой он принадлежал, тем более, что «сознательная жизнь Иннокентия Михайловича состояла, – по словам П.Ф. Лесгафта, – ...исключительно в искании истины и желании развить в себе человека» [53, с. 11-12]. В отдельных местах повествования мы попытались осуществить историческую реконструкцию некоторых событий с помощью имеющихся в нашем распоряжении письменных источников.

Основным материалом для составления данного биографического очерка послужили реальные дела Иннокентия Михайловича Сибирякова, т. е., сама его жизнь, и известные нам, пока еще немногочисленные, высказывания благотворителя. Заповедь узнавать людей по плодам (а не по словам и мыслям) остается и сегодня главной для каждого исследователя, который пытается не только описать внешнюю жизнь человека, но и проникнуть в мир его души. В своей работе мы учитывали и важное указание А.С. Хомякова «историческому критику», обращать внимание при изучении народа на «народную веру», которая должна стать «первым и главным предметом» исследователя. «Выньте христианство из истории Европы... и вы уже не поймете ничего... в Европе», – писал он [129, т. 5, с. 131]. Так и с жизнью человека. Чтобы понять его поступки, следует в первую очередь знать, как он верил. А потому по ходу нашего повествования мы будем касаться и некоторых вероучительных вопросов Православия, и исторических оценок прошлого, без чего будет трудно понять не только искания Иннокентия Сибирякова, но и Россию его времени.^[1] Нельзя не увидеть, что даже в своих благотворительных трудах Иннокентий Сибиряков предстает, прежде всего, как искатель истины, пользуясь возможностью делать добро людям как инструментом на пути к ее достижению. В своих исканиях И.М. Сибиряков прошел сложный путь от «прогрессивного» общественного деятеля, не чуждого и радикальным взглядам, до сознательного последователя славянофилов^[2] с возвращением к традициям Православной духовности. Потому по ходу изложения рассмотрим, не претендуя на полноту, основные направления общественной мысли русского образованного слоя середины – второй половины XIX в., и обозначим те главные идеи, устремления и заблуждения, которыми было наполнено общественное сознание в период Иннокентия Сибирякова, когда в нашем Отечестве уже завершался процесс «записания Руси дрожжами нового времени», по меткому выражению священника Павла Флоренского.

Добросовестный историк, по мысли А.С. Хомякова, «не отыскивает былого, но воссоздает его по некоторым данным, развивающимся перед его духовным взором в истинных законах его прошедшей жизни» [129, т. 5, с. 395]. Поэтому, работая над рукописью книги, мы старались подойти к имеющемуся у нас биографическому материалу таким образом, чтобы выработанная светским образованием привычка руководствоваться «сухими логическими формами» не лишила и нас, и читателей «способности сочувствовать простым человеческим истинам» [129, т. 5, с. 51].

Большим подспорьем в нашем труде стали свидетельства современников Иннокентия Михайловича Сибирякова, которые уже в то время с изумлением, если не сказать с восхищением, взирали на жизненный путь этого человека. Предварим биографические повествования о схимонахе Иннокентии (Сибирякове) словами одного из его самых первых биографов: «Бывают люди, вся жизнь которых устремляется на освобождение от самого себя, на отречение от «тленного образа смерти в живом человеке», - пишет Б. Никонов. - Такие люди не от мира сего, всеми силами своей души стремящиеся свергнуть с себя иго окружающей жизни с ее суетой и мелочами, встречались во все века и, как это ни странно, встречаются и в наше время и в такой иной раз среде, из которой, казалось, могли бы выйти только великие жизнелюбцы.

Таким человеком не от мира сего, таким гонителем «ветхого человека» в самом себе был известный богач-благотворитель Иннокентий Михайлович Сибиряков... <...>

Вся его яркая жизнь была запечатлена одним порывом - к личному совершенству и к личной нестяжательности во имя блага своих ближних. Он был типичным и прекраснейшим образцом совестливого русского человека, не смогшего безмятежно радоваться и веселиться на пире жизни, когда вокруг него бедствовали сотни тысяч людей. И совестливость эта понудила сделать то, что не решился сделать евангельский богатый юноша, пришедший ко Христу: раздать свое имущество и отдаться исканию правды в самом себе» [61, с. 960б-960в].

Семейные традиции

Человек познается в детях своих.

(Сир.11:28)

*Человек - создание благородное:
он не может и не должен жить без веры.*

А.С. Хомяков

Человек не отделим от своей эпохи, она влияет на него, а он, в свою очередь, влияет на нее, причем не только на настоящее, а порой и на будущее время. Достаточно перелистать русские газеты и журналы конца XIX - начала XX в., чтобы убедиться, какой след оставил Иннокентий Сибиряков - этот благотворитель, общественный деятель и подвижник - в сердцах и памяти своих современников. «Цель всей его жизни заключалась в служении истине, добру, в стремлении к идеалу», - писал об Иннокентии Михайловиче Сибирякове журнал «Нива» в 1901 г.

Иннокентий Михайлович Сибиряков родился 30 октября (по Церковному календарю) 1860 г. в Иркутске. Родители дали ему имя первого епископа Иркутского святителя Иннокентия. Благотворитель принадлежал к роду Сибиряковых - одной из самых древних, богатых и влиятельных купеческих династий Сибири, основанной выходцем из крестьян Устюжского

уезда Архангелогородской губернии Афанасием Сибиряковым еще в конце XVII века [45, с. 46]. Прямой предок Иннокентия Михайловича – известный на всю Сибирь купец Михаил Васильевич Сибиряков – первый Городской голова Иркутска. Он был одним из наиболее видных деятелей городского самоуправления Иркутска – только Городским головой избирался четыре раза, – удостоен звания «именитого гражданина». От двух браков у него было десять сыновей и пять дочерей [45, с. 47]. М.В. Сибиряков вел летопись Иркутска. Его считают одним из первых в Восточной Сибири собирателем предметов духовной и светской культуры. Не случайно именно Михаил Васильевич Сибиряков оставил Иркутску красивейшее здание города – так называемый Белый дом, построенный, предположительно, по проекту архитектора Дж. Кварнеги, и восстановленный после пожара сыновьями знаменитого купца.

В роду Сибиряковых известна в Иркутске дочь М.В. Сибирякова Агриппина (в замужестве Мухина), которая постриглась в монахини с именем Августа. Она была игуменьей Иркутского Знаменского монастыря, благоуукрашая храмы не только на средства жертвователей, но и собственноручно. Игуменья Августа вышла золотом и серебром ризу на икону Божией Матери, которая и сегодня находится в Преображенском приделе Знаменской церкви. Еще один представитель рода Сибиряковых – Ксенофонт Михайлович Сибиряков оставил по завещанию средства на постройку церкви Николы на Байкале [45, с. 48], сохранившуюся до наших дней. Эта семейная традиция – жертвовать на церковное строительство – началась при основателе рода Афанасии Сибирякове. Известно, что он, наряду с другими купцами, строил в Иркутске храмы, тогда еще деревянные.

Выдающимся представителем рода Сибиряковых был отец схимонаха Иннокентия – Михаил Александрович Сибиряков, купец 1-й гильдии, первый в роду золотопромышленник. Он создал крепкий капитал, который и унаследовали его дети. Занимаясь добычей золота еще с начала 40-х годов XIX в., в 1863 году, когда Иннокентию было три года, Михаил Александрович Сибиряков находит золото в бассейне реки Бодайбо и основывает резиденцию золотопромышленной компании, через сорок лет разросшуюся в крупное поселение Бодайбо, получившее статус города. Он и теперь является важнейшим центром золотодобывающей отрасли России. Найденное партией купца М.А. Сибирякова золото обеспечило не только благосостояние многих иркутских семей и окрестных жителей, но сказалось и на оживлении всей хозяйственной жизни Иркутского края. По размеру городского капитала Иркутск начинает занимать третье место в стране сразу после двух исторических столиц – Петербурга и Москвы. Огромные доходы иркутских купцов и христианское благочестие многих из них создали основу для широкой благотворительности. Судя по делам Михаила Александровича, он был отмечен не только даром предприимчивости, но и истового боголюбия: большие средства перечислял на нужды Вознесенского монастыря, его стараниями возведена часовня в честь святителя Иннокентия Иркутского, в течение нескольких лет он был старостой Вознесенской церкви. К этому следует добавить, что М.А. Сибиряков был одним из директоров губернского попечительства о тюрьмах, тратил деньги на различные благотворительные начинания: в попечительство детских приютов, в комитет попечительства о раненых и больных воинах, в помощь пострадавшим от наводнения, в детский сад, на строительство здания Иркутского театра [45, с. 50].

Михаил Александрович Сибиряков и его супруга Варвара Константиновна (в девичестве Трапезникова) имели шестерых детей – трех сыновей и трех дочерей. Иннокентий Михайлович Сибиряков был предпоследним ребенком в семье [45, с. 50]. Современники отмечали его глубокое уважение к родителям, к старшим по возрасту и званию, которое он вынес из родительского дома. Такое отношение к старшим было типичным для иркутянина XIX в. «Иркутские семейства, – писал И.Т. Калашников, – были крепки взаимною любовью и уважением своих членов. Отцы семейства пользовались глубокою покорностью. Молодое

поколение смотрело на старших как на опытных руководителей...

Чистота и целомудрие в семействах были наследственны и чтились свято» [Цит. по: 114, с. 26].

Чета Сибиряковых славилась христианской благотворительностью. Одним из важнейших уроков семейного милосердия было устройство дома для престарелых и инвалидов. Человеколюбие Михаила Александровича, с 1867 г. уже вдовца, приняло на свои щедрые руки заботу о несчастных, воздавая им милости не только телесные, но и духовные. В приюте был устроен храм в честь святого Михаила Клопского - небесного покровителя Михаила Александровича Сибирякова.

Усвоенные в детстве и отрочестве уроки доброты остаются с человеком на всю жизнь, поэтому не удивительно, что многие воспринимали Иннокентия Михайловича как человека редкой души [119, с. 1039]. Жизнь его от «младых ногтей» и до кончины была отдана добродетельному служению ближним.

На формирование характера Иннокентия Сибирякова большое влияние оказал и его воспитатель Сергей Константинович Трапезников - родной дядя по материнской линии. Семья видных купцов-золотопромышленников Трапезниковых тоже внесла немалый вклад в развитие экономики и культуры Сибири [46, с. 6-12]. Крестный отец Иннокентия Сибирякова был известен своей общественной деятельностью и «отзывчивостью к нуждам города». В разные годы он служил церковным старостой при Никольской церкви железодобывающего завода, церковным старостой Кафедрального собора, являлся членом епархиального комитета миссионерского общества. Сергей Константинович Трапезников не один год был членом губернского комитета попечительства о тюрьмах, членом общества попечения о больных и раненых воинах, членом общества подаяния помощи при кораблекрушениях, являлся инициатором создания Иркутского пожарного общества. Важное значение имеет и тот факт, что С.К. Трапезников был членом комитета по устройству в Иркутске часовни во имя Христа Спасителя [46, с. 10]: эта часовня сооружалась по проекту петербургского архитектора Михаила Щурупова [136, с. 173] - создателя монастырского комплекса на родине Иоанна Кронштадтского в Суре [136, с. 214-215]. Впоследствии Михаил Щурупов разработал и проект собора во имя Апостола Андрея Первозванного, возведенного на средства Иннокентия Сибирякова на Афоне в Свято-Андреевском скиту [136, с. 215].

Здесь имеет смысл упомянуть о том, что в семье золотопромышленников Трапезниковых в поколении матери Иннокентия Михайловича не все братья остались золотопромышленниками. Один из них, Андрей Константинович Трапезников, стал художником и поселился на Южном берегу Крыма в живописном поместье Ай-Юри близ Алупки, в котором не раз бывал и Иннокентий Сибиряков. А.К. Трапезников - крестный отец находившейся до недавнего времени на покое в Иоанновском монастыре в Санкт-Петербурге монахини Игнатии (Капановой-Данилевской), в рождении Татьяны Ивановны Данилевской - внучки Н.Я. Данилевского, праправнучки Игнатия Брянчанинова по родословной линии его племянницы.^[3] Инокентия Игнатия преставилась ко Господу 4 октября 2005 г., когда завершалась работа над этой книгой.

Нельзя не отметить в семье Сибиряковых старшего брата Александра Михайловича Сибирякова (1849 - 1933), внесшего огромный вклад в развитие водных и сухопутных путей Сибири и Крайнего Севера. Совместно со шведским королем Оскаром II и предпринимателем Оскаром Диксоном Александр Сибиряков финансировал экспедицию А.Э. Норденшельда по освоению Северного морского пути [7, с. 15], причем его денежный вклад в это предприятие был самым крупным. А.М. Сибиряков выстроил несколько больших и малых церквей, часовен, скит в Печерском крае, устроил несколько учебных заведений. Он внес немалый денежный

взнос на основание Томского университета, которому подарил и специально выкупленную библиотеку поэта В.А. Жуковского, включавшую почти пять тысяч томов.

Понимая важность Северного морского пути для развития экономики России и убедившись в том, что без ледокольного флота его освоить невозможно, он, уже живя за границей, в 1914 г. подарил своему Отечеству первый ледокольный теплоход, которому было присвоено имя Александра Сибирякова. С тех пор это название традиционно присваивается одному из транспортных кораблей России; в Карском море есть остров, названный в честь Александра Михайловича Сибирякова.

Вот среди таких творцов русской экономической жизни, на конкретных делах христианской любви к ближнему и впитывал любовь к своему Отечеству и народу будущий благотворитель и святогорский схимник Иннокентий Сибиряков.^[4]

Прежде чем перейти к повествованию о жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова, надо хотя бы в нескольких словах сказать о таком явлении русской жизни, как благотворительность сибирских купцов, на примере их внимания к духовным нуждам народа. Наиболее яркие представители купеческого сословия Сибири нередко выступали инициаторами строительства церквей. На свои средства они воздвигали каменные храмы вместо обветшавших деревянных, отчисляли немалые пожертвования на реставрацию и ремонтные работы для монастырей. Щедрые предприниматели приобретали для церквей и обителей богослужебные принадлежности, утварь, церковную мебель, жертвовали средства на украшение церковных святынь, вносили немалые взносы на поддержку и содержание бедных приходов и семей церковнослужителей. До сих пор в архивах сохраняется множество документов, свидетельствующих о бескорыстной жертвенности наших состоятельных соотечественников – это и дары, и вклады, и завещания, делавшиеся искренне, по доброму порыву, с широтой русской души. Сибирские купцы и промышленники были движимы не личными амбициями, как порой представляют мотивы их благодеяний те, кто сам на благотворительность не способен, а неподдельной любовью к Богу, к своему родному краю. Купцы имели крепкую связь со своим народом, его нуждами, с родной землей, а потому и не жалели средств на душеполезные дела.

Конечно, жертвовали не только на церковные нужды. «До революции основная часть детских и воспитательных домов и приютов, больниц и даже начальных школ и гимназий содержалась на средства городского купечества», – подчеркивают современные исследователи благотворительности в Сибири [44, с. 9]. И в списке сибирских купцов-благотворителей одно из первых мест по праву принадлежит роду золотопромышленников Сибиряковых.

Заметим по ходу повествования, что историкам еще предстоит большая работа по определению той роли, которую во второй половине XIX века сыграло русское купечество не только в развитии благотворительных традиций нашего Отечества, но и в усилении экономической мощи России. Об этом писал и философ Георгий Федотов: «В 80-90-е годы – чеховские годы – единственным представителем русской силы и предприимчивости был русский купец. Это часто грубая, жестокая сила, но она спасала нацию на фоне дворянской агонии... Яркая талантливость окрашивает социальное восхождение новых людей. Они стоят художественных биографий, они еще ждут своего Плутарха» [Цит. по: 98, с. 30].

Особое место в развитии экономики России принадлежит сибирским купцам, среди которых, по общепринятому мнению, первенство принадлежит предпринимателям иркутским. Неслучайно и Иркутск, родину И.М. Сибирякова, называют столицей Восточной Сибири.

Вот как писал об Иркутске рубежа XIX-XX вв. современник его расцвета, скрывшийся за

инициалами А.Х: «Прошлое Иркутска полно красоты. Здесь счастливо соединились оба элемента: бюрократия и буржуазия. Выдающиеся генерал-губернаторы Сперанский и Муравьев-Амурский, удачный подбор чиновников – все это сильно действовало на богатое иркутское купечество. Прививалась внешняя культура, начинали интересоваться литературой, вопросами общественной государственной жизни...

Иркутск – умственный центр Сибири, до университета. Здесь первая частная газета «Амур», первая в Сибири публичная библиотека; здесь крепнет общественное мнение; в хоре сибирских городских дум голос Иркутской думы – самый энергичный. Общественное собрание чувствительно к своему достоинству. Власть здесь дисциплинирована общественным мнением. <...> В Иркутске замечательная буржуазия. Сибиряковы, Трапезниковы, Баснины, Пономаревы, Белоголовые. Они не признают грошей; дают сотнями тысяч...»^[5] [Цит. по: 127, с. 126-127]. Эту традицию иркутского купечества унаследовал и Иннокентий Сибиряков.

В год рождения Иннокентия Иркутск стал в «середине Русской земли» в связи с выходом наших соотечественников к берегам Тихого океана. Непостижимая красота и мощь близкого к Иркутску Байкала (город стоит на Ангаре) и окружающей природы, необозримость Сибири, живое ощущение ее могучей силы и огромного пространства тоже не могли не сказываться на формировании личности И.М. Сибирякова, развивая в нем качества, присущие коренному сибиряку: это и мужество, и выносливость, и терпение, и доброта, и отзывчивость, и чуткость, и готовность прийти на помощь, и щедрость, и простота в обращении, и скромность, и великодушные... Во многих сибиряках и сейчас еще сохраняются, переданные от предков, эти прекрасные черты. И как тут не вспомнить известное высказывание А.С. Хомякова, точно подметившего зависимость величия России от народного духа: «Русский дух создал самую Русскую землю в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; ...русский дух понял святость семьи и поставил ее, как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом Православия» [128, с. 249].

О таком влиянии веры на формирование могучей державной мощи России писал и К.С. Аксаков: «...Единство веры – вот главное. ...разве не народ русский стал на такую высокую степень? Разве не он явил такое глубокое понимание веры? Он, именно он поставил христианскую веру главным основанием всего в жизни...

И Господь возвеличил смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми соседями и пришельцами к отчаянной борьбе, она повалила их всех одного за другим. Ей дался простор на земле. В трех частях света ее владения, седьмая часть земного шара принадлежит ей одной. В ее пределах невыносимое знойное лето и невыносимая вечная зима; в ее пределах солнце восходит на одном конце и заходит на другом в одно и то же время. И вот гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ее духовной силы, увидела страшное могущество силы материальной, и для нее понятной, – и снедаемая ненавистью, в каком-то тайном ужасе, смотрит на это страшное, полное жизни, тело, – души которого понять не может...» [4, с. 20-21].

Отсюда и убеждение славянофилов «о нашей обязанности тщательно сохранять наши права на каждый участок земли Русской, Богом нам дарованной и добытой кровью и трудами наших отцов и предков, и заботиться о беспорочном владычестве одной власти и одного закона во всей России от одного конца ее до другого...» [80, с. 690]. Прикасаясь к могучему чувству любви к родине, которое мы встречаем у русских православных мыслителей – горячих патриотов своего Отечества, – понимаешь, что и в наше время это свойство человека вводит его в особое достоинство, придает человеческой личности благородные черты. Опыт предыдущих

поколений, как и опыт других народов в «возделывании» патриотизма в юных душах, так необходим нам сегодня. «К своей исторической культурной народности, – писал Д.А. Хомяков, – надо относиться охранительно и возгревательно, – т. е. так, как нас тому учат иностранцы, особенно англичане и немцы, у которых изучение всего своего и воспитание в духе любви к своему народу, особенно в его истории и быте ... основа всему» [130, с. 204-205].

Иннокентию Михайловичу Сибирякову не были чужды интересы Отечества, наоборот, вслед за передовой частью русского купечества, он вникал в разные стороны жизни России, причем, не только хозяйственного направления. Он вырос истинно русским человеком, патриотом. Такими были тогда многие представители купеческого сословия. Достаточно вспомнить хотя бы Василия Александровича Кокорева, который в своей книге «Экономические провалы» открылся не только как предприниматель, но и как муж державный, когда писал: «Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества и засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу» [Цит. по: 98, с. 31]. Мы не будем пытаться объяснить, почему истинные патриоты в России всегда мыслят в общегосударственном масштабе, ведь «тонкие, невидимые струны, связывающие душу русского человека с его землей и народом, не подлежат рассудочному анализу» [129, т. 1, с. 100]. Важно, что эти незримые струны связывали с родным Отечеством и Иннокентия Сибирякова, причем, уже в ту пору, когда он только вступал во взрослую жизнь.

В годы «внешнего» образования

*Смотрите, братия,
чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением,
по преданию человеческому, а не по Христу (Кол.2:8).*

Апостол Павел

...нет истины, где нет любви.

А.С. Пушкин

Иннокентий Михайлович Сибиряков в семь лет остался без матери, а в четырнадцать – без отца, получив огромное состояние при вступлении в юношеский возраст [96, с. 202]. В Иркутске он учился в реальной прогимназии, преобразованной на последнем году его обучения в Техническое, а через несколько лет – в Промышленное училище [116, с. 92]. В середине 70-х годов XIX в. состоятельный юноша прибывает в столицу Российской Империи и поступает в частную гимназию Ф.Ф. Бычкова.

В 1875 г., видимо, из-за трудного материального положения гимназии, И.М. Сибиряков становится владельцем дома, в котором располагается частная гимназия Ф.Ф. Бычкова, позднее Я.Г. Гуревича. Здание сразу было перестроено, его площадь значительно расширилась. Иннокентий Михайлович оставался его владельцем в течение почти двадцати лет. Именно это здание вместе с крупным денежным пожертвованием он подарит впоследствии П.Ф. Лесгафту, который на вырученные от его продажи средства сможет построить собственный дом для своей Биологической лаборатории и естественнонаучного музея. Современный адрес бывшего владения И.М. Сибирякова – Лиговский проспект, 1. В это время в Санкт-Петербурге уже проживали старшая сестра Ольга, в замужестве княгиня Вяземская, его средний брат Константин, средняя сестра Антонина и, возможно, младшая сестра Анна.

Иннокентий учился в гимназии с интересом. Сохранились сведения, что в годы учебы он проявлял склонность к занятиям музыкой, любил читать художественную литературу. В аттестате зрелости И.М. Сибирякова будет отмечено, что он «любопытность обнаруживал в занятиях историей и русской словесностью» [132]. Возможно, на формирование интереса к чтению художественных произведений повлиял поэт Иннокентий Анненский, в эти годы преподававший в гимназии Бычкова словесность и древние языки. Как бы там ни было, из гимназии Иннокентий Михайлович вынес глубокое уважение к книге. Много лет он собирал библиотеку по Сибири, в которой были и редкие издания, помогал ученым и литераторам в публикации их трудов, был инициатором или участником создания библиотек во многих сибирских городах и на золотых приисках. Именно в стенах частной гимназии, уже на школьной скамье, и было положено Иннокентием Сибиряковым начало многолетней благотворительной деятельности. Здесь же, в гимназии, зародилась в нем и любовь к общественным наукам.

Судя по всему, в Петербурге Иннокентий Сибиряков жил в семье среднего брата Константина. Увлечение литературой подвигло Константина Михайловича даже к открытию в столице частной библиотеки. Он финансировал издание журналов «Слово» и «Русское богатство», собравших вокруг себя таких авторов, как Н.С. Кривенко, Н.Н. Златовратский, А.М. Скабичевский, Г.И. Успенский, Н.С. Русанов, Р.И. Наумов, П.В. Засодимский, В.М. Гаршин, А.И. Эртель и др. В своем доме Константин Сибиряков принимал И.С. Тургенева и даже организовал встречу маститому писателю с литераторами-разночинцами, был горячим поклонником и последователем Л.Н. Толстого.

Вторая половина 70-х годов для России была временем, когда русское общество характеризовалось современниками как «разрозненное и вялое» [80, с. 714], а сама эпоха как «пора застоя, засухи и слякоти» [80, с. 717]. Этому состоянию предшествовало повальное увлечение идеями утилитаризма. Идеиный климат того периода «совпадал с полным замиранием в обществе и людей, и нравственных идеалов, и проявлений любви к России. Все вокруг... перестало страдать, ибо перестало жить духовною русскою жизнью; деньги, чиновничество и космополитизм стали единственными двигателями времени» [80, с. 716-717]. Но в годы юности Иннокентия Сибирякова в обществе снова начали распространяться идеалистические настроения.^[6] Порой встречаются любопытные обзоры, передающие настроение людей того времени. «Крепнет сознание, – пишет С. Венгеров, – что одним разрушением старого и стремлением к материальной «пользе» не проживешь. Возникает потребность в выработке идеалов положительных... Вместо идеала личного усовершенствования выдвигается принцип общественного блага. Отсюда интерес к общественным наукам и мистическое преклонение пред народом... Как особая фракция альтруистически-демократического настроения, возникает прогрессивное «народничество», имеющее то общее со славянофильством^[7], что оно тоже провозглашает принцип «особенности» русского народа, но усматривает ее исключительно в общинно-артельных «устоях» русской народной жизни. Все фракции прогрессивной мысли сливаются в стремлении отдать себя служению народу, жертвуя для этого личными и даже культурными интересами» [14, с. 644].

Под влияние общих настроений, царивших в обществе, подпадают и купцы Сибиряковы. Константин Сибиряков, например, имел членство в нескольких благотворительных организациях. Его образ жизни усваивал и Иннокентий, который был на шесть лет младше брата и так же, как и Константин, впитывал идеи той среды, которая их окружала. На поприще благотворения братья и сестры Сибиряковы часто выступали совместно в течение нескольких лет, и, похоже, что в их семье царил атмосфера любви и взаимопонимания.

В годы гимназической учебы Иннокентия в семье Сибиряковых происходили события трагические. В 1878 г., в возрасте двадцати лет, скоропостижно умерла средняя сестра Иннокентия Михайловича – Антонина, в замужестве Кладищева. Иннокентий хранил в своем сердце нежную память о ней и оплачивал стипендию имени Антонины Михайловны Кладищевой, учрежденную им в Томском университете [116, с. 92].

Не прошло мимо сознания и сердца Иннокентия Сибирякова и событие, связанное с большим иркутским пожаром 1879 г., когда сгорела богадельня, устроенная отцом для престарелых и инвалидов. Братья Сибиряковы Александр, Константин и Иннокентий за два года полностью восстановили ее, а И.М. Сибиряков долгие годы оставался попечителем иркутской богадельни имени его отца. Семейные традиции благотворительности и милосердия, неотъемлемые от Православной духовной культуры, Иннокентий Михайлович не только усвоил, но и старался их осуществлять. И потому его благотворительная деятельность на протяжении всей жизни выражалась, как правило, в тех формах, которые сложились в естественной для Иннокентия Сибирякова купеческой среде. Эта социально-психологическая среда иркутского купечества определила, в конечном счете, и традиционный для русского человека путь Богоискательства,^[8] по которому шел благотворитель. И здесь нет ничего удивительного. «Все нравственные искания личности, связанные с тем или иным типом культуры, – пишет М.М. Дунаев, – все различия национального характера, жизни народной – определяются особенностями религиозной жизни, в которых развивалось историческое бытие нации. Даже когда человек рвет видимую связь с Богом, и тогда коренящиеся в глубинах народной жизни религиозные устои незримо определяют жизненный путь, миропонимание и мировидение каждого» [29, с. 5].

В Санкт-Петербурге Иннокентий Сибиряков оказался в атмосфере, существенно отличавшейся от иркутского мироустроения. Здесь он подпал под «гипноз среды» российской столицы, все более отдалявшейся в своих устремлениях от духовных идеалов русской цивилизации. В Петербурге в стремлении к светскому образованию, которым во что бы то ни стало спешит овладеть жаждущий знаний ум, опыт веры, полученный Иннокентием Сибиряковым в родной семье, затенялся, отодвигался на второй план, оказавшись востребованным только внешним образом. В этом, едва наметившемся отстранении от церковной жизни, Иннокентий Михайлович был не одинок: под влиянием обмирщенного духа столицы многие юноши и девушки отпадали от веры, воспитанной в родительском доме.^[9] А «опасность отпадения от веры» появляется тогда, когда человек, внешне еще не отвращаясь от Бога, начинает все же «видеть смысл своей жизни в обустройстве на земле, предпочитая доступное и понятное идеальному и требующему духовных усилий» [29, с. 90-91].

И все же во время своей юности, находясь под негативным воздействием уже во многом бездуховной среды, Иннокентий Сибиряков все же смог понять разницу познания внешнего и внутреннего, так трогательно выраженную Блаженным Августином: «Посмотри, Господи, и терпеливо, как Ты и смотришь, посмотри, как тщательно соблюдают сыны человеческие правила, касающиеся букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров речи, и как пренебрегают они от Тебя полученными непреложными правилами вечного спасения. Если человек... произносит, вопреки грамматике, слово homo без придыхания в первом слове, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека» [Цит. по: 29, с. 199-200]. Вместе с тем столичная среда, в которой оказался И.М. Сибиряков, не поколебала в нем главного – христианской любви-жалости к нуждающемуся человеку.

В 1880 г. Иннокентий Сибиряков заканчивает гимназию и поступает в Императорский Санкт-Петербургский университет. В Центральном Государственном Историческом Архиве Санкт-

Петербургу хранится «Дело Императорского Санкт-Петербургского университета студента Иннокентия Михайловича Сибирякова», начатое 13 августа 1880 г. и законченное 5 ноября 1885 г.

Из представленных в деле документов явствует, что И.М. Сибиряков, после окончания в Санкт-Петербурге частной гимназии Ф.Ф. Бычкова, поступил 31 августа 1880 г. на естественнонаучное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Через полгода он написал прошение о необходимости прервать учебу в связи с болезнью, потребовавшей лечения в южных областях. Осенью 1881 г. он снова приступил к учебе на том же отделении, но опять по причине болезни в начале 1882 г. был вынужден учебный процесс прервать.

В октябре 1884 г. И.М. Сибиряков вновь поступает в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет и учится 1884/1885 учебный год. С 3 июня по 20 августа 1885 г. он берет увольнительный билет на отпуск в Самарскую губернию и на Кавказ, где у среднего брата К.М. Сибирякова имелись богатые поместья.

В студенческие годы Иннокентий Михайлович Сибиряков становится активным членом Сибирского землячества и как человек, вступивший в общественную жизнь, подпадает под негласный полицейский надзор. В деле хранятся два официальных свидетельства, присланных в 1884 г. на адрес университета с Черноморского побережья Кавказа (от 6 октября) и из Таврической губернии (от 11 декабря). В них содержатся сведения о том, что во время пребывания на юге И.М. Сибиряков «под следствием и судом не находился», «ни в чем предосудительном замешан не был», а «поведения был благопристойного».

31 октября 1885 г. Иннокентий Михайлович Сибиряков принял решение о переходе в разряд вольнослушателей и написал прошение на имя ректора Императорского Санкт-Петербургского университета с указанием курсов, которые он бы хотел прослушать. «При этом имею честь сообщить, что я желаю слушать следующие лекции: по юридическому факультету, I курса – по Политической Экономии, Русскому Праву, Энциклопедии и философии права; по юридическому факультету II курса – полицейскому праву (полиция безопасности) и Государственному праву. И по Историко-Философскому факультету лекции по русской истории приват-доцента Семевского и по новой истории приват-доцента Хартьева (?). Необходимые документы для поступления находятся в моем деле в университете» [131].

Таким образом, Сибиряков проучился 9 месяцев на естественнонаучном отделении физико-математического факультета и окончил первый курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета, а затем перешел в разряд вольнослушателей.

Здесь следует отметить, что такое решение он принимал, уже имея довольно громкую известность человека, воспринимающего общественные интересы, как свои собственные, и не жалеющего средств на поддержку научных, образовательных и просветительских проектов. Известный ученый и публицист Н.М. Ядринцев прочил И.М. Сибирякову блестящее будущее на поприще общественной и благотворительной деятельности, характеризуя его как прекрасного и искреннего юношу, которому, по выражению руководителя Сибирского землячества, «много надо блеснуть». Чуткость Иннокентия Сибирякова к человеческой нужде была известна окружающим. «Еще будучи студентом, – пишет Б.П. Никонов, – ...Иннокентий Михайлович проявлял сердечную отзывчивость к своим товарищам и много помогал им» [61, с. 960б-960в].

В университете он не только проходит школу христианского милосердия, но начинает, с одной стороны, испытывать всю тяжесть золотого креста, а с другой – получать первые уроки смирения. По свидетельству современницы Иннокентия Михайловича С. Познер, главной

причиной ухода И.М. Сибирякова из университета было следующее: «Чувствуя себя плохо подготовленным, И.М. Сибиряков хотел поработать серьезно и обратился к некоторым профессорам университета с просьбой приватно помочь ему. Но гонорар, назначенный профессорами, достигал колоссальных размеров, что... сразу оттолкнуло Сибирякова; выполнить их требования ему было не трудно, но корысть, разгоревшаяся в представителях науки, которая была так противна его... душе, оттолкнула его и от профессоров и от науки». «Все встречи, все сношения с людьми и даже с наукой были для него отравлены деньгами; деньги везде, всегда и во всем; деньги положили грань между ним и всеми людьми от товарищей по университету до профессоров включительно», – пишет соученица Сибирякова по надомным курсам П.Ф. Лесгафта [85, с. 257]. Эти слова, сказанные об Иннокентии Михайловиче сто лет назад, ярко передают трагедию богатого человека любой эпохи, которого окружающие воспринимают не столько как личность, сколько как «золотой мешок».

Уход благотворителя из университета тем не менее не истребил тягу к знаниям. В стремлении к истинному познанию «он не удовлетворялся книгой и словом, – пишет о нем преподаватель, ученый-анатом П.Ф. Лесгафт. – Он ушел от описательного, схоластического изучения окружающего его мира и чиновного преподавания естественных наук... он искал живую струю, которая содействовала бы его совершенствованию» [53, с. 10]. Ведь, по мысли Д.А. Хомякова, «простое подражательное усвоение, чем оно «попугайнее», тем более оно дает плоды или тощие, или вредные» [130, с. 205].

В эти годы Иннокентий Михайлович начинает посещать надомные кружки физиолога и педагога П. Ф. Лесгафта и историка В. И. Семевского. В продолжение трех лет, не пропустив ни одной лекции и практических занятий, он окончил курс анатомии человека. Домашние анатомические курсы П. Ф. Лесгафта сыграли важную роль в жизни Иннокентия Михайловича, так как помогли ему глубоко изучить природу человека, что в дальнейшем дало И.М. Сибирякову возможность с необходимым багажом естественнонаучных знаний взойти от материалистического понимания человека «как высокоорганизованного животного» к постижению его как существа духовного, а потому считаем необходимым остановить внимание читателей на этой необычной школе. «Об этих курсах шла слава по всему Петербургу и за его пределами, – писал исследователь жизни П.Ф. Лесгафта А.В. Шабунин. – На них спешили ранним утром, чтобы успеть занять место в комнате, превращенной в класс. А когда комната наполнялась до предела, толпились в прихожей, на лестнице, сидели на подоконниках, вслушиваясь в быструю эмоциональную речь профессора. Среди слушателей не могло быть равнодушных, инертных, безучастных. Лесгафт поминутно вовлекал всех в работу, будил и направлял их мысль, требовал активного участия в занятиях».^[10] Позднее Иннокентий Михайлович прослушал у П.Ф. Лесгафта и курс истории педагогики.

Не исключено, что в первой половине 80-х годов состоялось знакомство Иннокентия Сибирякова с Николаем Яковлевичем Данилевским – выдающимся мыслителем, автором известного труда – «настойной книги всех русских» – «Россия и Европа», так как имение Трапезниковых Ай-Юри соседствовало с имением Н.Я. Данилевского Мшатка. В студенческие годы Иннокентий Сибиряков приезжал в Крым несколько раз и бывал здесь подолгу. Известно, что между Данилевскими и Трапезниковыми были добрососедские отношения.

В пору накопления знаний И.М. Сибиряков следовал высказыванию своего старшего брата Александра, утверждавшего, что никакое образование и никакая инструкция не заменят способности мыслить. Такое отношение к светскому образованию было традиционным в среде сибирского купечества: в Сибири с ее огромными расстояниями, суровой природой, редким и самобытным населением, ссыльными и каторжниками всегда ценились не столько образование, сколько личные качества людей.

Всегда, а в молодости особенно, Иннокентий Сибиряков старался употреблять текущее время жизни на то, что считал самым важным в деле своего образования и нравственного совершенствования. Со всем жаром юности он постигал окружающую жизнь, расширял знакомства и активно включался в деятельность, которую считал необходимой для решения общественных проблем. И здесь, конечно, молодой человек не избежал блужданий и ошибок. Да и как было юноше-сибиряку не оказать сочувствия, например, народническим идеям, если такие настроения царили в Сибирском землячестве Санкт-Петербурга, в работе которого Иннокентий Сибиряков принимал активное участие в силу своего иркутского происхождения и любви к родному краю? Тем более что в землячество входило немало ярких, талантливых, энергичных ученых и литераторов, захваченных мечтой о преобразовании России и способных зажечь своими устремлениями других. Иннокентий Михайлович в течение ряда лет посещает так называемые «ядринцевские четверги», которые устраивал у себя дома Н.М. Ядринцев – известный общественный деятель Сибири, ученый и литератор, убежденный западник, глава Сибирского землячества в Санкт-Петербурге [21, т. 5, с. 354-355].

Что же касается увлечения «толстовскими идеями» [20, с. 1], то ими были поглощены средний брат Иннокентия Михайловича Константин и его младшая сестра Анна, которые даже состояли в переписке с Л.Н. Толстым и помогали своими средствами осуществлению некоторых проектов писателя и его последователей. Иннокентий Михайлович общался с помощниками Толстого, неоднократно обращавшимися к нему, но с самим писателем не сблизился [100]. Хотя некоторые авторы путают факты, и то, что относится к Константину Сибирякову, порой приписывают Иннокентию Михайловичу.^[11]

Как уже отмечалось, в 80-х годах Сибиряков на некоторое время увлекается материалистическими настроениями и другими новомодными веяниями, симпатизируя идеям западников.^[12] Учитель Иннокентия Сибирякова П.Ф. Лесгафт, прилагавший материальные понятия и к области духовной, был, например, убежден, что «матерьялом для разработки нашей мысли и ее проверки может служить... непосредственное наблюдение над жизнью и выработанный таким путем жизненный опыт» [53, с. 11]. Вера – этот источник познания сверхчувственного бытия, воспринятый в семье, живой религиозный опыт материалистами в расчет уже не брались, а потому и ушли на время из сферы активного внимания благотворителя Сибирякова, увлеченного изучением естественных наук.^[13] Тем более, что П.Ф. Лесгафт был не только одаренным ученым, но и прекрасным педагогом, умевшим увлечь своими идеями и научными разработками учеников.

Полагаем, что то глубокое уважение, которое хранил И.М. Сибиряков к П.Ф. Лесгафту в течение всей своей жизни, вызвано не только особой одаренностью Лесгафта-педагога, но и присущим ученому чувством патриотизма. Особенно подчеркивая эту сторону личности П.Ф. Лесгафта, исследователь его жизни А.В. Шабунин приводит некоторые мысли ученого о его взглядах на русскую школу. П.Ф. Лесгафт считал, что школа в России должна отличаться от любой европейской, должна быть именно русской, основанной на традициях своей страны. В одном из интервью, данном корреспонденту «Петербургской газеты», ученый, досконально изучивший западноевропейские школьные системы, дает меткую характеристику зарубежным школам: «Германская школа – узкопатриотическая, цель ее – искоренять все, что не немецкое, французская школа имеет целью внешний лоск и поверхностное образование, в Англии идея школы – приготовление «джентльмена», полного самоуважения к таким же «джентльменам»-англичанам...». Задачи и направления русской школы П.Ф. Лесгафт видел в том, чтобы «приучить ребенка относиться с уважением к тому, что он русский. Исторически, под влиянием немецких и французских педагогов, русский образованный человек стыдился своего русского происхождения...». Поэтому нужно отбросить этот ложный стыд и вернуть воспитанникам чувство достоинства русского

человека. Говоря о влиянии образовательных прогулок и поездок на самосознание ребенка, П.Ф. Лесгафт утверждает, что «то и другое» должно осуществляться «под руководством русских учителей, добрых, образованных людей, любящих свою родину и умеющих показать своим воспитанникам все то хорошее, что есть в России, а этого хорошего в ней много...». «Я не против знакомства и с заграницей, - говорил Лесгафт, - но уже после того, как молодой человек узнает свое Отечество».^[14] Такой настрой любимого учителя влиял и на формирование убеждений учеников его домашних курсов, поддерживая и развивая в Иннокентии Сибирякове патриотические настроения, заложенные в нем еще в детстве.

80-е годы XIX в. – особое время для России. В 1881 г. был убит Александр II и взошел на русский престол Александр III – натура яркая, сильная, самобытная. Новый царь был глубоко верующим православным христианином, понимал значение для России Православия и Самодержавия, укреплял основы русской державности. Общеизвестно его крылатое выражение: «Пока русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Но Европа такого отношения к себе не прощала, и в лице «русских иностранцев», объявляла правление Александра III «противодействием духу эпохи великих реформ». Александр III был любим народом, который почувствовал в царе Государя, единосущного себе, а потому и переживал прилив верноподданнических чувств в то время, как «прогрессивное» общество взирало на императора прохладно. Не без сарказма будут объяснять западники явление народной любви к Александру III: «Никогда противодействие духу эпохи великих реформ (отмена крепостного права и пр. – Т. Ш.) не было так сильно, как в 80-х годах. Этому содействовало то обстоятельство, что численно вырос тот малокультурный слой общества, который Салтыков назвал «улицей». Отсюда небывалый успех мелкой и шовинистической прессы. В слоях культурных русский идеализм направляется на новый путь. Огромный успех имеет толстовское учение о непротивлении злу насилием... на первый план под влиянием Л. Толстого выступает интерес к вопросам философски-религиозного характера. Появляется новая форма обращения в мужиков, без всякой протестующей подкладки. «Опрощиваются» теперь не с тем, чтобы влиять на народ, а для того, чтобы отряхнуть с собственных ног пыль цивилизации и зажечь жизнью первобытной близости к природе. В литературе исчезает прежняя прямолинейность; партийные оттенки прогрессивного лагеря сглаживаются» [14, с. 648].

В 80-е годы И.М. Сибиряков с головой ушел в служение общественным интересам, понимание первостепенности которых формировалось у него под влиянием демократической мысли того времени, когда он вместе со всем «прогрессивным» обществом увлекся активной деятельностью по просвещению России, продолжавшуюся десять лет.

Тем не менее нельзя не отметить, что усилия благодетеля этого периода его жизни, наряду с трудами многих других людей, заложили фундамент превращения России в крупную научную державу в будущем. Особенно много сделал Иннокентий Сибиряков для становления женского образования в нашем Отечестве и распространения знаний в тех слоях населения, которым в XIX в. образование было малодоступным.

«Друг науки и литературы»

*Из добрых дел
те обыкновенно ценятся выше,
которые служат на пользу другим.*

Иоанн Златоуст

...горячее, самоотверженное

*и нравственно привлекательное
обуславливается непременно
более или менее сильным
и нестерпимым трагизмом жизни.*

К. Леонтьев

Как уже было отмечено, еще в университете, Иннокентий Михайлович Сибиряков включился в общественную жизнь Санкт-Петербурга и Сибири. В двадцать три года он становится пожизненным членом Общества доставления средств Высшим женским курсам [62, с. 5]. В 1884 г. в столице России основывается Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам, членом Распорядительного Комитета которого был избран Иннокентий Сибиряков [74, с. 17]. К двадцати пяти годам он становится почетным жертвователем Общества попечения о начальном образовании в Барнауле [76, с. 31], членом-ревнителем Общества попечения о начальном образовании в Томске [66, с. 7]. В 1889 г. Иннокентий Михайлович Сибиряков был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, а еще через два года стал членом-соревнователем Императорского Русского Географического общества в Санкт-Петербурге [116, с. 92]. С молодых лет Иннокентий Михайлович был пожизненным членом Санкт-Петербургского Общества попечения о бедных и больных детях [67, с. 43], имел членство и в ряде других общественных организаций и учреждений России, например, в «Обществе содействия физическому развитию», зародившемуся в 1893 г., благодаря П.Ф. Лесгафту. За этим перечислением стоят крупные пожертвования И.М. Сибирякова на многие общественно полезные дела и проекты.

Неоценимую помощь оказывал Иннокентий Михайлович Высшим женским (Бестужевским) курсам - первому в России высшему учебному заведению для женщин [62, с. 5]. Позднее оно вошло в состав Петроградского университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). Высшим женским курсам благотворитель И.М. Сибиряков пожертвовал 10 тыс. рублей на строительство учебного здания [62, с. 7]. На торжественном открытии собственного учебного корпуса Высших женских курсов (Васильевский остров, 10-я линия, дом 33) профессор А.Н. Бекетов первым среди жертвователей назвал Иннокентия Михайловича Сибирякова [116, с. 92]. На средства Иннокентия Михайловича и его младшей сестры Анны Высшие женские курсы смогли не только осуществлять полнокровный учебный процесс, но и построить общежитие для слушательниц, а дом под второе общежитие приобрести. На эти цели купцы Сибиряковы потратили 74 тыс. рублей [64, с. 41-42]. Немалую сумму - 50 тыс. рублей - пожертвовал И.М. Сибиряков и на создание Женского медицинского института, теперь это Медицинский университет им. И.П. Павлова [118, с. 6]. Иннокентий Михайлович Сибиряков часто жертвовал деньги для поддержания деятельности Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества [40, с. 157]. Он выделил 10 тыс. рублей на экспедицию Г.Н. Потанина в западную окраину Сы-чуаньской провинции Китая [90, с. 2]. В «Истории полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. 1845-1895» П.П. Семенов-Тянь-Шанский отметил этот благотворительный взнос как крупнейший за последнее десятилетие деятельности ИРГО.

И.М. Сибиряков не жалел денег на оплату образования как в России, так и в Европе многим своим соотечественникам. Известно, что в возрасте двадцати шести лет Иннокентий Михайлович имел более 70 личных стипендиатов, и поток опекаемых студентов с годами не иссякал [20, с. 1]. «На средства Сибирякова воспитывались дети некоторых литераторов, - пишет о нем А. Головачев. - Бывшие стипендиаты и стипендиатки его, получившие образование в России и за границей, рассеяны сотнями по Сибири и Европейской России. Таким образом Сибиряков дал возможность очень многим молодым людям получить образование и встать в ряды интеллигентных работников, чем оказал большую услугу не

только лично им, но и всему русскому обществу» [20, с. 1].

Судя по делам, в молодости благотворитель искренне считал вслед за своими учителями, что настойчивая и систематическая умственная работа может сформировать высоконравственного человека. Безусловно, на деятельность благотворителя в этот период его жизни оказывало влияние царившее в русском образованном обществе почти всеобщее умонастроение, когда вера в Бога повсеместно подменялась верой в прогресс. Характеризуя дух того времени, Константин Леонтьев обозначил его как «односторонний», «сухой», и «социально-реформаторский»^[15] [50, с. 179]. Но личностные качества Иннокентия Сибирякова, особенности его характера, вносили в этот «сухой» дух эпохи живое чувство; напряженная жизнь души, сердобольное внимание к нуждам ближнего в более поздний период – пору духовной зрелости Иннокентия Михайловича – дала ему возможность убедиться, что не высшее образование является основой нравственности в человеке, а жизнь по вере. В наше время эта очевидность уже не требует доказательств. Ведь и «самая умственная жизнь получает все свое достоинство от жизни нравственной», а «вопросы нравственные», по мнению А.С. Хомякова, «должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов» [128, с. 251].

Ежегодно И.М. Сибиряков вносил крупные пожертвования на обучение талантливой молодежи из Сибири, приезжавшей в столицу Российской Империи в поисках знаний. Сибиряки поступали учиться в Санкт-Петербургский университет, на Высшие женские курсы и в другие учебные заведения российской столицы. И.М. Сибиряков помогал своим землякам не только получить образование, но, нередко, и обустроить свою жизнь.

В печати того времени неоднократно отмечалось особое внимание, которое уделял Иннокентий Михайлович Сибиряков проектам, способствующим просвещению его родного края – Сибири. «Всей своей пламенно любящей душой,.. всем своим имуществом и положением и, наконец, даже самой своей фамилией он был связан неразрывно с Сибирью, которую он так любил и для которой он столько сделал добра, что память о нем останется... у миллионов сибиряков, – писал в 1910 г. журнал «Приходское чтение». – Сибирь в своем процветании обязана ему... Он не жалел средств, но широко и щедро уделял нуждающимся, а также жертвовал крупные суммы на поощрение научных работ по исследованию своей родины и ее населения...» [120, с. 91]. И в таком утверждении не было преувеличения. «Заслуга Иннокентия Сибирякова перед обществом была в том, – пишет современный исследователь Л. Бердников, – что он первым из местных толстосумов стал бескорыстно вкладывать свои капиталы в строительство школ, музеев и библиотек. Он хотел видеть каждого сибиряка грамотным, работающим, совестливым» [11].

С 1884 г. он начал оказывать регулярную помощь Минусинскому музею и библиотеке. Через них Иннокентий Сибиряков подарил минусинскому обществу дорогие книги, картины, альбомы, а также выделил городу 9 тыс. рублей на строительство специальных зданий для музея и библиотеки [41, с. 77, 86-87, 188, 246]. В 1885-1889 гг. библиотека в Минусинске благодаря поддержке И.М. Сибирякова была бесплатной. В это же время Иннокентий Михайлович присылал в Минусинскую библиотеку обширные подборки книг для народного чтения. В свою очередь, музей иногда по частям, а иногда и целиком, в зависимости от аккуратности возвращения книг руководителями сельских училищ и школ, высылал на 2-3 месяца подаренные купцом Сибиряковым библиотечки местному населению. Сегодня выяснено, что без материальной помощи Иннокентия Михайловича Сибирякова в городах Енисейской губернии в то время не была бы открыта ни одна публичная библиотека, ни один краеведческий музей [11]. «Если Вам случится узнать, что какая-нибудь сельская школа нуждается в учебных пособиях и книгах для чтения вне школы, то имейте в виду, что я могу

прийти на помощь в этом случае и выслать желаемые книги», - писал Иннокентий Михайлович в 1884 году Н.М. Мартьянову - общественному деятелю Сибири, основателю Минусинского музея и библиотеки [11].

В наше время особенно поражает та сердечная забота, какую проявлял Иннокентий Михайлович Сибиряков о нуждах просвещения и образования, то равнодушие, которое проступает между строк каждого его письма в Сибирь. В 1885 году он пишет Мартьянову: «Принимая во внимание, что многие народные учителя, желающие приобрести какую-нибудь книгу для чтения или выписать журналы, не могут исполнить своего желания, прежде всего, вследствие дороговизны книг и журналов, я предложил бы Вам, если Вы сочувствуете удовлетворению этой потребности, следующее: я буду высылать за половинную цену книги, подписываться на все газеты и журналы всем народным учителям, снабженным Вашей рекомендацией» [11]. «Такой щедрости к просвещению ни до, ни после Сибирякова енисейская земля не знала», - отмечает Л. Бердников [11]. По решению городской Думы Минусинска в 1885 году И.М. Сибиряков получил звание почетного члена Минусинского публичного местного музея и библиотеки.

Известно, что Иннокентий Михайлович пожертвовал средства на устройство библиотек в Ишиме, Красноярске, Нерчинске, Ачинске, Кургане. Сохранился документ, который позволяет нам почувствовать «живой пульс» благотворительности капиталиста Сибирякова. Это копия протокола заседания Ачинской городской Думы от 22 марта 1887 года по вопросу открытия городской библиотеки, текст которого целесообразно привести полностью. «Слушали: поданное 20 марта на имя Ачинского городского головы Михайлова заявление учителя Ачинского уездного училища Дмитрия Семеновича Каргополова, при котором приложена телеграмма из Петербурга от Иннокентия Михайловича Сибирякова, адресованная на имя господина Каргополова, следующего содержания: «Если Дума согласится учредить библиотеку, могу пожертвовать на нее одну тысячу рублей». По выслушивании этого городская Дума сочувственно приняла предложение Сибирякова, со своей стороны, при участии его, признать необходимым учредить здесь такое благое заведение, как библиотека. В виду этого единогласно постановили:

1. Предложить городскому голове ходатайствовать по принадлежности о разрешении открыть в г. Ачинске общественную библиотеку, на которую с текущего 1887 года производить отпуск из городских средств по 200 рублей ежегодно, кроме того, на городские же средства должна быть для библиотеки готова и квартира с отоплением и освещением» [43].

Немалые средства истратил благотворитель на открытие библиотек и музеев и комплектование их фондов не только в Енисейском крае, но и в других городах Сибири. Когда в Томске в 1884 г. трудами местного Общества попечения о начальном образовании была открыта первая в России городская народная бесплатная библиотека, Иннокентий Михайлович выслал на ее адрес 200 рублей на приобретение книг. Вскоре он прислал и книг на 250 рублей, а в 1886 г. пожертвовал 4 тыс. рублей на строительство здания для библиотеки [66, с. 7]. Председатель Общества попечения о начальном образовании в Томске, известный общественный деятель Сибири Петр Иванович Макушин, тронутый нежданной щедростью И.М. Сибирякова, в своей речи в собрании членов Общества 3 марта 1884 г. сказал: «Добрые люди не разбирают своих и чужих: они радуются всякому светочу, где бы и кем бы он ни был зажжен, и шлют ему свою посильную лепту на поддержание священного, дорогого для них света знания» [66, с. 13]. «Кто просил Иннокентия Михайловича Сибирякова, - вопрошает П.И. Макушин, - слать из Ялты сотни рублей и в Общество, и на библиотеку?» [66, с. 13].

И.М. Сибиряков оказывал благотворительную помощь и Алтайскому краю, жертвуя и туда на дела просвещения. В 1885 г. в Барнауле по его предложению была открыта бесплатная

народно-школьная библиотека, созданная преимущественно на его средства. Через три года в этом городе была учреждена городская общественная библиотека, которой И.М. Сибиряков пожертвовал 300 рублей на оборудование и 1500 рублей на покупку книг [48, с. 5].

Не забывал Иннокентий Михайлович и о родном Иркутске, получившем от него в дар библиотеку С.С. Шашкова – историка, публициста и общественного деятеля Сибири, с которым И.М. Сибиряков состоял в дальнем родстве [106, с. 151]. Собрание включало 298 томов (160 названий) на русском, английском, немецком и французском языках. Это были книги по истории литературы, общей и русской истории, истории цивилизации, по юридическим вопросам [117, с. 183]. Библиотеку С.С. Шашкова известный меценат выкупил у его вдовы. Сделал он для Сибири и многое другое.

За приведенными фактами о жертвованиях Иннокентия Михайловича Сибирякова на нужды своей родины стоит не только великая жертвенность миллионера на благо общества, не только огромный личный труд Иннокентия Михайловича, его детальная осведомленность в области светско-просветительской, но и горячее желание быть полезным Сибирскому краю. Иннокентий Сибиряков был истинным сыном Сибири, всем своим радением о нуждах родной земли подтвердившим наблюдение И.Т. Калашникова: «Сибиряк... страстно привязан к своей почве, и тоска по отчизне никогда не замолкнет в его сердце» [Цит. по: 114, с. 36]. Не лишним будет отметить, что золотопромышленник И.М. Сибиряков, радеющий о культурном и научном развитии своей родины, вел огромную переписку почти со всеми наиболее яркими учеными и просветителями Сибири.

Немалые средства Иннокентий Михайлович Сибиряков потратил на издание научных трудов и литературных произведений, так или иначе связанных с Сибирью. В 1886 г. он издает «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова, в 2-х томах (2-е издание, Санкт-Петербург). В том же году на пожертвования Иннокентия Михайловича был издан сборник стихотворений «Сибирские мотивы» в пользу семьи почившего поэта-сибиряка И.В. Оммулевского (Федорова). Через два года Иннокентий Сибиряков издал книги, содержание которых отражало положение дел на золотых приисках Сибири: «Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге» А.А. Уманьского, «Паутина. Рассказ из жизни приискового люда в Сибири» Н.И. Наумова, сборник «Сибирские рассказы из жизни приискового люда» [105].

В 1890 г. И.М. Сибиряков жертвует на издание книг: «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки...» – составитель И.А. Худяков (Иркутск); «Библиографический указатель... по вопросу о золотопромышленности Сибири» – труд Д.М. Головачева (Санкт-Петербург). Особенно широко разворачивается издательская деятельность Иннокентия Михайловича Сибирякова в 1891-1892 гг. В это время выходят в свет важнейшие труды, посвященные Сибири. Это «Сибирская библиография... за весь период книгопечатания» В.И. Межова, в 3-х томах (СПб., 1891-1892), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» Н.М. Ядринцева (СПб., 1891), его же «Сибирь как колония...» (2-е издание, СПб., 1892). В 1891 году в Санкт-Петербурге вышел сборник работ первого бурятского ученого Д. Банзарова «Черная вера», в издании которого участвовал и И.М. Сибиряков. Попечением Иннокентия Михайловича был издан в 1899 г. «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского (Якутск), а также ряд других книг [95].

Наряду с перечисленными изданиями, посвященными Сибири, И.М. Сибиряков способствовал выходу в свет книг по доступной для народа цене известных и малоизвестных литераторов Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, И.С. Тургенева, Н. Златовратского [99] и др., ради чего он нередко приобретал права на издание произведений некоторых авторов. Перед уходом в монастырь Иннокентий Михайлович отказался от этих прав в пользу родственников к тому времени уже умерших писателей Г.И. Успенского и Ф.М. Решетникова, а на издание

стихотворений И.С. Тургенева он продал издательству А.Ф. Маркса.

«Большую услугу, - отметили современники выдающегося благотворителя, - оказал Иннокентий Михайлович русскому обществу, давши покойному библиографу В.И. Межову материальные средства для окончания капитальнейшего его труда «Русская историческая библиография за 1810-1858 гг.»» [115, с. 1038]. Известно, что Сибиряков потратил более 600 тыс. рублей в исчислении того времени «на поддержку тех, не приносящих дохода, изданий, которые имеют крупное научное или общественное значение, но не могут рассчитывать на широкое распространение в публике, только благодаря ему увидели свет многие весьма известные и ценные сочинения Межова, Семевского, Потанина и мн. др.» [60, с. 724]. Некоторые писатели и ученые отправлялись даже в творческие командировки за счет миллионера-золотопромышленника. Неслучайно в среде ученых и литераторов мецената Сибирякова нередко называли «другом науки и литературы», «другом образования», «просвещенным благотворителем» [20, с. 1].

Характерным для «благотворительного почерка» Иннокентия Михайловича Сибирякова было то, что он часто сам инициировал многие научные и исследовательские проекты, которые и финансировал [116, с. 94]. Так он неоднократно обращался к Петру Францевичу Лесгафту с предложением издать его труды как в России, так и за границей [57]. По инициативе Иннокентия Михайловича Сибирякова было проведено первое в России крупное исследование положения рабочих на золотых приисках [116, с. 94]. Оно достойно того, чтобы остановиться на этом проекте подробнее.

В 1885 г., еще будучи студентом университета, Иннокентий Михайлович обратился к своему учителю, известному историку Василию Ивановичу Семевскому, и предложил ему осуществить исследование сибирских золотых промыслов. Ученый согласился взяться за него, но с условием отсрочки. С 1888 г. В.И. Семевский начал собирать по данной теме библиографический, а с 1889 г. - архивный материал. В 1891 г. ученый предпринял поездку в Сибирь для изучения местных архивов и посещения золотых промыслов. Как свидетельствует сам историк, «И.М. Сибиряков вполне обеспечил материальнуювозможность такой поездки» [97, с. IV]. Результатом этой многолетней работы стал серьезный научный труд, изданный на средства Иннокентия Михайловича и удостоенный Самаринской премии.

За этим кратким перечислением дат и фактов стоит то душевное расположение к простому труженику, которое с молодости питал к людям труда золотопромышленник Иннокентий Михайлович Сибиряков. «Характеризуя душевный склад Сибирякова, - пишет Г. Потанин, - Семевский отмечал его совестливое отношение к той части народноймассы, труду которой Сибиряков считал себя обязанным своим благосостоянием. То же самое замечал и я в своих сношениях с И.М. Сибиряковым. Он охотнее, чем на какие-либо другие цели, жертвовал деньги на дела, которые имели какое-нибудь отношение к рабочему классу на Ленских золотых промыслах.

Когда Семевский слышал сожаления, что сибирский меценат не имеет собственной инициативы в своей благотворительной деятельности, а руководствуется чужими внушениями, Василий Иванович всегда энергично защищал Сибирякова от этих обвинений, и я думаю, что имел к этому большое основание» [89, с. 224-225].

Иннокентий Михайлович немало заботился не только о быте, но и о культурном досуге рабочих, добывавших России золото. Известно, что его хлопотами и на его пожертвования была основана и содержалась библиотека на Успенском золотом прииске. Немалое значение придавал он и духовной жизни рабочих. На Благовещенском прииске действовала благолепно украшенная православная церковь. Храмы строились, как правило, на всех крупных приисках, которые и свои названия получали по престольным праздникам расположенных на их

территории церквей.

Хотя в свои молодые годы Иннокентий Михайлович Сибиряков тратил средства, в основном, на образовательные, культурные и научные цели, нельзя не сказать и о том, что он выделил значительную сумму на устройство и благоустройство в Иркутске церкви в честь преподобного Михаила Клопского в богадельне имени М.А. Сибирякова, а также на строительство в родном городе храма Казанской иконы Божией Матери, который сооружался в течение нескольких лет попечением его старшего брата Александра. Современники тех событий рассказывают, что Александр занял у Иннокентия на постройку этого храма несколько сотен тысяч рублей.

Когда же Александр Михайлович стал отдавать ему позаимствованные деньги, то природная доброта не позволила Иннокентию Сибирякову взять у брата долг. И Иннокентий Михайлович сказал: «Я – брат тебе. Пусть и моя лепта будет с твоей в святом деле» [120, с. 91].

Надо отметить, что Иннокентий Сибиряков побуждался к благотворительным деяниям не только состраданием и милосердием к людям, столь присущими ему, но и глубоким чувством любви к родине^[16], любви, которая помогала ему жить в мире русской цивилизации – ее образа, мысли, чувства, действия. Ведь патриотизм есть «естественная, как телесное здоровье, добродетель, благодатью Христова учения освящаемая и возвышаемая до степени величайшего подвига: *больше себя любви никто же имеет! ...*» [80, с. 699]. Присутствие такой любви в человеке дает ему шанс на возвращение к нашим духовным началам, независимо от того, в какую эпоху такой поворот во внутреннем мире людей совершается. Родина... «не условная вещь», – писал А.С. Хомяков. – «Это та страна и тот народ, создавший страну, с которыми срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся целостность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми жилами сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло» [129, т. 1, с. 45]. На протяжении многих лет и для Иннокентия Михайловича Сибирякова эта кровная связь со своим Отечеством была главной побудительной силой его благотворительности и служения общественному благу.

Выбор сердца

*К истинной философии
приводит одно христианство;
только при посредстве его
можно быть непогрешительным
психологом и метафизиком.*

Свт. Игнатий Брянчанинов

*Православие спасает не человека,
а человечество.*

А.С. Хомяков

К тридцати годам у Иннокентия Сибирякова наступает разочарование в научном методе познания мира, образе жизни европейских народов, в идеях достижения народами России материального благополучия путем внешнего переустройства жизни. Это произошло в конце 80-х годов XIX в., когда Иннокентий Михайлович предпринял образовательное путешествие по Европе и посетил все крупные центры [119, с. 1038]. Из-за границы он вернулся разочарованным [120, с. 91]. Иннокентий Сибиряков говорил близким людям: «Как человек пуст в своей жизни, как ничтожны все его потребности, обусловленные одной наживой. Как жадно все человечество в своем стремлении к богатству... Но что оно нам приносит?.. Одно

грустное разочарование. Вот я – миллионер, мое «счастье» должно быть вполне закончено. Но счастлив ли я? Нет. Все мое богатство в сравнении с тем, чего жаждет душа моя, есть ничто, пыль, прах... А между тем все человечество стремится именно к достижению богатства...

При помощи своих денег я видел мир Божий... – но что из всего этого прибавило к моему собственному счастью жизни? Ровно ничего. Та же пустота в сердце, то же сознание неудовлетворенности, то же томление духа» [19, с. 167].

Путешествие по иноземным странам дало И.М. Сибирякову возможность увидеть, что «наша жизнь не перекипела, и наши духовные силы еще бодры и свежи» [129, т. 1, с. 43]. Россия с живой верой народа, с православным укладом жизни, тяготением к правде и любви во Христе стала понятнее, ближе и дороже. Миллионеру-золотопромышленнику открылась в Европе «та глубокая историческая порча, которой подверглось западное христианство, восприняв в себя зародыши теперь уже развившегося и гордо поднимающего голову беспокойного, скептического, беспринципного рационализма»^[17] [80, с. 722]. А истинно русский человек и в конце XIX в. «больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого» [35, с. 232]. Объясняя традиционное для Руси отношение к богатству, И.В. Киреевский писал: «Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались, как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную, но и общественную» [35, с. 232].

Разочарование, подобное тому, которое пережил Иннокентий Сибиряков при встрече с Западом, испытали многие. Даже Тургенев не избежал прозрения при наблюдении за жизнью европейцев. «Я должен сознаться, – писал он, – что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, ... отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художественного убеждения – вот что встречается Вам, куда ни оглянитесь. ...Общий уровень нравственности понижается с каждым днем – и жажда золота томит всех и каждого...» [Цит. по: 28, с. 54].

Свое впечатление от встречи с Европой оставил и Достоевский, посетивший Швейцарию: «О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! ... В управлении и во всей Швейцарии – партии и грызня непрерывная, пауперизм и страшная посредственность во всем... Нравы дикие; о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным. Низость развития: какое пьянство, какое воровство, какое мелкое мошенничество, вошедшее в закон в торговле» [Цит. по: 28, с. 55].

В свое время признавался и Герцен: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию спасла меня на краю нравственной гибели... За эту веру в нее, за это исцеление ею – благодарю я мою родину» [Цит. по: 28, с. 55].

Западная цивилизация, охваченная неудержимым стремлением к богатству любым путем оттолкнула Иннокентия Сибирякова своей бездуховностью. Заблуждения молодости развеялись, и Иннокентий Михайлович как бы заново открыл для себя не только уникальность призвания России и ее места в исторических судьбах человечества, но и духовный опыт Православия. Участие в богослужениях больше по обычаю, чем по потребности души, теперь сменяется в нем сознательной усердной работой по освоению православной духовной традиции. Об этой перемене в Иннокентии Михайловиче Сибирякове писал монах Климент: «Какой поразительный контраст! Сотни богатых людей едут за границу для удовольствия, привозят домой массу багажа, нахватавшись модных мыслей, начинают сеять у себя на родине смуты, безбожие, анархизм, или стараются умножить и без того многие капиталы, эксплуатируя чужой труд. Сибиряков, путешествуя по свету, учится христианской философии,

открывает суету жизни, видит страдания честных, любящих Бога людей, решается идти навстречу тем, кто обездолен судьбой и, как в этом деле, так и в общении с Богом, в молитве, думает найти утешение своему скорбящему духу» [39, с. 513].

Такую же перемену в себе некогда пережили и славянофилы. «Ежедневно видим мы людей, – писал И.В. Киреевский, – разделявших западное направление, и нередко между ними людей, принадлежащих к числу самых просвещенных умов и самых твердых характеров, которые совершенно переменяют свой образ мыслей единственно оттого, что беспристрастно и глубоко обращают свое внимание внутрь себя и своего Отечества, изучая в нем – те основные начала, из которых сложилась особенность русского быта; в себе – открывая те существенные стороны духа, которые не находили себе ни места, ни пищи в западном развитии ума» [35, с. 205].

В одном из писем к Н.В. Гоголю (1948 г.) К.С. Аксаков писал: «В высшей степени противна мне красивая ложь, красивые эффекты Запада, которые тем самым уже исключают правду. <...> Эта ложь вошла в правду русской жизни. <...> Я тот же, но, однако, я много переменялся, Ник. Вас. Я оставил немецкую философию; русская жизнь и история стали мне еще ближе; и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите – Вера, Православная Вера» [83, с. 156; цит. по: 34, с. 219]. «Только приняв в свою душу Православие», свидетельствует о своем единомышленнике И.С. Аксаков, – И.В. Киреевский «почувствовал... себя естественно ближе к русскому народу, стал углубляться в народную сущность, вникать в ... предания, и только с того времени стал славянофилом^[18]» [1, с. 2522].

Так было и с Юрием Федоровичем Самариним, аскетический образ жизни которого среди столичной суеты повторил и Иннокентий Сибиряков, о чем более подробно будет сказано в следующей главе. Здесь же остановимся на опыте возвращения к вере философа, о котором известно, что он «вышел из университета последователем господствовавшей там в его время философии Гегеля; но отчасти впечатления домашнего воспитания, отчасти сближение с современными его молодости просвещенными ревнителями Православия и нашей народности (Хомяковым, К. Аксаковым – Т.Ш.), отчасти изучение творений Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, избранных им для сочинения на магистерскую степень, расположили его обратиться к христианству, – сообщает нам духовник Самарина о. А. Ключарев. – Он...философскому учению...не отдал...безвозвратно своей веры, не ограничился и по отношению к христианству не требующим труда детским отрицанием; он отнесся к христианству своим пытливым умом, своим прямым сердцем, своею честною совестью; он принял влияние его истин, его духа, его правил, всю свою духовной природой, всем существом. Он уверовал снова по убеждению, изучив тщательно слово Божие, творения отеческие, историю Церкви и все разности христианских исповеданий. Он понял божественное установление и значение Церкви, оценил истинный дух христианского аскетизма, и в жизни истинных христиан увидел образцы человеческого совершенства, руководимые идеалом небесным. Таким образом он явил в себе из древности известный, но не многим доступный прием сильных душ, по которому человек, честно сознавая свою ограниченность человеческого знания и сил, чувствуя потребность высшего озарения для решения великих вопросов нравственной жизни, с радостью принимает божественное Откровение и отдает свой ум в послушание веры»^[19] [80, с. 687-688].

Их было не так много в России, «беглецов своей родины», которых «сознание русской самобытности» привело «опять в свою родную землю» [2, с. 40]. Это И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров...^[20] Они на деле приобрели тот бесценный опыт, о котором писал И.В. Киреевский: «Для того, чтобы соглашать истины разума с превышающе разум

истиною Откровения, нужна двойная деятельность разума. Мало того, чтобы устраивать разумные понятия сообразно положению Веры, избирать соответственные, исключать противные, и таким образом очищать их от всего противоречащего, – надо еще самый образ разумной деятельности возвышать до того уровня, на котором разум может сочувствовать Вере^[21], и где обе области сливаются в одно нераздельное созерцание истины. Такова цель, определяющая направление умственного развития православного христианина и внутреннее сознание этого искомого края мысленной деятельности постоянно присутствует в каждом движении его разума, дыхании его мысленной жизни...»^[22] [36, с. 885-886].

После встречи с европейской цивилизацией, представшей пред Иннокентием Михайловичем без прикрас, ему, вслед за многими предшественниками, «стало очевидно, что мир славяно-русский и мир романо-германский – два совершенно особенные мира» [Цит. по: 14, с. 635].

Теперь Иннокентию Сибирякову стало близким и понятным утверждение русских мыслителей^[23], что у нас и дело, и задача, и цель, и предназначение иные, а потому у России иная, отличная от Запада, «особенная дорога». И «дело наше – возрождение жизненных начал в самих себе... искреннею переменою нашего внутреннего существования» [129, т. 1, с. 93]. На этой «своей особенной дороге» для Иннокентия Сибирякова уже не оставалось места никаким иноземным идейным увлечениям, в том числе и в доморощенной упаковке.^[24] Призыв славянофилов «беспристрастно отыскать и узнать свое» и обратиться к русской истории «без иностранных очков»^[25] [5, т. 2, ч. 1, с. 411] был услышан и исполнен Иннокентием Сибиряковым в жизни. Вслед за славянофилами сознание будущего подвижника «проникало вглубь начал, составляющих духовную сущность русской народности» [1, с. 2521] – в православную духовную традицию, что давало ему возможность образовываться по заветам, оставленным русскому человеку его предками.

В «переразвращенной среде, какова наша образованная» [110, т. 6, с. 382], требовались уже не теоретическая полемика, а подвиг духа. Становилась ясной и цель на последующие годы: подвиг внутреннего преображения, нравственного обновления, перевоспитания самого себя, преодоление, пусть и в единичном варианте, того помрачения, которым были охвачены в России в конце XIX – начале XX веков многие общественные деятели, люди науки и искусства.

В одном из своих писем из Европы в 1893 г. И.М. Сибиряков писал: «Здесь далеко не так заметны «праздники» (Пасха), поздравлений никаких нет вовсе. Театры открыты всю Страстную, исключая Великой Пятницы, когда допускаются только серьезные концерты. Иностранцы подсмеиваются над нашим обычаем целоваться или, что называется, христосоваться на Пасхе... Этот, в сущности, прекрасный обычай теперь превратился в какую-то формальность и, пожалуй, действительно не соответствует современным условиям жизни «интеллигентного» общества» [82]. В приведенном отрывке из письма к В.И. Межову просматриваются настроения, явно навеянные славянофильскими идеями. И.М. Сибиряков подчеркивает формализм «просвещенного» общества в отношении к церковной традиции: в образованной среде, еще соблюдающей внешний обряд, он становится пустой оболочкой, лишенной живого чувства, так как не пронизан духом веры.

То доброе зерно веры, которое с детства было в душе, и которое получило свое дальнейшее благодатное развитие в практике благотворения, вошло в явное противоречие с внешней образованностью, постулаты которой все больше выдавали свою духовную несостоятельность. Применив к И.М. Сибирякову слова И.В. Киреевского, отнесенные им к России, и слегка их перефразировав, можно сказать, что «русская особенность» в Иннокентии Михайловиче спаслась от возможности «быть задушена западным просвещением», «прежде чем ложное

направление Запада» взяло над ней верх [37, т. 2, с. 288].

Возвращение «домой» оказалось для Иннокентия Сибирякова одновременно и обретением Истины, которую он столько лет искал и которую обрел в Православии.

Евангелие, которое становится с этих пор главной книгой для Иннокентия Сибирякова, побуждало задуматься, помогало заглянуть в собственную душу, позволяло понять, что бороться со злом во внешнем мире можно не иначе, как только начиная со своей души. Ответ на вопрос, как победить зло в мире, теперь получал для И.М. Сибирякова полное разрешение (как бывает в подобных случаях всегда): чтобы зло было уничтожено в мире, его нужно прежде всего побороть и уничтожить в самом себе. Борьба с мировым злом «должна совершаться прежде всего в душах человечества, во внутреннем, а не во внешнем мире. Внешнее переустройство, совершенное путем физического устранения носителей греха, не даст результата, ибо таким образом зло неуничтожимо».^[26]

Будучи человеком действия, Иннокентий Михайлович Сибиряков призыв к подвигу духовному начинает осуществлять незамедлительно. С принятием бесповоротного решения новая движущая сила, получившая в душе простор для своего действия, подвигает все его существо к преобразованию не только внутреннего мира, но и внешнего порядка личной жизни, которая начинает обустроиваться по канонам Православной веры и Устава Церковного. Слово «подвиг» предполагает движение, восхождение. Верующему сознанию известно, что истину нельзя получить даром, необходимо предпринять подвиг движения к ней^[27], причем этот подвиг движения всегда совершается совместно с подвигом крестоношения (по меткому святоотеческому выражению – «в раю нераспятых нет»).

Из потребности постижения духовных основ Православия и усвоения живого опыта церковной жизни естественно вытекала потребность паломничества по монастырям и святым местам Руси, которые и начинает совершать Иннокентий Сибиряков. В 1890 г., когда он приехал из-за границы и поселился в квартире на Гороховой улице, его часто стали видеть в столичных храмах и паломником местных и окрестных монастырей [19, с. 167]. Это было время, когда по Руси еще бродили от монастыря к монастырю многочисленные богомольцы, «калики», странствующие искатели Бога, которыми на протяжении многих веков была полна Святая Русь, столь талантливо изображенная в книгах Ивана Шмелева, Василия Никифорова-Волгина, Бориса Зайцева и других православных писателей. Монастыри продолжали оставаться «духовным сердцем России» (И.В. Киреевский), за что в «прогрессивной» печати их подвергали неистовым по накалу злобы нападкам. В «святых зародышах несбывшихся университетов», как называл монастыри Иван Васильевич Киреевский, получал образование^[28] простой русский народ^[29]. Православные обитатели находились в постоянном, живом и благодатном общении с народом. Ходили странники по лицу земли – правду в монастырях искать, сердце свое утешить, сомнения свои развеять. Так было сотни лет. С пренебрежением смотрело «культурное» общество на это движение Руси ко Христу, уже не понимая, что не просто к Сергию Радонежскому или Варлааму Хутыньскому, а в горний Иерусалим – Град Небесный – идет народ, к Отцу, без единения с Которым в духе любви не мыслил оправдания своему существованию на земле русский человек на протяжении многих веков. Вместе с народом стал находить в монастырях разгадки своим сомнениям и Иннокентий Михайлович Сибиряков. Вера во Христа Спасителя открывалась ему в тайне сердца, известной только Богу, а потому словесному описанию или анализу подлежать не может. Но всеобщим для воцерковляющегося сознания всегда в таких случаях является понимание, что христианство существует только в своей законченной целостности, которая передана нам от древних времен, и которую нельзя расчленять на отдельные части, приспособлявая их под свои понятия, а остальное объявлять якобы устаревшим. Как отмечает М.М. Дунаев, вычленение хотя бы одной из частей

(религиозно-мистической, философской, этической) неизбежно разрушает целостность, обесмысливая и обесценивая и то, что было «оставлено» как необходимое. Время поиска истины для Иннокентия Сибирякова подходило к концу. Как и все верующие, он обретал Истину в Евангелии, важнейшим событием которого является «непостижимое умом человеческим само-жертвоприношение Бога, призванное таинственным неисповедимым образом изменить судьбы человечества, судьбы мира» [29, с. 159].

Во время своих паломничеств И.М. Сибиряков начинает пристально всматриваться в монашескую жизнь. Иноческий подвиг вызывает в нем не просто сочувствие. Монашество на Руси для многих искателей истины стало последним и убедительным ответом на вопрос о смысле жизни. Оно звало человека задуматься над своей собственной правдой, светило душе неотмирной духовной тишиной, молитвенным самоуглублением и покоем, удивляло неподдельной лаской кроткого, смиренного, любящего сердца. Человека, ищущего личного совершенства, это не могло не трогать. Монах во все времена – человек не от мира сего. Он неуязвим никакой суетой, сосредоточен в себе, и ко всему в жизни подходит только с мерой Евангельской. А потому истинный подвижник уже в преображенном состоянии своей души не может не поражать и не притягивать сердца ищущих «Царства Божия и правды его» (Мф.6:33). Но ведь именно к этому царству и стремился теперь Иннокентий Сибиряков. «Отсутствие счастья в жизни, – говорил он близким людям, – гнетет мое сознание безотчетным чувством скорби, горести и отчаяния. Так чувствую я себя теперь, по возвращении в Россию. Здесь, как и везде на свете, я вижу только одни страдания людей, одни муки человеческие, одну суету мирскую. Как будто вся наша жизнь только в одном этом и состоит, как будто Господь Бог всех нас создал для одних страданий на свете и нет для человека никакой отрады, кроме печального конца – смерти... И я думаю, что все эти пытки, все мучения, все страдания суть лишь вещи благоприобретенные человеком, но не наследие Божие для нас на земле. Ведь Царствие Божие внутри нас, а мы всем этим пренебрегли и впали в отчаяние, в тоску, в ад жизни. Да, слаб, ничтожен и малодушен человек в выборе своего земного блага, личного счастья» [19, с. 167].

Перемены в духовной жизни Иннокентия Сибирякова почти совпали по времени с прибытием в Санкт-Петербург с Афона чудотворной иконы Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение» – главной святыни Русского Свято-Андреевского общежительного скита. Образ Богородицы «В скорбех и печалех Утешение» прославился своими чудотворениями еще в 60-х годах XIX в., когда афонские монахи привозили икону в Россию и совершали с нею миссионерское путешествие по городам [134, с. 1109]. После этого чудотворная икона была возвращена на Афон. Но в связи с открытием Санкт-Петербургского подворья Старо-Афонского Свято-Андреевского скита, братия принимает решение доставить чудотворный образ Божией Матери в столицу Российской империи, оставив в Свято-Андреевском скиту список с иконы. Именно этот, прибывший в Россию, чудотворный образ Богородицы впоследствии будет иметь решающее значение в главном выборе жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова, о чем еще будет сказано. В настоящее время икона хранится в ризнице Николо-Богоявленского собора в Санкт-Петербурге.

Пора возвращения «домой» совпала у Иннокентия Сибирякова с празднованием в 1892 г. 500-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского, который, по слову В.О. Ключевского, «примером своей жизни, высотой своего духа... поднял упавший дух русского народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в будущее...» [Цит. по: 29, с. 178]. Слияние с духовной жизнью народа, прикосновение к его святыням, погружение в одухотворенную и трезвенную среду православного мироощущения животворно действовало и на Иннокентия Михайловича. Он стал почитать святых, которых любил его народ, чтить обычаи, которые он чтит. Он сделал последний и бесповоротный выбор в своей жизни. Его

мировоззренческой ориентацией стала Православная вера.

Исход из мира

*Ничто столько не уподобляет
человека Богу как благотворение.*

Григорий Богослов

Подвизайся за истину до смерти...

(Сир.4:32).

Некогда в родительском доме Иннокентий Сибиряков получил главное знание – знание «о едином на потребу» (Лк.10:42). Приумножение этого знания и стало делом его жизни. В начале 90-х годов жизнь благотворителя уже мало отличалась от жизни великих предшественников-славянофилов – творцов светской религиозной мысли. Известно, например, о Ю.Ф. Самарине от его духовника протоиерея А. Ключарева (в дальнейшем архиепископа Харьковского и Ахтырского Арсения), что «порядком своей жизни Юрий Федорович напоминал древних аскетов, т. е. христиан, живших среди мира, но в отчуждении от него и в служении Богу и ближним. Ради свободы духовной и умственной деятельности он отказался от супружества и семейного счастья; при богатстве он чужд был доставляемых им чувственных наслаждений. Круг близких знакомых он ограничивал людьми, которые пополняли его жизнь и доставляли ему утешения дарованиями, познаниями и благородством сердца. Бескорыстно, без мысли о славе и почестях, он трудился дни и ночи для блага Отечества, не почитая для себя унизительною никакой работы для пользы общей» [80, с. 689].

Сравнивая жизнь ученого-мыслителя с бытовым укладом Иннокентия Сибирякова, нельзя не подчеркнуть, что уже в юные годы проявилась в будущем иноке склонность к жизни строгой и воздержанной. Современники из среды ученых свидетельствуют о том, что в годы учебы он избегал телесных развлечений и прихотей. П.Ф. Лесгафт писал о своем ученике: «Точно также он не хотел проводить эгоистическую жизнь, окружаясь всеми земными удобствами и удовлетворениями; он жил при самых скромных условиях и по мере его знакомства с жизненными формами... он становился строже к себе и все более избегал всякие телесные развлечения и прихоти. Чуткий ко всему окружающему, он стал верить человеческим нуждам и страданиям и помогать всем к нему обращающимся» [53, с. 10-11]. Адресные книги Санкт-Петербурга свидетельствуют, что Иннокентий Сибиряков снимал квартиры, предназначенные для людей среднего достатка, не соответствующие его званию миллионера-золотопромышленника. Он даже не завел личного экипажа и пользовался извозчиками.

Но, к сожалению, после ухода Иннокентия Михайловича Сибирякова в монастырь, каких только небылиц о нем не написали, примеряя к благотворителю расхожий стереотип развращенных богатством толстосумов. Эти измышления бульварных сочинителей попали однажды в церковную книгу, и с тех пор вымысел, не соответствующий действительности, нет-нет да и перепечатывается в православной литературе (см. книгу о Марка (Лозинского) «Отечник»). Но ведь существуют достоверные свидетельства людей, начиная от его светских учителей и заканчивая священноначалием, хорошо знавших схимонаха Иннокентия (Сибирякова) как в миру, так и в монастыре! Достаточно вспомнить, что К.П. Победоносцев характеризовал Иннокентия Михайловича Сибирякова как честного человека, надежно верующего, простого, ревнителя, которому можно верить [6, с. 30]. «Кротким сыном Церкви» называл его и митрополит Палладий [6, 31]. Причиной возведенной на Иннокентия Сибирякова напраслины было его богатство, не дававшее покоя многим его современникам, а также

решительный отказ от своего многомиллионного имени по соображениям высшего порядка.

Иннокентий Михайлович был очень богат и по меркам того времени. В одном из дореволюционных справочников приводятся такие сведения о его золотодобывающей отрасли: «4 пая наследников М. Сибирякова делятся на 672 части, из которых принадлежат: Сибирякову, И.М., пот. поч. гр. 406. Иркутская горная обл. Ленский горный округ (Олёкминский округ Якутской обл.). Прииски: Андреевский, Благовещенский, Ивановский, Иннокентиевский. В 1894 г. добыто 184 п. 3 ф. 31 з.» [92, с. 114]. Но богатство не отягощало душу Иннокентия Михайловича гордостью. Его отношение к собственности было словно списанным со святоотеческих книг. Все, знавшие И.М. Сибирякова, отмечали его поразительную скромность, желание сидеть «на последних местах» (Лк. 14, 10), естественное побуждение вести себя так, словно другие лучше него. За эти христианские качества души люди «другого покроя» нередко характеризовали Иннокентия Михайловича как человека робкого и застенчивого, порой вкладывая в такую оценку отрицательный смысл. Незаметно для окружающих Иннокентий Михайлович все ближе подходил к воплощению в жизнь хриstopодражательного жития. Пришло время, и жизнь Иннокентия Сибирякова приобрела явные черты пустынножительства в миру. Его семьей так и осталась семья родителей – братья и сестры.

Иннокентий Сибиряков был человеком-практиком, потому он и Евангелие воспринимал не как сумму отвлеченных идей, а как руководство к деятельному христианству. Очевидец, наблюдавший быт Иннокентия Михайловича после его обращения к Богу, рассказывает о великодушии благотворителя следующее: «Кто только из столичных бедняков не был у него в доме на Гороховой улице, кто не пользовался его щедрым подаянием, денежной помощью, превосходящей всякие ожидания! Дом его обратился в место, куда шли алчущие и жаждущие. Не было человека, которого он выпустил бы без щедрого подаяния. Были люди, которые на моих глазах получали от Сибирякова сотни рублей единовременной помощи... Сколько, например, студентов, благодаря Сибирякову, окончили в Петербурге свое высшее образование! Сколько бедных девушек, выходящих замуж, получили здесь приданое! Сколько людей, благодаря поддержке Сибирякова, взялось за честный труд!» [19, с. 167].

Благотворитель кипами получал письма с просьбой о материальной помощи. Очень многие из этих просьб удовлетворялись без проверки. «У Иннокентия Михайловича был период, – пишет еще один его современник, – когда он рассуждал так: «Если просят, значит нужно: если можно дать, то есть, если имеются средства, то и нужно дать, не производя розыска» [20, с. 1]. Он не интересовался, отчего несчастен просящий помощи ближний, почему он оказался в нужде, что довело его до бедственного состояния. Не пускался в исследования побудительных причин, если с просьбой приходили к нему люди, живущие в достатке. Он спешил на помощь, и «монетка» не запотевала в его руке. С детства наученный семейным примером, Иннокентий Михайлович крепко усвоил христианскую науку: истинная благотворительность должна обнимать всех и каждого.

Бывали дни, когда Иннокентий Михайлович Сибиряков принимал до четырехсот человек, и никто «не отходил от него тощ». У него почти не оставалось личного времени, и тогда он решил организовать особое бюро для оказания денежной помощи, через которое раздал нуждающимся миллионы рублей [20, с. 1]. Мягкое и доброе сердце Иннокентия Михайловича сочувствовало и сострадало всякой нужде и беде, с которой он соприкасался. «Жизнь наша красна бывает лишь тогда, – говорил он, – когда все нам улыбается вокруг... Но если вы чувствуете подле себя нищету, будучи сами богаты, то вам как-то становится не по себе» [19, с. 167].

И.М. Сибиряков научился не только давать всем просящим (за очень редким исключением, на

что были серьезные основания), но и давать охотно. Усердие христианина выражалось в нем и богатством сердечного расположения. Сердце нуждающегося и просящего человека зорко. Ему не все равно, кто и как протянет кружку воды или кусок хлеба. Никому не хочется, даже при великой жажде, пить из мутного источника. Потому и тянулись люди непрерывной вереницей к Иннокентию Михайловичу, что чувствовали в нем присутствие евангельского духа, неподдельную искренность милующего сердца, которые были дороже даже самой милостыни.

Как христианин, Иннокентий Сибиряков уже понимал, что дела милосердия оцениваются Богом не по видимой значительности, не по количеству даяний, а по тому расположению сердца, с каким они делаются, по чистоте побуждений, по достоинству жертвуемых средств. В эти годы Иннокентий Сибиряков поступал подобно Иоанну Милостивому, беспрепятственно допуская к себе всех, приходящих к нему, как святитель Ефрем Переяславский, украсивший Переяславль храмами, благотворительными учреждениями и больницами, как, наконец, живущий совсем рядом брат во Христе Всероссийский пастырь Иоанн Кронштадтский.

Многие современники, наблюдая размах и всеохватность благотворительной деятельности Иннокентия Сибирякова, не могли его понять, считая, что он не ценит полученное по наследству состояние, что он не разборчив в подаении милостыни, откликаясь на просьбу всякого просящего, порой и притворную. Так считали люди, уже утратившие связь с живой христианской традицией, не понимавшие духовного значения поступков Иннокентия Михайловича. Но он сам-то знал, что делал, и сознательно жил так, как жил, не боясь обеднеть, ведь «в понятиях православного человека ни один акт житейский не изъят от начала нравственного, хотя бы в минимальной степени» [130, с. 53].

Конечно, со временем раздача материальной помощи стала осуществляться через специально нанятых для этой цели работников, что сути дела не меняло.

В те годы в Иннокентии Сибирякове сострадание к людям особенно ярко проявилось в его отношении к переселенцам в Сибирь, претерпевавшим тяжелейшие бедствия в пути и трудности обустройства на новых землях. В 1890 г. И.М. Сибиряков становится одним из учредителей Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам [126, с. 1-7], начало деятельности которого совпало с голодом, постигшим Россию в 1891 г. Отчаянное положение сложилось в связи с голодом в Нижегородской губернии, где на средства Иннокентия Михайловича при посредничестве писателя В.Г. Короленко открываются столовые для пропитания голодающих. Под давлением голода поток переселенцев в Сибирь «взломал» организованные рамки и приобрел стихийный характер. На перевалочных пунктах, по всему пути следования переселенцев, не хватало самого необходимого, даже барачных. Тысячи людей с детьми и скарбом оказались под открытым небом. Начались эпидемии. На Тюменском переселенческом пункте на деньги Сибирякова и его сестры Анны Михайловны ремонтируются старые и достраиваются новые бараки, строятся столовая и больница [49, с. 178].

Иннокентий Михайлович выделяет средства и для организации санитарного отряда из студентов-медиков во главе с Ядринцевым, который отправляется в Тобольскую губернию [22, т. 5, с. 360-361]. Созданный за счет Сибирякова отряд медиков начинает работу и в Казанской губернии. Охваченный сочувствием к народному горю, он и сам выезжает в Курган и на месте знакомится с обстановкой, принимая необходимые меры для облегчения положения страдающих от голода и болезней людей [49, с. 178].

Напряжение, работа, дальние поездки отразились на здоровье Иннокентия Михайловича. Оно пошатнулось, и благотворитель отправляется на лечение в Ниццу, где у Сибиряковых был дом.

Из Европы он возвращается летом 1893 г., судя по предпринятым действиям, уже с выношенным решением о решительной перемене жизни, и, по выражению Ядринцева, «ликвидирует все». Он начинает подготовку частично к передаче, частично к продаже своих паев в золотодобывающих компаниях и пароходствах брату Константину и сестре Анне [101, с. 1]. Иннокентий Михайлович еще продолжает вести многие проекты, но уже становится заметным, что он сворачивает свою публичную деятельность. Удивляет, насколько благородно подводит черту под старой жизнью щедрый благотворитель, оставляя в кассах общественных организаций немалые капиталы [63, с. 22], делая последние крупные вклады в различные светские учреждения, с которыми сотрудничал в течение десяти лет.

Перемены в мировосприятии Иннокентия Сибирякова были непонятны его современникам. Внешняя жизнь «просвещенного» общества 90-х годов продолжала быть наполненной идеями служения общественному благу, но уже далеко не эти идеальные устремления набирали силу. Славянофильское определение «цели человечества» как необходимости «осуществить нравственный закон на земле» [4, с. 52] выглядело, мягко говоря, старомодным. Отвергались уже не только славянофилы, хотя их заслуги перед отечественной наукой были неоспоримы,^[30] кризис переживал и «старый демократизм». В это время «вырастает пустоцвет декадентского равнодушия к истине и презрения к самопожертвованию...^[31] В сфере теоретической мысли наибольший интерес возбуждает Ницше, с его желанием «стать по ту сторону добра и зла» и создать религию обожжающей себя личности. Проникают к нам и... французское декадентство и символизм, с их аффектированным презрением к нравственным задачам искусства и поклонением извращенности во всех ее видах.^[32] Все это ослабляет альтруистическое течение...<...> В середине 90-х годов возникает новое умственное течение, получающее название «марксизм» или «неомарксизм» и вступающее в борьбу с «народниками» 70-х годов и вообще с старым демократизмом.^[33] Русский марксизм^[34] ... идет рука об руку с теорией экономического материализма», по «которому важнейшим фактором истории являются исключительно экономические причины, борьба классов и интересов»^[35] [14, с. 649].

В то время, когда И.М. Сибиряков определялся в своих главных нравственных ориентирах, внутреннее миропонимание и внешнее существование народа и «просвещенного» слоя в России и их целеположения были настолько разными, что этот, постоянно углублявшийся, конфликт не только сказывался во всех сферах государственного и народного бытия, но и побуждал людей с ясным восприятием происходящего к активному поиску преодоления сложившегося раздора. В таких условиях людям с чуткой совестью истину невозможно было не искать. Тем более, что время от времени в русском обществе раздавались голоса, предупреждавшие своих соотечественников об опасности приближения революционной катастрофы.^[36]

Идейное наследие славянофилов (и их последователей последней трети XIX в.) не могло пройти мимо внимания человека, устремленного к познанию смысла жизни, истории и своего места в ней, ведь, по слову А.С. Хомякова, «чем более человек становится слугою человеческой истины, тем дороже ему его народ» [129, т. 3, с. 229]. В условиях, когда в России появление серьезной книги было событием культурной жизни, не заметить трудов тех людей, кто добывал истину серьезным мыслительным усилием, было невозможно. Со славянофилами Иннокентия Михайловича объединял, разумеется, не род занятий, - он был человек практики, и научных трудов не писал, - а дух, который не дает возможности человеку ошибаться в том, что ему сродно. И хотя славянофилы жили в годы, когда Иннокентий Сибиряков только еще родился, но труды их были известны и доступны. Можно сказать, что И.М. Сибиряков осуществил в своей практической жизни те теоретические разработки, которые изложили славянофилы в своих научных исследованиях

и художественных произведениях. Их призывы, обращенные к «просвещенному» обществу России, были услышаны очень немногими, но среди услышавших Иннокентий Сибиряков был.

По высказыванию А.И. Герцена, славянофилы «заставили призадуматься всех серьезных людей» [18, т. 15, с. 9].^[37] Среди тех серьезных людей, кто призадумался над вопросами об истинной духовности русского народа, о сущностной принадлежности к нему, о личном выражении и осуществлении этой принадлежности был и Иннокентий Михайлович Сибиряков. Идеи славянофилов, их самобытная русская философия и выведенная ею на свет Божий неопровержимая правда, не могли не затронуть глубин души Иннокентия Михайловича, который сам, хотя и был богат, и имел привилегию потомственного почетного гражданства, принадлежал все же по своему родовому происхождению к простому народу, причем в той части России - в Сибири, - которая не знала крепостного права, а потому отличалась свободолобием и непоказным достоинством.

Славянофилы и сами прошли «сложнейший путь духовных искушений, борьбы, падений «в стране далече», полное всяких испытаний возвращение в Отчий дом - и в духовном смысле, и в историческом» [34, с. 303], а потому они были не только предтечами, но и вдохновителями для всех честных и устремленных искателей истины, способных к настоящему подвигу. Но прежде со всей российской неизбежностью того времени Иннокентию Михайловичу пришлось приобщиться к прозападному течению общественной жизни России, прослыть «просвещенным благотворителем», разочароваться в ценностях европейской цивилизации^[38] и вслед за славянофилами вернуться, наконец, на свою духовную родину - в Православие.

В начале 90-х годов активная благотворительная деятельность И.М. Сибирякова выходит на новый уровень, значимость его пожертвований в отечественные науку и культуру еще более возрастает. На средства Иннокентия Михайловича был пристроен один из залов музея Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, который получил название Сибиряковский [106, с. 24-27]. Под названием Сибиряковской вошла в историю и этнографическая экспедиция в Якутию - последняя из организованных на пожертвования благотворителя [13, с. 661]. Один из самых крупных вкладов (30 тыс. рублей) внес И.М. Сибиряков на строительство нового театра в Иркутске, сгоревшего в начале 90-х годов XIX в. [77, с. 2]. Барнаулу в 1894 г. Иннокентий Михайлович пожертвовал 5 тыс. рублей на возведение Народного дома и т. д. Не оставляет золотопромышленник без своей заботы и тех простых тружеников, которым был обязан своим богатством. Иннокентий Михайлович учреждает капитал имени своего отца в размере 420 тысяч рублей для выдачи пенсий и пособий рабочим золотых приисков [87, с. 1-3].

Голос его совести, усиленный дыханием искренней веры, побуждал Иннокентия Сибирякова к раздумьям такого рода: «Я обладаю богатством. Как это случилось, думал я, что в моих руках скопились такие средства, которыми могли бы прокормиться тысячи людей? Не есть ли это средства, случайно попавшие ко мне, достояние других людей, искусственно перешедшее в мои руки? И я нашел, что это именно так, что мои миллионы - это результат труда других лиц, и чувствую себя неправым, завладев их трудами» [19, с. 167].

Иннокентий Сибиряков не мог не позаботиться и о своих учителях, которых глубоко уважал. В 1893 г. он жертвует П.Ф. Лесгафту 200 тыс. рублей и свой дом в Санкт-Петербурге стоимостью 150 тысяч для устройства учебного заведения, известного под названием «Биологическая лаборатория», естественнонаучного музея и печатного органа [52, с. 10-11]. Автор книги «Лесгафт в Петербурге» А.В. Шабунин так воссоздает это необычное в жизни П.Ф. Лесгафта событие: «Предвидя возможные резкие возражения Лесгафта, Иннокентий Михайлович с внутренним волнением, но твердо, как о деле необходимом и давно решенном, заявил:

- Петр Францевич! Единственное, чем я могу отплатить за счастье быть вашим учеником, это, простите, деньги... Считайте, что я даю их не вам, а науке...

Не терявшийся ни в какой обстановке Лесгафт, умевший отчитать и одернуть любого, был застигнут врасплох. С минуту он молча смотрел на своего ученика, не зная, что сказать, а потом шагнул к нему и порывисто обнял. Это была такая удача, такой неожиданный сюрприз, о котором он не смел и мечтать».

Биологическая лаборатория Лесгафта стала впоследствии крупным научным и образовательным центром. «К августу 1905 года, - сообщает А.В. Шабунин, - был построен вместительный четырехэтажный корпус, выходящий фасадом на Английский проспект. Первый этаж отвели под канцелярию, комнаты ассистентов и служителей, столовую, кухню, ванную, комнаты отдыха. Второй этаж заняли музейные помещения, зоологический кабинет, чучельная мастерская. На третьем этаже разместились рабочие кабинеты для занятий по анатомии, физиологии, ботанике, геологии, физике. Здесь же находились две аудитории - «аналитическая» и «физиологическая». Четвертый этаж включал большую аудиторию на 500 человек, вторую аудиторию поменьше, актовый зал, химическую лабораторию, библиотеку и кабинет Лесгафта». Постройка нового здания позволила увеличить число принимаемых на курсы, разместить коллекции, которым давно уже было тесно в старых помещениях».^[39]

Это здание впоследствии выросло еще на два этажа. Достаточное число помещений Биологической лаборатории позволило П.Ф. Лесгафту открыть курсы по подготовке руководительниц и воспитательниц физического образования, которые позднее были преобразованы в институт (ныне Академия физической культуры им. П.Ф. Лесгафта). Сама Биологическая лаборатория, трансформировавшаяся с годами в научно-исследовательский институт, в течение нескольких десятков лет работала по направлениям биологического профиля.

В 1891-92 гг. на средства И.М. Сибирякова изданы научные труды Н.М. Ядринцева, который в 1893 г. на полгода выезжал в Америку на Колумбову выставку на пожертвования нескольких благотворителей, в том числе и Иннокентия Сибирякова [70, т. 5, с. 320]. Не оставил Иннокентий Михайлович без внимания и В.И. Семевского, о чем уже говорилось выше [89, с. 224-225].

Параллельно с жертвованиями на светские нужды развернулась обширная работа Иннокентия Михайловича и во благо Церкви. «Хотя и всякий род благотворительности был ему по сердцу, - пишет монах Климент, - но едва ли не всего отраднее было для него в эту пору подать руку помощи тем, кто стремился работать Богу в смиренном иноческом чине, вдали от мирских соблазнов. <...> ...скоро после поездки на Запад Иннокентий Михайлович направляет свою благотворительность главным образом в сторону Православия и Церкви - на нужды монастырей, на благолепие храмов, на все то, что так или иначе способствует людям в достижении вечного блаженства» [39, с. 514, 513]. Об идеалах Иннокентия Сибирякова этого периода его жизни можно сказать словами, отнесенными в свое время к Ю.Ф. Самарину: «В его сознании ясно предносился светлый идеал России, достойно представляющей собою живую, великую часть Православной Вселенской Церкви, самостоятельно соединившей свободу, искренность и цельность веры с глубоким и всесторонним образованием, от нижних до верхних слоев народа, как было в старину, проникнутой одними началами и убеждениями, ясным сознанием своего исторического призвания» [80, с. 690].

В начале 90-х гг. XIX в. на Петербургском подворье Свято-Андреевского скита служил иеромонах Давид (Мухранов). Он и стал духовным отцом Иннокентия Михайловича Сибирякова [39, с. 514]. Мы пока не располагаем сведениями, проливающими свет на подробности

знакомства золотопромышленника Сибирякова с отцом Давидом, но по косвенным фактам можно предположить, что оно состоялось в самом начале 90-х годов XIX в. и имело для Иннокентия Михайловича судьбоносное значение. По свидетельству самого архимандрита Давида и братии, Иннокентий Сибиряков одновременно передал о. Давиду 2 млн. 400 тыс. рублей, предоставив ему раздавать эти деньги по своему усмотрению. Отец Давид раздал половину на благотворительные дела и бедные монастыри России. На эти средства были возведены также братские корпуса и хозяйственные постройки Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита, а на вторую половину развернулось грандиозное строительство в самом скиту на Афоне [94, с. 229-300]. «В текущей печати, – пишет монах Климент, – не раз сообщалось тогда о крупных жертвах на богоугодные учреждения от неизвестного или от иеромонаха Давида, то были жертвы И.М. Сибирякова» [39, с. 514]. Все пожертвования Иннокентия Михайловича учету не поддаются, так как он был склонен к тайной милостыне и творил множество благодеяний анонимно. «Человек необыкновенной доброты, он никому не отказывал в поддержке, а вследствие его исключительной скромности, многие из облагодетельствованных им не знали, кто пришел к ним на помощь», – свидетельствуют о благотворителе те, кто трудился рядом с ним [79, с. XXXII].

Нельзя не сказать, что в конце XIX в. в русском обществе широко распространился взгляд на благотворительность как на явление гуманности. Духовную основу человеческой доброты часто в расчет уже и не брали. Иннокентий Михайлович Сибиряков был одним из немногих, если не сказать, одним из последних, кто явил в России во второй половине XIX в. древнерусский тип милостивца, радеющего не только об общественном благоустройстве, что публичным мнением всячески поощрялось, но, в первую очередь, о славе Божией и трудах во спасение. Разумеется, это замечание относится к тому времени, когда Иннокентий Михайлович стал жить глубоко церковной жизнью. На нем в полной мере исполнилось апостольское слово – *кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет* (2 Кор. 9, 6). Щедро сея милостыню и благотворя, мало-помалу очищалась от грехов его душа, все более и более привлекая к себе благодать Спасителя. Всей жизнью своей и делами подтвердил Иннокентий Михайлович Сибиряков непреложность древнего церковного знания, что милостыня очищает сердце верующего человека и приводит его к благочестию. «Как семя дает росток, когда пойдет дождь, – пишет прп. Ефрем Сирийский, – так расцветает сердце при добрых делах» [Цит. по: 84, с. 36]. «Если душа совершает добрые дела, то Дух Святой обитает в ней» [Цит. по: 84, с. 36], – учит авва Исаия. Так милосердием и благотворениями, привлекающими к человеку благодать Божию, воспитывалось сердце Иннокентия Сибирякова, приуготовливаясь к высокому служению в ангельском образе.

Настало время, когда и благотворительная деятельность в миру перестала приносить И. М. Сибирякову духовное удовлетворение. В связи с развитием газетно-журнальной отрасли стало почти невозможным исполнять заповедь Христа о творении милостыни в тайне, а потому предпринимаемый благодетелем христианский труд по спасению души обесценивался. Об этом ненасытном любопытстве к чужим тайнам писал примерно в то время и епископ Михаил (Грибановский): «Так... и с благотворениями. Кто приносит ими жертву Богу, тот знает, что много ли, мало ли он принес, – для Бога это равно ничтожно: Ему принадлежит и небо и земля и все богатства вселенной. И потому такой благотворитель никогда не станет останавливаться на мысли о важности сделанного им и только поблагодарит Бога, что в данный миг удалось посылно выразить Ему свою любовь и прославить Его... И в следующий миг он уже заботится о новом прославлении Бога и не думает о прежнем, которое уже прошло, как благоухание кадила, о котором долго размышлять нет никакого смысла.

Кто своему благотворению придает только человеческий, личный или общественный характер, кто пускает свои добрые дела в оборот людских отношений, рекламируя себя, ища

благодарности, домогаясь славы, хвалясь пользой, - тот должен знать, что делает он дело человеческое, а не Божье, что он поступает... не как христианин, что плоды его дел не оставят никакого следа в вечности и погибнут вместе со всем шумом и со всей суетой этого мира, что до Бога они не доходят и с исполнением заповеди Христа не имеют ничего общего... Различные толки газет и сообщения о благотворениях так же в существе дела уместны, как отчет о том, насколько кто усердно молится Богу в церкви, как вздохнул и когда перекрестился. Все это дело чисто внутреннее, сокровенное, - дело, которому подобает быть вдали от посторонних взоров, и кто лезет сюда с непрошеным любопытством, тот совершает нравственное преступление» [55, с. 26-27].

Надо вспомнить столичное общество тех лет - расцерковляющееся не по дням, а по часам, увлекающееся новомодными учениями, суетящееся в желании блеснуть перед другими неестественной роскошью и освобождением от нравственного долга, - чтобы понять, насколько Иннокентию Сибирякову, с его почтительностью и воспитанной в нем скромностью, было не просто следовать избранным идеалам. Кроме того, с юности Иннокентий Сибиряков находился под постоянным воздействием демократически настроенной среды русской интеллигенции: ученых и литераторов, преданно любящих сибирский край, горячо и искренне отдающихся своему делу, одаренных не только талантом, но и прекрасными личностными качествами, но, при стремлении к переменам во внешней жизни России, все дальше отходивших от духовных основ русской жизни. И. М. Сибиряков поддерживал материально их научные и литературные проекты, многим из них обеспечил жизнь, заботился об их семьях и детях, следуя заповеди «всякому просящему у тебе дай» (Лк. 6, 30) и искренне любя тех, кого Господь дал ему в попутчики на дороге земной жизни. И поразительно, что находясь в таком окружении двадцать (!) лет Иннокентий Сибиряков не прекращал поиска главного идеала, неуклонно шел к постижению высшей - богоподобной - сути человека.

Иннокентия Михайловича Сибирякова от бездуховности спасали и семейные основания, и нацеленность его души на поиск жизненного идеала, и горячее желание личного совершенства, что, в конечном итоге, дало ему возможность найти искомое. Он получил то, что искал, потому что «сила духа дается лишь свободе». «А где эта свобода? Где стремление, где любовь к ней? - спрашивал в конце XIX века своих современников епископ Михаил (Грибановский) и разъяснял, - ... мы все более подпадаем под обаяние ума и открытых им непреложных законов внутреннего и внешнего мира! (Имеются в виду открытия в области естествознания - Т.Ш.). Свобода - это для нас ересь, бунт, целая революция. Только лишь у тех, у кого эти законы высосали всю кровь и разбили всю жизнь, - только у тех есть жажда подвига свободы, на которую и откликается Дух Христов» [55, с. 79].

В этих словах приоткрывается внутренняя тайна полного обращения к Богу многих, кто приходит ко Христу в зрелом возрасте, в том числе и тайна обращения Иннокентия Сибирякова.

«Предоставленный своему внутреннему чувству, - писал в начале XX в. Д.А. Хомяков, подчеркивая ценность внутреннего побудительного мотива и для «самостоянья человека», и для народа, - человек будет непременно проявлять свою индивидуальность, сообразно ее природной силе или в меру ее культурной обработки. То же и народ. Он всегда себя проявит таким, каков он есть, если будет действовать по внушению своего внутреннего голоса, а не во исполнение какой-нибудь заимствованной программы. И только такая его деятельность имеет цену и для него и для человечества, обогащая оное новым человеческим типом»^[40] [130, с. 203].

Ядро личности Иннокентия Сибирякова устояло не только перед разрушительным воздействием революционных идей того времени, но и очаровавшей многих мечтой всеобщего

благоденствия, а также возвышенной иллюзией созидательной деятельности на пользу обществу, и даже человечеству, но уже без духовного основания такого порыва.

Открывшийся как бы заново мир православного монашества, пронизывая сердце чистотой духа и искренним братолюбием, помогал Иннокентию Сибирякову окончательно освободиться от мировоззренческих заблуждений прежних лет. Но именно в это время, когда Иннокентий Михайлович только начинал учиться основам созерцательной жизни, светлый и одухотворенный мир русского неба на земле все с большей неприязнью отметался «передовой» русской интеллигенцией,^[41] влекущейся к своей гибели вслед за разоблаченными в наши дни вождями. В те годы гонения на Церковь пока еще на словесном уровне под общую с нею критику подпал и Иннокентий Сибиряков. Будь он рядовым купцом, на его желание уйти в монастырь никто бы не обратил внимание. Но Иннокентий Михайлович был человеком известным, а потому общественное мнение вынесло ему однозначный приговор и подвергло гонению. Почему именно так общество отреагировало на желание Иннокентия Сибирякова уйти в монастырь? Да потому, что в его душе уже воссияла правда Христова, и мир это видел и принять его таким, с этой правдой в душе, уже не смог. «Если мир вас ненавидит, – предупреждает Господь, – знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира; потому ненавидит вас мир... Если Меня гнали; будут гнать и вас: если Мое слово соблюдали; будут соблюдать и ваше» (Ин.15:18-20).

И стоит только удивляться тому, насколько единодушными оказались в своем неприятии выбора Иннокентия Сибирякова как «высшее» общество в лице градоначальника Санкт-Петербурга Валя с имеющимися у него карательными полномочиями, так и преследуемая им «прогрессивная» интеллигенция, прошедшая каторгу и ссылку за антиправительственные действия.^[42]

«Иннокентий» - значит «безвинный»

*Когда хочешь положить начало добродетели,
приготовься сперва к искушениям и не сомневайся в истине.*

Исаак Сирин

*Истина дается только тому, кто ее ищет добросовестно,
а всякая истина служит Богу.*

А.С. Хомяков

Среди современников, наблюдавших жизнь Иннокентия Михайловича Сибирякова, встречались люди, уже не способные на подаяние милостыни в духе Евангелия. Они считали щедрого благотворителя в некотором роде чудачком. Человеческая зависть, опечаленная чужим благополучием, распространяла о нем измышления, слухи, кривотолки, клевету, попадавшие порой в печать, к сожалению, даже в церковную [123, с. 93], о чем уже упоминалось. Но пока мир судил да рядил о его жизни в новом качестве, в самом Иннокентии Михайловиче продолжали происходить благодатные перемены. Монах Климент пишет: «Усиленная благотворительность и усердная молитва дали Иннокентию Михайловичу спокойствие духа, но он еще часто вспоминал евангельского богача, которому сказал Господь Иисус Христос: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною (Мф. 19, 21). Этот призыв он относил всецело к себе и не мог успокоиться до тех пор, пока не будет нести свой крест за Христом, как

один от неимущих. Наконец, бесповоротно он решил последовать Евангельскому призыву и начал с такой поспешностью расточать имение чрез... иеромонаха Давида, как будто старался сбросить с себя тяжелую ношу, как можно скорее.

Но как ни щедро расточал Сибиряков свои именья, их оставалось еще много. Последнему способствовало его крупное золотопромышленное дело и то, что он расточал имущество разумно - давал деньги лишь туда, куда их должно было дать; притом же и иеромонах Давид способствовал его благоразумной раздаче и к деньгам отнюдь не был пристрастен, что и заставило Иннокентия Михайловича полюбить его. И он полюбил его от всей души и избрал себе в духовника и духовного вождя на жизненной стезе» [39, с. 514-515]. И как рядом с этим свидетельством монаха о внутренних побудительных причинах щедрой благотворительности Иннокентия Сибирякова тускло выглядит заявление «прогрессивного» интеллигента А. Головачева: «Он не мог не видеть, что эти щедрые пожертвования его - малая капля и ничуть не содействуют хотя частичному разрешению великого вопроса об имущественном неравенстве. Есть основание думать, что вопрос этот сильно беспокоил Иннокентия Михайловича и он не мог найти выхода из тяжелого положения» [20, с. 1].

Пока окружающие с недоумением обсуждали поступки Иннокентия Михайловича, он жил по Евангелию, а потому укреплялся духом и восходил «от силы в силу» (Пс. 83, 8), созревая для наивысшего служения - всецелого предания себя воле Божией. И на этом пути было попущено ему суровое испытание. Когда Иннокентий Сибиряков уже перестал скрывать свою любовь к монашескому житию, стал часто разговаривать с монахами и монахинями о духовной жизни и сам уже открыто высказывал желание стать монахом, некоторые близкие люди при поддержке Санкт-Петербургского градоначальника обвинили его в безумстве с желанием не допустить к монашеству и взять капиталы под опеку. Христианская благотворительность Иннокентия Михайловича Сибирякова была объявлена «безрассудной расточительностью» и вменялась ему в вину. «Просвещенное» общество, оставленное без щедрых попечений благотворителя, не могло ему этого простить. Порой это чувствуется даже в некрологах и посмертных статьях, опубликованных после кончины схимонаха Иннокентия. «В это время мучительного раздумья («об имущественном неравенстве», как считает автор цитируемой статьи - Т. Ш.) Сибирякова начинают окружать монахи и монахини и вести с ним беседы о житейской суете, о ничтожности человеческой личности. И.М. как мягкая натура, - пытается объяснить А. Головачев, - быстро поддается новому, умело направленному влиянию, начинает задумываться над религиозными вечными вопросами и по желанию «новых друзей» удаляется от старых, уклоняется от общения с ними, и только некоторые из них еще приходят в соприкосновение с ним» [20, с. 1]. Грустно читать подобные свидетельства, не столько приоткрывающие действительное положение вещей, сколько выдающие скромные размеры той внутренней мерки, с которой подходили к оценке поступков Иннокентия Михайловича некоторые биографы и свидетели, мировоззрение которых уже было ограничено лишь рамками материального мира. Вызывает сожаление тот факт, что огромный материк русской духовной культуры прошел мимо сознания этих «русских» интеллигентов.

Итак, в столице вокруг имени Иннокентия Сибирякова начинает складываться определенное общественное мнение. Столичным толстосумам поведение Иннокентия Михайловича не давало покоя по той причине, что через щедрые благотворения И.М. Сибирякова обнаруживалась их личная неспособность к подобным поступкам, к настоящей, идущей от сердца, жертве ради Христа. Недаром историк М.К. Соколовский, знакомившийся с делом Сибирякова «по Канцелярии Санкт-Петербургского Градоначальства», вынужден был начать его описание с такого отступления: «Миллионы... Золотой кумир был от века царем общества. Все и вся приносилось в жертву золотому тельцу. Около золота плелась интрига, слагались сплетни, змея зависти готова была высунуть свое жало, порою в реторте шипел яд и даже точилось

лезвие кинжала. Золотой дождь мог все купить, заставляя молчать стыд и совесть, забывая доброе имя, честь, семью, родину...» [68, с. 16].

Михаил Константинович Соколовский в 1916 г. был избран Председателем Петроградской Губернской Ученой Архивной Комиссии. В 1924 г. он писал: «Вскоре я получил... старые дела Сысской Полиции, которые были предназначены к уничтожению. Этому дару следует придать особое значение, т. к. весь остальной архив Сысской Полиции был сожжен в первые дни революции и, значит, погиб окончательно для науки.

Полученные мною дела, достигавшие нескольких тысяч, я тщательно пересмотрел. Огромное большинство их, действительно представляло то, что можно назвать макулатурой. ...Но несколько сот дел являются высокоинтересным архивным источником...» [68, с. 12].

Надо отдать должное этому исследователю и поблагодарить его за то, что он сохранил для потомков подробное описание судебного освидетельствования Иннокентия Михайловича Сибирякова, на котором он был полностью оправдан. Так как обвинение Иннокентия Сибирякова в безумии занимает одно из ключевых мест в его биографии, попробуем по имеющимся в нашем распоряжении источникам восстановить картину глумления, которому подвергся известный на всю Россию золотопромышленник и общественный деятель.

«Своеобразное дело касательно миллионов имеется в делах Сысской Полиции, - пишет М.К. Соколовский, - дело, вызванное миллионами известного золотопромышленника Иннокентия Михайловича Сибирякова. Щедрою рукою, полными пригоршнями сыпал он золото на помощь просителям, на культурные цели, и тем родил сомнение в нормальности своих умственных способностей. Находился он еще в полном расцвете сил - ему было 33 года, - окружен он был миллионами, можно сказать, купался в них и... познал всю тщету денег. Отказывая лично себе, он поселился в маленькой квартирке и стал раздавать крупными кушами деньги направо и налево. Конечно, это было своеобразно. Общество не удивлялось бы, если бы он преподносил жемчуг и бриллианты сомнительным певичкам, если бы он строил себе дворцы во вкусе альгамбры, накупал картин, гобелены, севр и сакс или в пьяном виде разбивал зеркала, чтобы вызвать хриплый хохот арфянок, - все это было бы обычно. Но Сибиряков отошел от этого и, побуждаемый душевными склонностями, проводил в жизнь правило - «просящему дай!» [68, с. 16-17].

Поводом для обвинения Иннокентия Михайловича Сибирякова в «невменяемости» послужил такой случай. «Входя однажды в Знаменскую церковь в Петербурге (теперь на этом месте находится станция метро площадь Восстания - Т.Ш.), он положил на книжку стоявшей на паперти монахини серебряный рубль, - сообщает Б. Никонов. - Монахиня, должно быть, привыкла получать только самые мелкие подавания; она так была поражена этим рублем, что тут же, на глазах Сибирякова, упала на колени пред образом и стала громко благодарить Бога за такой щедрый дар. Сибиряков был растроган и спросил у монахини ее адрес и из какой она обители. И на следующий же день он явился по ее адресу в одно из столичных подворий и передал монахини все свои свободные деньги... (исследование данного вопроса позволило выяснить, что сумма пожертвования составляла 147 тысяч рублей - Т.Ш.).

Монахиня пришла в ужас от такой огромной суммы. Она заподозрила тут что-то неладное и по уходе своего необыкновенного посетителя заявила о нем полиции... Возникло упомянутое нами судебное дело... Суд, однако признал его (Сибирякова) действовавшим в состоянии полного разума и утвердил за бедной угличской женской обителью пожертвованную ей громадную сумму» [61, с. 960в].

Итак, после пожертвования 147 тыс. рублей в пользу Угличского Богоявленского монастыря, в

1894 г. имущество И.М. Сибирякова было опечатано, и ему пришлось проходить через унижительную процедуру освидетельствований, результаты которых предавались широкой огласке [135, с. 76]. Иннокентий Михайлович оказался чуть ли не под домашним арестом, а у родственников требовали давать за него расписки. В это тяжелое для благотворителя время, когда еще шел сбор компрометирующих Иннокентия Сибирякова материалов, посетил Иннокентия Михайловича Сибирякова незнакомый ему до той поры иеромонах Алексей (Осколков), задумавший строить монастырь на Дальнем Востоке России в Приморском крае. Вот как описывает почтенный старец свою первую встречу с Иннокентием Михайловичем: «Приехал, вхожу на двор, показывают входную дверь каменного в 5 этажей дома; поднимаюсь по темной лестнице в третий этаж - звоню! Отворяется дверь, спрашиваю - здесь ли живет И.М. Сибиряков? Здесь! Пожалуйста. Вхожу - тесная передняя, передо мной маленький, аккуратный человек! Спрашиваю. Дома Иннокентий Михайлович? Дома - пожалуйста - и отворяет, оказывается кабинет, посередине большой письменный стол; в правой стене, при окне - дверь, на ручке замка которой вижу висит сургучная печать, шнурок от которой сургучную же печатью прилеплен к другой половине двери. Не видя никого в кабинете, опять спрашиваю: где же сам то Инк. Михайлович? Тогда уж он говорит - это я! И просит сесть на стул при столе, а сам сел против меня» [6, с. 29]. Иннокентий Михайлович признался ревнителю иноческого подвига: «Люблю монашество и сам желаю быть монахом». Увидев в посетителе сочувствующего ему брата по вере, Сибиряков откровенно рассказал отцу Алексею о своем бедственном положении. «Начав повествование о посещении его докторами, экспертами и полицией, - вспоминает иеромонах Алексей, - и как стараются его смутить, расстроить, вызвать на неприятный спор, доказать во всем его неправость, ошибочность, ума не здравость, со слезами говорил: «Что сделал я им? Разве это не моя собственность? Ведь я не разбойникам раздаю и ко славе Божией жертвую!» [6, с. 29].

Отец Алексей взял на себя хлопоты по оказанию помощи Иннокентию Михайловичу, объяснив ему главный духовный смысл происходящего с ним. Он сыграл важную роль в жизни схимонаха Иннокентия и вселил в него надежду: «Очень рад, что милость Бога доставила мне утешение познакомиться с вами, ибо в вас я вижу Богом любимого - желающего, но не умеющего любить Его, - раба смиренного и кроткого...

Веруйте, что получите полную свободу. Бог да благословит вас» [6, с. 30].

За время пребывания о. Алексея в Александро-Невской Лавре, где будущий основатель приморской обители останавливался, у него скопилось три письма Иннокентия Сибирякова. «Прочитал письмо и возблагодарил Бога, - сообщает скупые, но важные сведения о. Алексей, - письмо написано красивым, твердым почерком, на хорошей бумаге, аккуратно сложенное, вложено в конверт не смятый, с адресом - тоже спокойно-методически твердым, красиво-написанным. Где же, думаю, с ума сошедший... И случилось в короткое время, что собралось у меня три его письма, одинаково чисто, отличным твердым почерком написанных, с содержанием не праздной болтовни, а с сообщениями делового человека. Эти письма, свидетельствуя о здравости, спокойствии его ума, как бы побуждали меня явиться деятельным энергичным ходатаем его, Сибирякова, об избавлении его от преследований Валя (градоначальника). В уповании на Бога я решил имеющиеся у меня три письма представить владыке - митрополиту Палладию и просить его энергичного содействия ко избавлению Сибирякова от преследований Валя. Митрополит, рассмотрев письма и найдя, что писавший вполне умно здоровый - направил меня прямо к Обер Прокурору (К. Победоносцеву - Т.Ш.). Обер Прокурор, прочитав их с некою радостью, сказал - вполне здоровый, оставьте эти письма мне. Дней через восемь, увидев меня в Синоде, - еще издали говорит: а! о. Алексей, здравствуйте, поздравляю вас - ваш питомец свободен! И, отойдя со мною к окну, - говорит: вечером, мы: Министр Юстиции, Министр Внутренних дел и я рассуждали о деле Сибирякова и

решили вполне освободить его, и запретили Градоначальнику вмешиваться в его дела. Поздравляю вас и поезжайте обрадовать его и поздравить» [6, 32].

Здесь необходимо сделать одно важное отступление и вспомнить о том, что некогда предки о. Алексия и И.М. Сибирякова вместе пришли из Архангелогородской губернии в Сибирь и поселились первоначально в Посольском монастыре. Купец Г. Осколков ходил по торговым делам в Китай, а крестьянин Афанасий Сибиряков ушел в Иркутск, где и стал основателем купеческой династии Сибиряковых. Ко времени встречи иеромонаха Алексия (Осколкова) и Иннокентия Сибирякова прошло уже с тех пор шесть-семь поколений и, похоже, что и один и другой не знали о факте знакомства их предков. Замечено, что в русских купеческих династиях почти нормой являлось то, что начиная с четвертого поколения купцы нередко уходили в монахи. Отец Алексей (Осколков) и схимонах Иннокентий (Сибиряков) подтверждают это правило.

Встреча о. Алексия с Константином Победоносцевым происходила уже после 13 июня 1894 г., когда И.М. Сибирякова свидетельствовало губернское правление и большинством голосов признало его здоровым. «Такое решение не удовлетворило градоначальника, - сообщает М.К.Соколовский, - и он 30 июня вошел с представлением к министру внутренних дел, где указывал, что «расточительность Сибирякова при отсутствии всякой осторожности может повести к передаче больших сумм в руки лиц, преследующих политические цели, несогласные с интересами правительства» и просил о новом освидетельствовании Сибирякова, которое произошло 30 января 1895 года» [68, с. 17].

В библиотеке Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне хранится дневник иеросхимонаха Владимира, современника И.М. Сибирякова. Есть в этом дневнике любопытная запись о том, что слух о деле миллионера Сибирякова дошел до царя, и Александр III пожелал встретиться с Иннокентием Михайловичем. Во время этой встречи И.М. Сибиряков «умно поговорил» с царем, и тот повелел его отпустить и больше не трогать [24]. Пока это свидетельство не подтверждено специальным исследованием. Но если такая встреча и имела место, то защита Александра III над Иннокентием Михайловичем не была продолжительной: осенью 1894 г. Император скончался. Похоже, что этим обстоятельством и воспользовались гонители Иннокентия Сибирякова, так как уже в начале 1895 г. его подвергли новому освидетельствованию. «Большинством голосов и тут Сибиряков признан был здоровым», - пишет М.К. Соколовский [68, с. 17]. «Особое мнение» высказал на этом заседании «член присутствия, сенатор Лихачев». «Логическая стройность, изящество изложения, гуманная мягкость - вот качества этого мнения», - констатирует исследователь [68, с. 17]. «Тонко, последовательно и без суеты разбирает Лихачев доводы, которые могли бы поселить мнение о якобы «беспредельной расточительности» Сибирякова, - сообщает М.К. Соколовский. - «Раз у него 220 тыс. ежегодного дохода и 10 милл. состояния, - говорил Лихачев в своем защитном слове, - то к его расходам нельзя применять обыкновенную мерку. Для его необычных доходов - и расходы необычные. Он пожертвовал крупный капитал в фонд сибирских рабочих, так как именно их труду обязан своим огромным состоянием; он пожертвовал монахине 147 тыс. на церкви, так как считал эту сумму потерянной и ему возвращенной случайно и сверх ожидания; он подарил художнику 28 тыс., так как тот желал устроить фотогалерею и не имел никаких денег. Все выдачи Сибирякова, - замечает Лихачев, - относительно говоря, более или менее соразмерны с потребностями и нуждами лиц, кому были назначены». Не упускает Лихачев отметить, что Сибиряков не выдал ни одного обязательства, не подписал ни одного векселя. Разбитие же бюста Мефистофеля, изображавшего торжествующего дьявола, вполне объяснимо со стороны глубоко убежденного христианина (копия статуи М. Антокольского - Т.Ш.). Свое мнение заканчивает Лихачев общим очерком жизни Сибирякова: «Выросши в богатой купеческой семье, где редко встречал отказ в исполнении своих желаний, он рано начал

самостоятельную, вполне свободную, независимую жизнь обеспеченного человека. Окончив образование, Сибиряков, свободный от обязательного, ради средств к жизни, труда, увлекается химией и занимается ею со страстью. Потом он бросает химию и принимается с таким же жаром изучать анатомию. Но скоро он бросает и занятия анатомией, перестает читать что-либо, кроме Евангелия, зачитывается и увлекается им, с увлечением и страстью старается проводить в жизнь христианские чувства любви и помощи ближнему. Может быть, и полоса религиозности минует. Но он – здоров...» [68, с. 18].

«Итак, – подводит итог М.К. Соколовский, – Сибиряков дважды был признан здоровым. Однако и тут не успокоился градоначальник и запрашивал министра внутренних дел: выдавать ли Сибирякову капиталы, на которые наложено запрещение, указывая, что «есть основание предполагать, что часть раздаваемых Сибиряковым денег может быть направлена на противоправительственные предприятия».

Однако голосу градоначальника и его неуловимому намеку на неблагонадежность Сибирякова не внял министр, предписавший тотчас сдать все капиталы Сибирякова ему по принадлежности» – подытоживает М.К. Соколовский [68, с. 18].

Великая вера проверяется и великим испытанием – этот духовный закон осуществился в жизни Иннокентия Сибирякова в полной мере. Сенатор Лихачев ошибся: «полоса религиозности» для Иннокентия Михайловича Сибирякова «не минула», вера в Бога стала смыслом жизни этого человека, идеалом, которого неотступно искала его душа и которому этот праведник, утвердившись в зрелые годы в вере предков, оказался предан до последнего своего часа. Бесчестие, которое устроил мир сердобольным деяниям Иннокентия Сибирякова, оказалось во благо и окончательно укрепило в нем решимость уйти в монастырь, последовав примерам таких святых, как Григорий Двоеслов, Арсений Тверской и многие другие, которые тоже раздали свое имущество ради спасения души.

Как уже упоминалось, в библиотеке Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря недавно обнаружена дневниковая запись времени кончины схимонаха Иннокентия (Сибирякова). Есть там и очень важное свидетельство о том, что монашеский путь не являлся только выбором сердца благотворителя, но это было небесное избранничество: «В то время, – записано в дневнике иеросхимонаха-святогорца Владимира, – явился к Сибирякову отец Давид Андреевский, с чудотворною иконою и открыл ему видение, что он должен быть монахом у них в скиту. Сибиряков ответил, что и у него есть уже стремление к этому. Вот с того момента он и поступил к ним, сначала на подворье в Санкт-Петербурге, а потом и сюда на Афон и вполне предал свою волю отцу Давиду, даже и с многомиллионным капиталом» [24].

Считаем необходимым отметить, что ряд ученых и литераторов признали Иннокентия Михайловича Сибирякова «ненормальным человеком» только потому, что он стал «много» говорить «о религии, о Боге, о спасении души» [88, с. 191-192]. В конце XIX в. сторонники материалистических идей и не могли иначе воспринимать искренний духовный порыв человека к Богу. Окружающему Иннокентия Михайловича обществу легко было понять подгулявшего в ресторане купчика, но человека, жертвующего своему лакею 25 тыс. рублей, оно понять уже не могло [135, с. 77]. Обретение истины в Православной вере было воспринято рядом знакомых Иннокентия Сибирякова как «безумие». Перемену в их недавнем соратнике они стали определять крикливыми и хлесткими терминами: «религиозный экстаз», «религиозная экзальтация» и т. п. Но рано или поздно, всему определяется свое место – и временному, и преходящему. И случай с Иннокентием Сибиряковым – не единственный под солнцем, а потому оставлено гонимым в утешение и такое слово: «Тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицом тех, которые оскорбляли его: они же, увидев, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его и, раскаиваясь... будут говорить

сами в себе: «это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его – со святыми? Итак мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас. Мы преисполнились делами беззакония и погубили и ходим по непроходимым пустыням, а пути Господня не познали» (Прем.5:1-7).

Нельзя без сожаления писать о том непонимании, которое проявил по отношению к И.М. Сибирякову Н.М. Ядринцев. Он наделял благотворителя в своих характеристиках незаслуженными чертами, не стеснялся и оскорбительных высказываний. После поездки в Америку на Колумбову выставку в 1893 г., Н.М. Ядринцев вернулся в Россию крайне разочарованным. «Вся эта заатлантическая сутолока жизни с погоней за наживой и борьбой за существование, – писал в своих воспоминаниях В. Острогорский, – все это могучее царство доллара оттолкнули от себя стареющего идеалиста шестидесятых годов. С горьким юмором рассказывал он об американцах и их комфорте, науке и искусствах, думая описать свою поездку в ряде писем...»^[43] [70. с. 320]. Из своей депрессии ученый уже не вышел и в тот год, когда Иннокентий Сибиряков стал монастырским послушником, Николай Михайлович без связи с этим событием по собственному желанию ушел из жизни. Столь разные итоги жизни этих двух людей, стали как бы прообразами двух путей не только русской интеллигенции, но и всей России: один вел к самоистреблению, другой – к обновлению в духе, к святости. Эти два пути остаются перед Россией и сегодня.

В 1894 г. Иннокентий Сибиряков жертвует 25 тыс. рублей на основание Свято-Троицкого Николо-Уссурийского монастыря и переходит жить на Санкт-Петербургское подворье Старо-Афонского Свято-Андреевского скита. Перед уходом из мира в письме П. Ф. Лесгафту, как свидетельствует сам ученый, Иннокентий Михайлович написал, «что жизнь человека должна состоять только в стремлении к личному его совершенствованию и образованию; ...и поэтому он избирает путь веры и надеется найти удовлетворение в религии» [53, с. 11].

По-евангельски горячо и чисто, не столько словом, сколько примером своей жизни, осуществлял Иннокентий Сибиряков призыв славянофилов «напоминать беспрестанно, елико то возможно, о духовном начале» [Цит. по: 34, с. 287]. Так жили и сами славянофилы, оставив последующим поколениям завет, «если... отнята будет всякая возможность говорить о нем (о духовном начале – Т. Ш.), то унести его с собою в тишину частного, домашнего быта» [Цит. по: 34, с. 287]. Так поступил в конечном итоге и Иннокентий Михайлович Сибиряков, который «унес» «духовное начало», но не в тишину «домашнего быта», а в безмолвие монашеской кельи, туда, где еще жила Святая Русь, не предавшая своего Бога.

А Россия – она оставалась разной: одна ее часть пребывала в духовной спячке, другая – клочкотала смертельной злобой на все святое и жила в предвкушении разрушения уже не только духовных, но и государственных основ, третья – металась между первой и второй в погоне за террористами, и лишь малая часть ее праведников, без которых не могут устоять города, молилась и пророчествовала, но внимать этим пророчествам в «образованном обществе» пишущих и говорящих людей было некому.

За монастырскими стенами

*Сын мой! Веди дела твои с кротостью
и будешь любим богоугодным человеком.*

(Сир.3:17)

Те, которых весь мир не был достоин,

*скитались по пустыням и горам,
по пещерам и ущелиям земли.*

(Евр.11:38)

Так Иннокентий Михайлович Сибиряков положился во всем на Бога, поручив свое прохождение по пути монашеского подвига духовному отцу, настоятелю Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита иеромонаху Давиду. Отец Давид был человеком незаурядным, являлся одним из строителей подворья, вел сосредоточенную созерцательную жизнь. Сведения об архимандрите Давиде (Мухранове) имеются в архиве священника Павла Флоренского: «Архимандрит Давид ([умер] 5.6.1931, Дмитрий Иванович Мухранов) происходил из крестьян Симбирской губ., Курмышского уезда, Ждановской волости, села Жданова. Был на военной службе. Ушел в монахи в зрелые годы. 1888-1898 гг. заведовал СПб. подворьем Андреевского скита, фактически построил его. На деньги миллионера Сибирякова построил в СПб. несколько благотворительных учреждений. В 1896 г. возведен в сан архимандрита греческим митрополитом Филофеем. В 1903-1908 гг. – настоятель Кобьевского монастыря Грузинской Епархии, возобновил его. С 1908 – на Афоне... В начале 20-х годов о. Давид сослужил с Св. Патриархом Тихоном... Благословил о. Павла Флоренского заниматься философско-богословской разработкой имяславия. Был духовным отцом Д.Ф. Егорова, А.Ф. и В.М. Лосевых...» [81, с. 94]. Мы умышленно упустили сведения об участии архимандрита Давида в движении имяславия, так как все события, связанные с этим богословским спором, произошли уже более чем через десять лет после кончины о. Иннокентия.

Тогда, в 1894 г., иеромонах Давид взвешенно подошел к желанию Иннокентия Сибирякова стать монахом и, прежде чем совершить над ним постриг, сделал все возможное, чтобы показать своему духовному сыну трудности монашеской жизни – тот молитвенный подвиг афонских иноков, в котором преимущественно и состоит их жизнь. С этой целью иеромонах Давид и Иннокентий Сибиряков уезжают на Афон. И сразу встает вопрос, почему Иннокентий Михайлович выбрал Афон? На эту тему и в светской, и в церковной печати можно найти разные объяснения вплоть до самых нелепых. Но мотивы этого выбора, на наш взгляд, лежат в особенностях души Иннокентия Сибирякова – в его неуклонном желании во всем стремиться к совершенству. А в те годы в Санкт-Петербурге считалось, что Богослужения на столичном подворье Старо-Афонского Свято-Андреевского скита по их благолепию, молитвенности и строгости исполнения церковного устава – одни из самых душеспасительных, а само афонское монашество являлось вершиной христианской аскезы.

Особый дух христианских традиций, присущий Афону, тысячелетний опыт невидимой брани со грехом, всегда привлекал к себе склонные к иноческой жизни натуры. Русское афонское монашество заметно отличалось от православных подвижников России. Это подмечали и сами иноки-паломники на Святую Гору: «За продолжительное время существования афонского монашества, поставленного природою и всею обстановкою в особые условия, сложился особенный, оригинальный тип афонского монаха. Насколько мы успели с ним познакомиться за время пребывания на Афоне, этот тип можно характеризовать следующими чертами. Прежде всего, всем афонским монахам присуща какая-то необыкновенная жизнерадостность, соединенная с радушием и любезностью. Быть может в этой жизнерадостности сказывается влияние вечно-юной, вечно-зеленеющей, красивой южной природы; может быть она объясняется глубоким проникновением христианским настроением (так в оригинале – *Т.Ш.*), которое жизнерадостно по самой своей природе. Во всяком случае, трудно встретить на Афоне монаха, живущего в монастыре, скиту, келии, каливе, или даже под открытым небом, и недовольного судьбою и жизнью. ... Афонских иноков отличает от простых русских монахов сравнительная интеллигентность. Необходимость конкурировать с греками заставляет их быть всегда на стороже и ни в чем не отставать от них. Поэтому, хотя ученых и немного на Афоне, а

среди русских, кажется, нет никого, серьезно занимающихся наукою, тем не менее большинство русских афонских иноков говорит или по-гречески, или по-турецки; дорожат книжными сокровищами своих библиотек, сами издают душеспасительные и относящиеся к истории Афона сочинения» [17, с. 158-159]. Именно таких людей, в подвиге духовном очистивших свои души, увидел на Святой горе Иннокентий Михайлович. Они были воистину счастливы чистотой и высотой своих преображенных душ, и это счастье (часть со Христом) щедро дарили другим. Это счастье – то Царство Небесное «внутри», о котором говорил Спаситель, и которое образуется в человеке Благодатью Божией, но по желанию человека и его усилию. Оно разительно отличалось от представления о счастье, бытующем в миру. Стоит ли удивляться, что Иннокентий Сибиряков, так много лет искавший ответы на главные вопросы о смысле жизни, выбрал монашеский подвиг, встретившись на Афоне в лице святогорских иноков с действительно образованным (во образ Божий) человеком, который и открылся ему как реально достижимый христианский идеал? И как же этот идеал контрастировал с миром идейных строителей «лучшей» жизни, его «старых друзей», позволивших себе согласиться с необходимостью переустройства внешнего мира, а, значит, физического уничтожения ближнего ради земного благополучия!

Афон всегда был светочем в православном мире. Об афонских аскетах современник Иннокентия Сибирякова, побывавший на Святой Горе паломником, писал так: «Чуждые мелочным интересам жизни, они (афонские аскеты) так закаляют свою волю, что готовы в каждую минуту жизни положить свой живот за дорогую для них идею, за идею Православия. В этом значение Афона, где ни одна церковь не была обращена в мечеть, и где нет ни одного не православного монастыря. Поэтому Афон вполне справедливо называют училищем благочестия и оплотом Православия» [17, с. 158]. Чтобы понять Афон, как выбор Иннокентия Сибирякова для места своего духовного подвига и последних в жизни благодетелей, необходимо узнать об этой стране аскетов самое важное, что отличало Святую Гору от других местностей православного монашества в конце XIX в.

До начала XX в., (а точнее до 1912 г.), территория Афона принадлежала Турции, но духовно эта страна православного монашества никогда не была пленена. Во всех невзгодах, выпавших на ее долю, она сохранила преданность Православной вере, нередко оплачивая ее защиту кровью, что известно из житий многих афонских святых. В 1899 г., когда отец Иннокентий уже постоянно жил на Афоне, русский паломник священник Александр Анисимов в своих путевых записках воспел настоящий гимн Святой Горе и ее подвижникам. «Афон – ... многосветлая лампада Православия и высокого христианского подвижничества, которую в течение многих веков не могли угасить ни разлив смуты европейской, ни злобный дух фанатизма мусульманского, хотя она горит на рубеже Европы и как бы в самой пасти Оттоманской империи. Афон – драгоценный ковчег среди мук, угроз, кровопролитий и варварства сохранивший множество важных достопамятностей в преданиях и писаниях христианской древности, которых в других местах Востока давно уже нет и следа! Афон – дивная гора, святая, растящая все виды иноческой жизни ...» [10, с. 444].

Путь паломников на Афон из Санкт-Петербурга обычно лежал по железной дороге до Одессы, где находилось подворье Свято-Андреевского скита, бескорыстно дававшее путникам хлеб и кров. Дальше следовал переход морем на корабле до Стамбула, и там, на подворье Свято-Андреевского скита, паломники получали кратковременный отдых перед плаванием к Святой Горе, осматривали святыни Византийского Константинополя, чудом сохранявшиеся в турецкой столице. Как только судно с паломниками уходило в плавание дальше к Афону, по мере приближения к нему богомольцев охватывал святой трепет, что описывается в многочисленных путевых заметках, сохранившихся от разных эпох. Мы попробуем, по имеющимся в нашем распоряжении путевым запискам того времени, восстановить хотя бы в

общих чертах впечатления, которые испытывали паломники при встрече с Афоном в девяностых годах XIX в. Они видели своими глазами все то, что видел и Иннокентий Сибиряков в 1894 г., а потому их сведения об Афоне и форма подачи представляют несомненную ценность, так как позволяют представить, что мог пережить при встрече с Афоном человек, уже осознавший необходимость личного молитвенно-аскетического подвига.

«...Каково же было наше удивление, какой общий торжественный восторг, когда кто-то вбежавший в нашу каюту возвестил, что скоро будем возле желаемого места, – писал о. Александр Анисимов в 1897 году. – Лишь только стало светать, мы вышли на палубу, и нам, указывая на виднеющуюся вдаль черную точку, твердили: это Афон, Афон!! ... Утренние туманы носились над Святою Горюю и скрывали ее от нас совершенно; но только выкатилось солнце, и мы, обогнувши с востока оконечность горы, где виднелась Лавра св. Афанасия, молдавский скит и Иверская обитель, – принесли к ней с южной стороны, – на которой попеременно являлись нашему взору Афонские скиты и монастыри... Картина чудесная раскрылась перед нами и развернулась всеми умильными видами своего невыразимого изящества. Теряясь в облаках, облежавших Св. Гору, ее высь священная виднелась из-за них и рельефно обрисовывалась в прозрачном воздухе. Долго мы в немом восторге смотрели на чудо природы Святогорской и дивились, как облака длинной цепью тянулись ниже высей гор священных, и от благоговения, умиления и восторга воспели:

*Гора Афон, гора святая!
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод...» [8, с. 229].*

Первая встреча с Афоном чаще всего происходила на пристани. «При благоприятной...погоде мы прибыли к Афону на русском пароходе «Корнилов», – вспоминает безымянный богомолец, посетивший Афон в 1895 году, – и благополучно вступили на берег Святой Горы, где приветливо меня встретили иноки русского Андреевского скита, и мы, напившись чаю на прибрежной пристани и несколько отдохнув, отправились на мулах по горной извилистой дороге в означенный Андреевский скит, чудный вид которого открылся перед нами почти с середины пути, с его красивыми постройками» [58, с. 660].

Паломников на Афоне поражали красоты афонской природы и красота духовного подвига святогорских подвижников, о чем оставлены очевидцами превосходные свидетельства: «...Все пространство Святой Горы покрыто бесчисленными горными кряжами, оврагами, страшными пропастями, осененными в большинстве роскошными рощами и вековыми лесами, что представляет великое удобство для подвигов безмолвия, уединенной пламенной молитвы и выпрренной духовной созерцательной жизни. Вот и ключ для разгадки, почему Афон заселился одними аскетами! <...> Воды пресной, родниковой весьма достаточно, – она в разных направлениях струится и по горным скатам, и по оврагам, и по разным низменным юдолиям.; словом, нет монастыря, скита или кельи, которая лишена была бы этой насущной потребности. Кроме разнородных гор и холмов красоту Афона усугубляют нежные кустарники и девственные плантации дубовых, платановых, каштановых, лавровых, масляных, еловых и сосновых лесов; а смоковничные, ореховые, лимонные, апельсиновые и другие плодовые деревья и виноградные лозы дают лишнее блюдо на трапезы афонских аскетов и тем подслащают и разнообразят обычное седьмичное сухоядение их. Кипарисы же, требующие особого ухода за ними, виднеются только около жилых мест... Из породы ископаемых, кроме глыб мрамора разных оттенков, нам попадались и куски цветных камней, вымытых из глубы земной коры быстрыми потоками...» [10, с. 440].

В то время Афон процветал. Здесь насчитывалось 15 общежительных монастырей, считая и Свято-Андреевский скит, 8 штатных и до 800 келий и келий [10, с. 442]. Количество монахов составляло тогда до 10 тысяч [10, с. 442]. Для Иннокентия Сибирякова было важным увидеть не красоты Афона, а открыть для себя дух афонского подвижничества, вникнуть в то устройство внешней жизни обитателей, в котором этот дух проявляется. Будущий схимник на Святой Горе нашел, что здесь общежительные монастыри «по правилам своим ближе стоят к древним образцам иноческой жизни; в них примерный порядок, редкое истинное благочестие, апостольская простота и любовное общение первобытных христиан: нет отличий, нет и частной собственности. Игумены в них в полном уважении и почете; монахи кормятся трудами рук своих, но принимают с благодарностью и всякую приносимую поклонниками жертву, и сами в свою очередь помогают другим, чем Бог послал» [10, с. 442].

Призвание Афона состоит в молитве за весь мир, а потому паломники, или, как их называют на Святой Горе, поклонники, во все времена добирались туда за тем, чтобы увидеть духоносных старцев, в общении с ними очистить свои души, укрепиться возле них духовно. Все, кто побывал на Афоне в 90-х гг. XIX в., видели, что «между келлиотами-отшельниками встречаются мудрые старцы и великие подвижники, у которых многому можно поучиться в деле созидания своего спасения: бескорыстной любви, нестяжательности, Богоугодному посту, смирению, целомудрию, умной молитве, сокрушению и плачу о своих грехах и смертной памяти. Некоторые же насельники Святой Горы удаляются от всех, и живут одиноко – или в расселинах гор, или под нависшими глыбами камней, или на неприступных скалах, – и таковых немало, – питаюсь каштанами, кореньями и травами...» [10, с. 442]. И как свидетельствовали сами афонские монахи, на Святой Горе есть «места столь благодатные, что подвижники могли так прожить целый век» [9, с. 396].

Строгость духовного подвига афонских подвижников поражала даже неизнеженных суровой русской природой и уставной жизнью монастырей монахов из России, один из которых, иеромонах Серафим (Кузнецов), писал: «Инок на Афоне покоя телесного почти не имеют, строго во всем ограничивают свои пожелания... Незнакомым с внутренней монашеской борьбой с телесными силами, быть может, покажутся странными такие строгости и лишения, но они должны быть всегдашним достоянием инока, ибо инок должен действовать усиленно вопреки побуждениям страстной природы и во что бы то ни стало – покорить свою плоть духу. Спать братии, по уставу, положено в подряснике и не снимая пояса. Для всегдашней готовности к молитве, трудам, или на Страшный суд» [113, с. 134-135].

Обычно у человека, далекого от понятия личного подвига, возникает вопрос, а зачем брать на себя такие труды, что это дает обществу? На этот вопрос уже ответила вся история Святой Руси, когда пред простым монахом в латанной рясе преклоняли свои главы русские князья и получали благословения на брань и одерживали великие победы в битвах с врагом, казавшимся непобедимым. Побывавший на Афоне в 1900 г. епископ Арсений (Стадницкий) значение монашества для верующего человека и для общественной пользы высказал таким образом: «Не облеченные внешней властью, занимая самое скромное общественное положение, а то – и никакого, не обладая тленным богатством, истинные подвижники, облеченные внутренней силою и богатством духовных дарований и добродетелей, часто оказывают великое влияние на людей. Целые тысячи людей, по их указаниям, устроили добрую жизнь свою, а другие тысячи хотя несколько обуздывали греховные порывы свои. Сильные мира, даже цари, по их советам оставляли без исполнения одни предначертания свои и приводили в действия другие» [17, с. 95].

Это благотворное влияние русского монашества испытал на себе и Иннокентий Сибиряков, и уже не только в России, но и на Афоне. Но особое место в его жизни заняли о. Давид (Мухранов) и иеромонах, впоследствии схиархимандрит, Иосиф (Беляев), с 1892 г. настоятель Свято-Андреевского скита, в игуменство которого Иннокентий Михайлович принял постриг, переселился в скит, жил, трудился во спасение души и упокоился в селениях праведных. Именно этому настоятелю выпал жребий на пожертвования Иннокентия Сибирякова предпринять сложнейшие строительные работы, превратив скит за несколько лет в удивительный уголок не только Святой Горы, но и всего православного мира. Отец Иосиф обладал «выдающимися способностями в зодчестве, и Божие благословение явно почивало на всех его трудах, так что при всех производившихся в его время постройках капитальных не было почти ни одного какого-либо несчастного случая или неприятной задержки или остановки в деле; Господь невидимо посылал ему в это время для святой обители и средства: так весьма помог... своим капиталом богатый сибирский золотопромышленник Иннокентий Михайлович Сибиряков» [42, с. 400].

При о. Иосифе был выстроен Андреевский собор, о чем еще подробно пойдет речь, а также построено 8 других меньших церквей-параクリсов и 3 грандиозных корпуса с братскими кельями и другими хозяйственными помещениями, так что за его правление более чем вдвое увеличилась обитель как своими зданиями, так и числом насельников [113, с. 145]. Отец Иосиф имел особенную любовь к церковной археологии, он не жалея средств, приобретал древние иконы, древние рукописи и книги [113, с. 145].

«Я ужасно трепещу и боюсь за свое настоятельство; как я дам ответ Богу за всех врученных моему попечению, - говорил о. Иосиф. - Но, так верно Богу угодно; я ни за что не хотел принять на себя сей тяжкий крест настоятельства и решительно отказывался, но было такое замечательное совпадение, которое устрасило меня и я уже боялся более отказываться и согласился с великим страхом и трепетом принять кормило правления обителью...

Я еще никому не говорил о сем, но ныне есть расположение души поведать тебе сие: когда были выборы в настоятели и мне было предложение, то я в душе решил окончательно отказаться, но вот вижу покойного настоятеля... он свой игуменский жезл перебросил чрез меня, ничего не говоря, а строго посмотрел на меня и исчез...» [113, с. 142].

Каким был Свято-Андреевский скит в самом начале игуменства о. Иосифа, пишет профессор А.Ф. Брандт, посетивший Афон в 1892 году: «Порядок, трудолюбие и достаток во всем проглядывают в русском Андреевском ските. Здания здесь беленькие и чистенькие как с иголки, построены в русском вкусе. В прошлом лишь столетии на этом месте возникла келья во имя ...Андрея Первозванного. Русскими келья приобретена всего только в сороковых годах текущего столетия и затем преобразована в скит, который, однако, и по обширности зданий, и по численности братии... ничем не отличается от монастыря. Земли у андреевцев что-то очень мало, но тем тщательнее утилизируются ими всякий клочок. Фруктовые сады, древесные питомники, огороды показались мне образцовыми...» [12, с. 777]. «Андреевский скит, - дополняет А.Ф. Брандта безымянный богомолец, - расположен на восточной стороне в центре Св. Горы, на красивом месте и носит название «Серай», т. е. царский дворец, за свою сравнительную среди прочих святогорских обителей красоту. Постройки скита очень красивы, а местность, занимаемая скитом, отличается здоровым воздухом и умеренным климатом, вследствие значительного возвышения над уровнем моря. Братии в скиту 340 человек, и все иноки исключительно великороссы. Устав скита общежительный, по которому каждый инок все нужное получает от обители» [58, с. 662]. Многие считали, что «блестящее будущее ожидает эту святую обитель» [58, с. 662].

Для человека, стоящего перед окончательным принятием решения о вступлении на

монашеский путь, каким и был во время своего паломничества на Афон Иннокентий Сибиряков, очень важной была Богослужбная жизнь святогорских обителей, так как именно Богослужениям посвящается основная часть жизни иноков. Паломники, писавшие о Святой Горе свои путевые записки, понимали это, а потому и оставили нам немало ценных свидетельств о службах в монастырях и скитах святой Горы.

О Богослужениях в скиту того времени сообщает протоиерей Ф. Знаменский, который пишет, что «богослужение... отличается особой продолжительностью, зависящей от точного выполнения устава, от отсутствия торопливости при чтении и пении, от пения с канонархом^[44], от неоднократного чтения поминаний, поучений и житий святых»^[45] [32, с. 1749].

Сохранилось подробное описание Богослужения того времени, которое совершалось в Свято-Пантелеимоновом монастыре в день Преполовления Пасхи в 1897 г., в котором принимали участие настоятель и братия Андреевского скита. «...Литургию совершал гость, архимандрит и настоятель русского Андреевского скита, соборне, с 10 священниками... - пишет о. Александр Анисимов. - Нужно заметить, что настоятели двух русских Афонских монастырей, Свято-Пантелеимоновского и Св. Андреевского, в сане архимандритов, при служении пользуются архиерейскими привилегиями...^[46] Представительность сонма благоговейно священнодействующих, их благолепные, томные постнические лица, ангельское спокойствие и непорочность взора, их строго церковная изящная манера в действиях и отчетливая мерная дикция при чтении, присутствие редких святынь, наполняющих храм, торжественная и искусная обстановка, - и, наконец, в высшей степени мелодическое пение двух сточисленных хоров, по напевам афонскому, киевскому, симоновскому и придворному, - все это и восторгало наши сердца до разделения мозгов и членов, и умиляло нас до слез. Да если и при таком служении не расплавится стальное человеческое чувство, то где искать того священного горна, который мог бы умягчить и растопить его? Один англичанин-лорд, турист, бывший за обедней, на вопрос, как показалось ему православное Богослужение, - ответил, что он ничего подобного не видел до сего дня и не испытывал - Богослужение привлекательно, пение виртуозно; я все время стоял в глубоком безмолвии, в тайном трепете тихой радости, чуть переводя дыхание, в порывах ликующего сердца своего...» [9, с. 394].

Вот в такой духовной обстановке оказался на Афоне во время своего паломничества и Иннокентий Сибиряков. Продолжительные молитвословия, предпраздничные всенощные бдения, продолжающиеся порой по 10-14 часов, безмолвная жизнь иноков Святой Горы пришлись Иннокентию Михайловичу по сердцу, и он надеялся достичь здесь того, чего с детства искала его душа.

Через тридцать лет побывавший на Афоне соотечественник И.М. Сибирякова Борис Зайцев, так сравнил святогорский чин жизни с мирским порядком нашего существования: «Все это может показаться странным и далеким человеку нашей пестрой культуры.

Что делать. Священнодейственность очень важная, яркая черта монашеской жизни. Входя к вам, монах всегда крестится на икону и кланяется ей. Встречая другого, если он сам иеромонах, то благословляет. Если встретил иеромонаха простой монах - подходит под благословение. Встречаясь с игуменом, - земной поклон. Садясь за стол, непременно читает молитву. Иеромонах, кроме того, благословляет «яства и пития».

Это непривычно для мирянина. Но в монастыре вообще все непривычно, все особенное. Монастырь не мир. Можно разное относиться к монастырям, но нельзя отрицать их «внушительности». Нравится ли оно вам или нет, но здесь люди делают то, что считают

первостепенным. Монах как бы живет в Боге, «ходит в Нем». Естественно его желание приобщить к Богу каждый шаг своей жизни, каждое как будто будничное ее проявление. Поняв это, став на иную, высшую чем наша, ступень отношения к миру, мы не удивимся необычному для светского человека количеству крестных знамений, благословений, молитв, каждений монашеского обихода. Здесь самую жизнь обращают в священную поэму» [31, с. 144-145].

Очень трогательными были и проводы всех паломников из Андреевской обители. С глубокой благодарностью пишет об этом один из посетителей Афонской горы: «Неохотно я расставался со святой обителью – Андреевским скитом, с которым я в малое время успел духовно сродниться и подружиться с добрыми ее старцами, которые за все время моего у них пребывания оказали мне примерное внимание, радушие и приветливость. По заведенному здесь обычаю провожать гостей с колокольным звоном, я был удостоен таких же торжественных проводов за монастырские врата, где мы сели на мулов и, при искренних сердечных благопожеланиях от добрых старцев, отправились на пароходную пристань.

Чувствуешь себя после посещения Афона как бы обновленным душою, исполненным сил духовных и готовым со спокойным духом переносить все тяготы и тревожения, сопряженные с нашею жизнью» [58, с. 664].

Афон еще сильнее укрепил намерение Иннокентия Сибирякова посвятить себя монашескому подвигу [39, с. 515]. Наверное, и у него во время пребывания на Афоне рождались мысли, которые высказал русский богомолец, поклонившийся святыням дивного монашеского края. «Что еще сказать о милом сердцу – Афоне? ... О, как ты преподаешь много уроков – и истинному христианину, и колеблющемуся маловеру, и ни во что святое неверующему нигилисту и социалисту. Вот куда следовало бы посылать каждого, влающего ветром всякого учения, для наглядного религиозного обучения, – и нам кажется, что если не все, то многие из них обратно выехали бы совершенно иными со словами: «Верую, Господи, и исповедаю, что Ты есть, был и будешь вечно – Сущим»...» [10, с. 444].

Паломничество русских на Афон началось еще в глубокой древности. Совершали его и представители правящих династий. В июне 1867 г. посетил Святую Гору великий князь Алексей Александрович. В Свято-Андреевском скиту он заложил собор Апостола Андрея Первозванного, который спустя тридцать лет был отстроен на пожертвования И.М. Сибирякова.

Немаловажным событием нашего времени является посещение Афона Президентом России В.В. Путиным, состоявшееся 9 сентября 2005 г.^[47] Оно восстановило историческую для Руси традицию паломничества на Афон представителей высшей власти. Есть надежда, что теперь русские обители на Святой Горе получают покровительство всей России в лице ее Президента. А потому так важно отметить те главные мысли, которые высказал В.В. Путин на Афоне: «Мы с глубоким уважением относимся и к Греции в целом, и к Афону в частности. И если Россия – самая большая православная держава, то Греция и Афон – это ее истоки. Мы помним об этом и очень этим дорожим». «В России со 145-миллионным населением подавляющее большинство – это христиане, поэтому для нас возрождение России неразрывно связано прежде всего с духовным возрождением». Касаясь древних связей между Россией и Афоном, Президент особо подчеркнул, что «мы готовы возродить их в том объеме и качестве, в котором вы (святогорские монахи – Т.Ш.) будете готовы. Это должны быть гармоничные отношения, основанные на абсолютном доверии и общих идеалах».^[48] После паломнической поездки на Афон Иннокентий Сибиряков, убедившись в правильности избранного пути, возвращается в столицу России с бесповоротным решением об окончательном разрыве с миром и уходе в монастырь.

При вступлении на монашеский путь, прежде чем совершится постриг, послушник проходит искус (испытание) не менее двух лет. Как и полагается, Иннокентий Сибиряков, готовясь к постригу, изучал монашескую жизнь «изнутри» ровно два года – с 1894 по 1896 г. Судя потому, что он продолжал принимать активное участие в благотворительной и общественной жизни церковных приходов и благотворительных организаций Санкт-Петербурга, его духовный отец не ограничивал его свободу, а часто сопутствовал Иннокентию Сибирякову во многих полезных делах служения ближнему.

В это время Иннокентий Михайлович наряду с другими выходцами из Сибири участвует в устройстве придела в честь своего небесного покровителя Святителя Иннокентия Иркутского в храме святого Александра Невского при Первом реальном училище Александра III [75, с. 3]. Через полтора года хлопотами Иннокентия Михайловича здесь будет основано Братство во имя Иннокентия Иркутского, которому Иннокентий Михайлович пожертвует более 30 тыс. рублей [75, с. 6-7]. Он будет и одним из разработчиков проекта Устава Братства. Первым среди учредителей Братства значится священник Кронштадтского Андреевского собора отец Иоанн Ильич Сергиев [75, с. 4]. Отец Иоанн Кронштадтский 24 апреля 1896 г. в день торжественного открытия Братства совершил Божественную Литургию в приделе Иннокентия Иркутского [75, с. 6]. В тот же день на заседании учредителей были избраны два первых почетных члена Братства – отец Иоанн Кронштадтский и Иннокентий Михайлович Сибиряков [75, с. 2]. В дальнейшем в отчетах Братства их имена всегда будут стоять рядом. Исследователям жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского еще предстоит изучение его доброго знакомства с Иннокентием Михайловичем Сибиряковым, которое, возможно, даже было дружбой. Сегодня наверняка известно, что о. Иоанн уже после пострига Иннокентия Михайловича и его переселения на Афон хлопотал по ряду дел, связанных с благотворительными дарами И.М. Сибирякова. Но этот вопрос еще только разрабатывается.

Хотя Иннокентий Михайлович уже был послушником в монастыре, некоторые прежние адреса благотворительности продолжали питаться его попечением. Так, на средства купца-благотворителя в середине 90-х годов XIX в. в библиотеки церковно-приходских школ и бедных училищ Сибири продолжают поступать книги по списку, утвержденному для таких учреждений Священным Синодом [86, с. 163]. Так искупал И.М. Сибиряков ошибки своей молодости, когда он высылал для сибирских библиотек литературу совсем другого рода.

Родственники Иннокентия Михайловича отговаривали брата от монашеского пути и предпринимали все возможное, чтобы удержать его хотя бы в одном из монастырей России. Сестра Иннокентия Сибирякова Анна Михайловна в одном из своих писем того времени признавалась: «Я старалась отговорить брата от поступления в монастырь» [101, с. 6]. Но И.М. Сибиряков все же получил полную свободу [39, с. 517]. В это время Иннокентий Михайлович порвал почти все отношения с прежним кругом своих мирских знакомых [20, с. 1], за что получил от них немало упреков, язвительных характеристик, злоречивых оценок, обвинений в скупости, в расточительности и многое другое. Но, по слову Евангелия, возложивший руку свою на плуг, он уже не озирался назад (Лк. 9, 62).

В 1896 г. Иннокентий Михайлович Сибиряков наконец-то избавляется от своего капитала. Все наличные средства он передает иеромонаху Давиду [39, с. 515]. Незадолго до пострига в первый ангельский чин И.М. Сибиряков дарит Линтульской женской общине, позднее преобразованной в монастырь, свою дачу, расположенную в местечке Каук-Ярви Выборгского уезда [104]. В этом же, 1896 г., побывал Иннокентий Михайлович на Валааме, пожертвовав монастырю начальный капитал в размере 10 тыс. рублей для устройства в Никоновой бухте Воскресенского скита и церкви в честь апостола Андрея Первозванного. Позднее валаамские иноки выстроют на указанном месте Воскресенский скит, нижний храм которого и будет освящен в честь апостола Андрея [16, с. 9-12]. В том же году пожертвование в 10 тыс. рублей

было подано и в Коневский монастырь «лицом, пожелавшим остаться неизвестным» [103].

В праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября 1896 г. отец Давид, к этому времени уже архимандрит, достаточно испытав усердие Иннокентия к иноческой жизни, постриг его в рясофор. «Как было умилительно смотреть на него, – сообщает монах Климент, – когда, скинув мирской костюм, примеряя, надел он на себя монашеский подрясник и сказал: «Как хорошо в этой одежде!.. Слава Богу! Как я рад, что в нее оделся!» Но об удобстве ли одежды радовался он? Этими словами не высказал ли он своей духовной радости, которою наполнилась его душа в предчувствии ангельского образа?» [39, с. 517].

Сразу после пострига инок Иннокентий (Сибиряков) уехал на Афон, в то время как отец Давид оставался в Санкт-Петербурге, неся свое послушание. В Свято-Андреевском скиту инок Иннокентий пробыл менее года и вернулся на подворье в Санкт-Петербург, чтобы уже больше никогда не расставаться со своим духовным руководителем [39, с. 517]. 1897 г. прошел для брата Иннокентия не только в иноческих, но и в благотворительных трудах. Он жертвует Литейно-Таврическому кружку Общества для пособия бедным женщинам свою дачу в Райволо (ныне Рощино) для устройства сиротского приюта для девочек от четырех до десяти лет [65, с. 15]. Выделяется приюту и капитал в размере 50 тыс. рублей. Этот приют уже после смерти схимонаха Иннокентия стал носить имя И.М. Сибирякова [73, с. 4]. Забота о детях проявилась в иноке Иннокентии и в том, что на его средства был устроен храм во имя Святителя Николая в 7-й гимназии Санкт-Петербурга. По его предложению церковь в 7-й гимназии создавалась в память коронования Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны [133, с. 7]. Обычно такие поступки характерны для людей монархических убеждений, а потому мы можем говорить о коренном изменении мировоззрения Иннокентия Сибирякова и о возвращении его не только к Православию, но и к исконным *державным* устоям родного Отечества – Самодержавию.

По Афонскому времени

Будет Бог твой славою твоею. (Ис.60:19)

Соблюдающий правду найдет славу. (Притч.21:21)

Слава всякому, делающему доброе. (Рим.2:10)

Добрая слава лучше серебра. (Притч.22:1)

Иноку Иннокентию пришлось приезжать вслед за своим духовным отцом в Санкт-Петербург еще дважды, пока, наконец, они не обосновались на Святой Афонской Горе [39, с. 518]. Там, недалеко от стен Свято-Андреевского скита, был устроен небольшой, но уютный, в два этажа скит с церковью во имя великомученицы Варвары, преподобного Михаила Клопского и преподобного Давида Солунского – небесных покровителей родителей и архимандрита Давида. В этом месте и поселился брат Иннокентий со своим духовным отцом – для жизни в строгом монашеском подвиге [54, с. 412]. «Как полный энергии и сил, – сообщает о возвращении Иннокентия (Сибирякова) из Петербурга на Святую Гору монах Климент, – он спешил не на покой, но для иноческих подвигов, кои усугубил...» [39, с. 518].

28 ноября 1898 г. архимандрит Давид постриг инока Иннокентия в мантию с новым именем Иоанн в честь Пророка и Предтечи Иоанна – Крестителя Господня. По свидетельству о. Серафима, «с принятием ангельского образа инок Иоанн душевно оплакивал, что много времени потратил на суету и изучение мудрости века сего» [113, с. 149]. А менее чем через год, 14 августа 1899 г., монах Иоанн (Сибиряков) принял постриг в великий ангельский чин –

святую схиму – с именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия Иркутского [113, с. 148-149].

Сведения о монашеском подвиге схимонаха Иннокентия приходится собирать по крупицам, но, хотя и немногочисленные, они убедительно раскрывают нам истинный образ избранника Божия, раз и навсегда умершего для мира ради Христа. Паломник, побывавший в Свято-Андреевском скиту в 1900 году и озадаченный вопросом, есть ли на современном ему Афоне выдающиеся подвижники, пишет: «Здесь же, в одной из келий, принадлежащих Андреевскому скиту, живет отец Иннокентий (бывший миллионер, крупный сибирский золотопромышленник И.М. Сибиряков), ведущий замечательно подвижнический образ жизни. В этой келии пять дней в неделю не полагается есть никакой горячей пищи, а масло и вино употребляются только по субботам и воскресеньям» [17, с. 159-160]. Приоткрывает тайну духовного подвига о. Иннокентия (Сибирякова) и монах Климент. «Приняв великий постриг, – пишет он, – отец Иннокентий проводил строго постническую и глубоко безмолвную аскетическую жизнь. Нельзя не удивляться, как он, с детства привыкший к изысканным блюдам, питался грубой монастырской пищей без вреда для желудка и, проводивший время также с детства в веселом светском обществе, теперь оставался все время в келии один, беседуя лишь с Богом в молитвенных подвигах и наслаждаясь чтением душеполезных книг» [39, с. 518]. По слову монаха Климента, святогорским аскетам молодой схимник явил «образец совершенной нестяжательности и подвижнической жизни» [39, с. 518]. «В братии доселе вспоминаются, – напишет отец Климент через десять лет после смерти схимонаха Иннокентия, – и, вероятно, долго будут вспоминаться его братская любовь и неподдельное смирение, кои проявлялись у него во всех его поступках» [39, с. 518].

Еще одно свидетельство об отце Иннокентии составлено паломником иеромонахом Серафимом со слов настоятеля скита архимандрита Иосифа и братии в 1908 г. – уже через семь лет после смерти схимника: «Дни своей иноческой жизни он проводил, пользуясь малым отдыхом, в строгом посте и горячей слезной молитве. Он в полной мере выполнил в иночестве заповедь нестяжания и послушания беспрекословного и вполне с дерзновением мог сказать с апостолом: «Се, мы оставихом вся и в след Тебе идохом»... С принятием святой схимы отец Иннокентий усугубил свои подвиги; он непрестанно был в богомыслии, творя... Иисусову молитву, а память смертная не оставляла его, но всегда с ним пребывала, и он нередко проливал потоки благодатных слез умиления в своей пламенной молитве» [113, с. 149]. К этому, видимо, следует прибавить, что на Афоне самое тяжелое келейное правило существует для схимонахов, которые ежедневно должны положить 1200 поясных и 100 земных поклонов, и это не считая церковных служб.

Неоднократно предлагали о. Иннокентию принять сан священства, но смиренный инок не согласился, считая себя недостойным такого великого и ответственного сана [113, с. 149].

Стоит ли удивляться, что именно на схимонахе Иннокентии (Сибирякове) исполнилось одно из афонских пророчеств? Еще в 1868 г. Афон посетил преосвященный Александр, епископ Полтавский, известный защитник Соловецкого монастыря во время Крымской войны. Паломничая по Святой Горе Афон, он побывал и в Свято-Андреевском скиту. Старцы скита попросили Владыку заложить за оградой монастыря храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Но епископ Александр посоветовал братии выстроить такую церковь в другом месте, а на этом заложить храм во имя святого Иннокентия, первого епископа Иркутского. На возражения старцев он сказал, что «Бог пришлет сюда из Сибири благодетеля, соименного сему Святителю, и что этот благодетель выстроит на сей закладке церковь и больницу» [39, с. 516].

В книге «Происхождение и основание общежительного скита во имя св. Апостола Андрея

Первозванного...», изданной в 1885 г., имеется существенное уточнение к этому событию: «Заложен храм за оградой скита, на северной его стороне в 1868 г. преосвященнейшим Александром, бывшим Полтавским, во имя свт. Иннокентия Иркутского, по благословению и при содействии преосвященного Парфения, архиепископа Иркутского, при котором предположено было построить больничный корпус и маг. для хлеба, леса и кладовые для прочих хоз. построек» [93, с. 86-87]. Так что получается, что не один, а два церковных иерарха предрекли возведение в Свято-Андреевском скиту храма в честь Иннокентия Иркутского «благодетелем, соименным сему Святителю», и что именно из Сибири прилетит его сюда Бог. Храм Иннокентия Иркутского на Афоне закладывался, когда Иннокентию Сибирякову было всего восемь лет и проживал он в Иркутске.

Архиепископ Парфений (Попов) управлял Иркутской епархией именно в те годы, когда в этом городе и подрастал Иннокентий. Мало сказать, что Владыка был знаком с его отцом, да, наверное, и со всей семьей купца М.А. Сибирякова. При его священноначалии Михаил Александрович Сибиряков являлся старостой Вознесенской церкви Вознесенского монастыря, в котором некогда жил святитель Иннокентий, и где покоились его мощи. В бытность архипастыря Парфения (умер он в 1873 г., когда Иннокентию было тринадцать лет) старанием купца Михаила Сибирякова была построена в Иркутске часовня в честь свт. Иннокентия Иркутского на том месте, где святой Иннокентий останавливался во время своих приездов из монастыря в Иркутск по церковным делам. Видно сам святитель Иннокентий Иркутский прислал на Афон архиепископа Парфения для закладки церкви во имя Святителя, да явится в будущем слава Божия на ученике Христа схимонахе Иннокентии (Сибирякове).

Недавно удалось обнаружить содержание записи, оставленной епископом Александром Полтавским перед его отъездом с Афона. В ней мы встречаем глубокие благоговейные чувства, которые он испытал при расставании с афонскими иноками: «И если время все уносит, то дела живут вечно. Благословение и истинное благодарение с метанием приношу настоятелю... за молитвы, гостеприимство в течение двух с половиной месяцев, благожелания и дары... искренно преискренно благодарю, благодарю и не забуду... Отцы и братия! Прошу принять искренний мой архипастырский привет и любовь... Простите и благословите, дети Божией Матери!.. 1868 г. 27 июля. Суббота. Русский монастырь. Епископ Александр (бывший Полтавский)»^[49] [10, с. 449-450]. Слова - «и если время все уносит, то дела живут вечно», - сказанные прозорливым архипастырем, можно было бы поставить эпитафией ко всей этой книге.

К моменту появления Иннокентия Сибирякова на Афоне, в Свято-Андреевском скиту были, строившийся в течение двадцати пяти лет да так и оставшийся едва поднятым над уровнем земли, собор во имя Андрея Первозванного и заложенный больничный корпус с церковью во имя святителя Иннокентия Иркутского. Попечением Иннокентия Михайловича Святая Гора получила дивной мощи и красоты Андреевский собор, самый крупный на Афоне, в Греции и на Балканах, рассчитанный на пять тысяч молящихся [78, с. 32]. Строительство этого храма обошлось Свято-Андреевскому скиту почти в 2 млн. рублей в исчислении того времени [17, с. 146]. Через три месяца после кончины о. Иннокентия, когда торжественно праздновалось десятилетие настоятельства архимандрита Иосифа, в поздравительной речи, обращенной к настоятелю, иеромонах Владимир сказал: «Пред началом постройки собора, вы не раз говаривали: «Только надо с помощью Божиею начать дело, а Матерь Божия поможет нам». И действительно, Пречистая Помощница беспомощных помогла вам, послав человека (блаженной памяти схимонаха Иннокентия Сибирякова), который дал нам необходимые на это богоугодное дело средства» [23, с. 16].

Сооружение собора Андрея Первозванного занимает важнейшее место в ряду земных

благодеем выдающегося благотворителя, а потому расскажем об этом подробнее, тем более, что храм сохранился до нашего времени почти в первозданном виде. Собор был заложен в скиту при настоятельстве архимандрита Феодорита в 1867 г., как уже упоминалось, великим князем Алексеем Александровичем во время его куругосветного путешествия. Первоначально средств хватило только на то, чтобы вывести фундамент. В апреле 1891 г. архитектор Михаил Щурупов согласился на предложение «доверенных» с Афона иеромонахов Иосифа и Давида, управлявших Санкт-Петербургским подворьем Свято-Андреевского скита, поехать в «Афонскую обитель... и составить там применительно к существующему уже основанию план соборного каменного храма, с колокольней, фасады и разрезы, а также и рисунок иконостаса» [136, с. 216]. Был подписан договор, и престарелый архитектор отправился на Святую Гору. Сведения о разработанном проекте изложены исследователем творческого наследия архитектора М. Щурупова, Н.А. Яковлевым в его книге «Михаил Щурупов»: «Осмотрев заброшенную стройку, Щурупов составил пояснительную записку, в которой признал кладку фундаментов «правильной и весьма тщательной», подвальный же этаж сделанным «спешно и без соблюдения основных правил строительного искусства»... Он предложил разобрать старую кладку до пят сводов и выложить ее заново из правильно отесанного камня. Архитектор настоятельно рекомендовал использовать не местный камень, слоистый и выветривающийся, «не годный для таких монументальных зданий», а кирпич – «сравнительно легкий материал, прекрасно соединяющийся с известью и всегда готовый в дело». Применение же более прочных пород привело бы к задержке строительства на долгие годы – «примерно как при Исаакиевском соборе в Петербурге» [136, с. 217].

Издававшийся Свято-Андреевским скитом журнал «Утешения и наставления св. веры христианской» на своих страницах отражал все этапы предпринимаемых работ. Возобновилось строительство 3 мая 1893 г. и шло быстрым ходом. Храм был возведен за три года. Отделочные работы совершались в 1897-1899 гг., когда о. Иннокентий (Сибиряков) уже жил на Афоне постоянно. За это время собор был оштукатурен изнутри и снаружи, покрыты кровля и купола, установлены кресты, осуществлена настилка паркетных полов из дорогого кипарисового дерева, а также был установлен и монументальный иконостас, привезенный из Петербурга, где по чертежам М. Щурупова его изготовил мастер В.Е. Кондратьев. Этот иконостас после доставки его по морю братия скита перенесли на руках, приняв тяжелейший труд в условиях горной местности. За всеми производимыми в скиту строительными работами наблюдал настоятель о. Иосиф, который вникал во все подробности грандиозной стройки. Константинопольский архитектор Я.Г. Гючю непосредственно руководил возведением столь капитального сооружения. Летом 1899 г. строительство собора в основном было завершено и приступили к его благоустройству. Храм представляет собой трехнефную базилику, увенчанную группой граненых куполов ближе к алтарю храма и колокольней над западным входом [136, с. 217]. Над собором красуется восемь куполов, «обложенных медью и выкрашенных масляною зеленою краскою; главы, яблоки и кресты вызолочены. В связи с храмом возвышается колокольня, на которой около 20-ти больших и малых колоколов. Первое место среди них занимает колокол в 300 пудов, пожертвованный в скит покойною Императрицею Мариею Александровною. На колокольне-же устроены превосходные башенные часы, которые выбивают, с помощью колоколов, часы, получасы и четверти» [17, с. 146]). «Воздвигнутый... на массивных многометровых подпорных стенах, предохраняющих сползание горных пород», собор даже в полуподвальных помещениях «смотрится как огромное пространственное целое» [15, с. 67]. Говоря об архитектурных достоинствах Андреевского собора, Н.А. Яковлев пишет: «Язык художественных средств, которые использовал Щурупов, лаконичен. Собор почти лишен декора, во всяком случае, в понимании архитектора-эклетики конца XIX века. Впечатления монументальности и великолепия зодчему удалось достичь не столько благодаря большим

размерам храма, сколько благодаря выразительности и лапидарности форм, четкости горизонтальных членений, «ограниченности» объемов...

Щурупов уловил самую яркую черту в архитектуре афонских монастырей: их компактную и свободную «южную» застройку, разновременную и разностилевую. В то же время эти тесные «сгустки» домов и храмов, больших и малых куполов, суровых монолитных стен, звонниц, башен сливаются в органически целостные образования, созвучные окружающей природе. Андреевский собор с его сложной композицией, разновеликими куполами и разнообъемностью архитектурных масс не диссонирует в этом многоголосом хоре. И если, сузив известное выражение, сказать, что архитектура Афона – это застывшая музыка акафиста Богородице, Покровительнице Афона, то Андреевский собор – мощнейший аккорд этого песнопения» [136, с. 221-222].

«Андреевский собор решен в традиции, характерной для западного церковного зодчества, – уточняет тот же исследователь. – Это подчеркивается и завершением колокольни, напоминающим барочные формы. <...>

Большая часть наружных стен облицована крупными блоками местного камня, похожего на мрамор. Вместе с целым рядом архитектурных деталей – открытой галереей вдоль второго яруса, редко расставленными двойными флорентийскими окнами, балюстрадами, элементами ордера, – это делает собор похожим на некоторые светские постройки Италии эпохи Возрождения... В скромной декорировке фасадов Щурупов практически отказался не только от «русского», но и от излюбленного им романского стиля, предпочтя мотивы ренессанса» [136, с. 219-220]. На наш взгляд, подобная стилизация архитектуры Андреевского собора под итальянские образцы не случайна. Кто знаком с таким явлением в церковной архитектуре Сибири, как «иркутское барокко», элементы которого нередко заимствовались состоятельными иркутянами и при строительстве жилых домов, не может не согласиться, что именно храмовые постройки создают особую и уж очень неожиданную для Сибири красоту этого города, которую трудно позабыть даже гостям. Вряд ли забыл ее и Иннокентий Сибиряков. При составлении проекта Андреевского собора Михаил Щурупов вполне мог учесть и личные пожелания Иннокентия Михайловича относительно внешнего вида будущего храма, если будет установлено, что Иннокентий Сибиряков был прихожанином Старо-Афонского подворья уже в 1891 г. и благотворитель в то время общался с известным архитектором.

И дело даже не в том, что собор мог бы напоминать И.М. Сибирякову о родине. Важно, что средствами архитектурного языка создавалась символическая связь с городом, где жил и служил Богу небесный покровитель о. Иннокентия святитель Иннокентий Иркутский, который управлял сибирской паствой в ту эпоху, когда и привносилась в Иркутск из русской столицы мода на образцы итальянского церковного зодчества.

«При кажущихся сравнительно небольшими линейных размерах (длина 62,5 м, ширина 32 м, высота центрального купола внутри собора 32 м), – пишет Н.А. Яковлев, – собор внутри огромен. За массивными бронзовыми дверьми открывается залитый светом зал. Иначе и не назвать прекрасно освещенное громадное помещение храма» [136, с. 219]. «Когда... через массивную бронзовую дверьходишь в основную церковь, залитую светом через просторные окна купола и стен, не можешь удержаться от восхищения красотой и размахом архитектурной композиции и еще более – монументальностью иконостаса, исполненного лучшими петербургскими мастерами в конце XIX века, – пишут современные паломники, посетившие Афон. – Серебро, золото и золочение, цветные камни и бриллианты, резьба по дереву, драгоценное шитье и утварь наполняли Свято-Андреевскую церковь. Мы говорим «наполняли», так как храм опустошен в годы безвременья, когда русских здесь уже не было,

а греки еще не взяли его в управление Ватопеда» [15, с. 67]. Запустение храма началось около пятидесяти лет назад и продолжалось двадцать лет, но еще в 1926 г. все его великолепие видел афонский паломник писатель-эмигрант Борис Зайцев, восхищенно вспоминавший о «могучей внутренности храма, золоте иконостаса, величии колонн и сводов» [31, с. 120].

Собор освещался десятью паникадилами, «из которых одно – самое большое на 176 свечей изящно по своему виду», – описывает афонский паломник на страницах журнала, издававшегося братией Свято-Андреевского скита. К этому следует добавить, что в интерьере храма – резной золоченный иконостас, витражи в апсиде, царское место с вензелем Александра II, росписи в «васнецовском» стиле, серебро работы Ф. Овчинникова [121, с. 358]. Святогорский паломник, посетивший Свято-Андреевский скит в 1900 г. писал, что Андреевский собор «несомненно по величине и благолепию в настоящее время занимает первое место на всем Афоне, где насчитывается несколько сот церквей... Стены и иконостас написаны художниками-иконописцами А. Трониным и Кортневым и производят очень приятное впечатление» [107, с. 862]. Иконописец Тронин расписал внутри собора главный и алтарный купола. Среди шести икон местного ряда иконостаса был и образ святителя Иннокентия Иркутского.

Не исключено, что на строительстве Андреевского собора мог трудиться в свою череду и схимонах Иннокентий (Сибиряков), так как известно, что постройка храма производилась не только нанятыми в Константинополе мастерами, но и «всей монашествующей братией, кроме болящих и престарелых» [17, с. 146].

По афонской традиции посвящение собора Апостола Андрея Первозванного было многосложным. Наряду с посвящением приделов и нижнего храма святому Александру Невскому, святой Марии Магдалине и святителю Алексию Московскому, храм посвящался также святителю Иннокентию Иркутскому, преподобному Давиду Солунскому и Алексию человеку Божию.

Отец Иннокентий был свидетелем и участником 16 июня 1900 г. освящения достроенного собора Андрея Первозванного – «Кремля Востока», как называют этот храм на Афоне. Это было великое торжество, на котором присутствовало четыре тысячи человек. На церемонию прибыли важные официальные и церковные лица: представителем великого князя Алексея Александровича был начальник отдельного отряда военных судов на Средиземном море контр-адмирал А.А. Бирюлев (впоследствии «Морской министр», как называли его в просторечьи), чрезвычайный посол России в Константинополе И.А. Зиновьев с персоналом посольства, генеральный консул в Македонии Н.А. Иларионов [69, с. 862]. Освящение храма совершали в то время находившийся на покое на Святой Горе бывший Патриарх Константинопольский Иоаким III и епископ Волоколамский Арсений (Стадницкий), ректор Московской Духовной Академии, который прибыл на Афон с группой преподавателей и студентов МДА.

Сохранилось несколько описаний этого торжества со многими подробностями, из которых известно, что среди прибывших на освящение священнослужителей были и десять антипросопов Священного Протата – монашеского правительства Афона. Освящение началось с крестного хода от Богородичной церкви, бывшей до этого времени соборной. Зрелище по свидетельству очевидцев было величественным. «Впереди всех шли хоругвеносцы из братии, несшие 8 пар хоругвей, – сообщает один из участников торжества, – за ними несены были св. иконы и кресты; потом следовали священнослужители по два в ряд числом до 120 человек, в белых блестящих облачениях; ряды их замыкали два Архипастыря. Три раза было совершено обхождение вокруг новосозданного храма...» [17, с. 149]. В церемонии освящения Андреевского собора участвовали и русские офицеры, одетые в парадную форму, а пять

российских военных кораблей стояли на рейде «Дафна».

Величественность собора Андрея Первозванного, посвященного Небесному Покровителю России, возвещала не только о появлении на Афоне еще одного храма Божия для соборных молитв святогорской братии. Его потрясающие для Афона, да и всех Балкан, размеры возвещали на Востоке, в то время еще находящемся под турецким владычеством, величие и мощь православной Российской державы – надежду православных стран, угнетенных иноземным игмом. В этом соборе выразилась и великая любовь русских афонских монахов к своей родине. Собор Апостола Андрея явился и плодом любви схимонаха Иннокентия (Сибирякова) – любви к Богу и Его Церкви, к вере Православной, к России, к святым во Христе Спасителе, к земле Афонской...

После освящения Андреевского собора адмирал Бирюлев с воодушевлением сказал: «Я получил здесь... полное удовлетворение, как христианин и как гражданин. Как христианин я удовлетворен великолепием и благолепием церковного служения; как гражданин, я удовлетворен тем, что куда бы судьба не забросила русского человека, он всюду остается русским; всюду приносит с собою свойственную ему энергию и жизнедеятельность; об этом свидетельствует колоссальное здание нового храма, воздвигнутое небольшою кучкою людей, находящихся далеко от родины под властью чужеземного правительства» [17, с. 149].

Об этом событии много писали газеты и журналы, были изданы отдельные брошюры и даже книги. Но в этих публикациях не найти упоминания об одном человеке – о схимонахе Иннокентии (Сибирякове) [124, с. 141] за крайне редким исключением, да и то не более одной-двух строк. И только уже после смерти схимонаха, братия часто на своих торжествах в Свято-Андреевском скиту будет вспоминать и отца Иннокентия, и его неоценимый вклад в созидание обители. И даже спустя семь лет в России будут помнить о великом даре благотворителя Иннокентия Сибирякова этой афонской обители. «Теперь скит вполне украшен и обеспечен, благодаря миллионным пожертвованиям покойного богача Сибирякова, умершего на Афоне в монашеском чине», – напишет журнал «Монастырь» в 1908 г. [108, с. 68].

В соборе Апостола Андрея Первозванного в положенные по уставу дни совершалась ежедневно поздняя Литургия. В обители было 13 действующих храмов, и еще три строились. В скитских церквях ежедневно служили четыре Литургии [47, с. 40]. Кроме Андреевского собора на пожертвования схимонаха Иннокентия был выстроен новый больничный трехэтажный корпус с церковью Иннокентия Иркутского и малая церковь при больнице в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с двумя кельями – для схимонаха Иннокентия и отца Давида. Завершение строительства и больничного комплекса с храмами придало Свято-Андреевской обители законченный вид и особую красоту, которую отмечали все паломники. Вот что о. Иннокентий видел своими глазами, когда жил на Афоне: «Все корпуса иноческих келий высоки, в 5-6 этажей, с небольшими выступами и живописно висящими балконами; расположены в виде правильного четвероугольника и ограждены каменною стеною. Кругом обители виднеются гряды виноградных лоз и русских огородных овощей – огурцов, капусты, картофеля и других; по разным направлениям тянутся длинными рядами маслины, смоковницы, яблони, груши, персиковые и ореховые деревья и кусты смороды, крыжовника и малины; по горным скатам журчат струи холодной ключевой воды, ниспадающие в большие цистерны. По склону, в зелени среди дерев, расположено до 10 принадлежащих скиту калив, населенных пустынноиками» [32, с. 1749]. «Все постройки скита, – вторит первому очевидцу еще один богомолец, – ... выстроены очень прочно, в виду повторяющихся здесь время от времени землетрясений. Кроме 13-ти храмов, здесь много корпусов для братии и для посетителей, большие мастерские и другие хозяйственные постройки. Строится также теперь и громадное здание для новой больницы, где найдут приют больные со всего Афона» [17, с. 139]. Вот ведь как – не только для братий-андреевцев, но и для больных всего Афона строилась

больница! Как узнаются в этом свидетельстве присущие благодетелю размах, великодушие и любовь, которая и здесь, в местах сурового иноческого подвига, покрывала всех страждущих.

В день освящения Благовещенской церкви 26 сентября 1901 г. отец Иннокентий заболел и слег. С этого времени, тяжело страдая, он начинает заметно слабеть. Жить ему оставалось полтора месяца. За три дня до смерти пришел к схимонаху Иннокентию настоятель скита отец Иосиф. Схимник, лежа на одре болезненном, с глубоким смирением сказал: «Батюшка, простите меня, не могу я вас встретить, как следует; ничего не могу сказать кроме грехов». После этого он был исповедан и особорован маслом [113, с. 149].

Не случайно один из первых биографов схимонаха Иннокентия (Сибирякова) монах Климент, насельник Афонского Свято-Андреевского скита написал о своем брате-подвижнике проникновенные строки: «Еще в детстве, читая Четвы-Минеи, я восхищался богатырями христианского духа, кои, расточив предварительно на добрые дела свою собственность, бежали потом из мира в дикие пустыни и проводили в них жестокую, полную лишений, болезней и скорбей жизнь. Меня удивляло, поражало то равнодушие, то презрение, с каким они относились ко всяким вещественным благам земли, ко всему, что привлекает взор и пленяет сердце людей временного века. И хотелось мне тогда в наивной простоте видеть и даже осязать таких богатырей. Это желание мое со временем и сбылось: я увидел, даже счастье имел наблюдать жизнь одного из таких редкостных людей и чем больше наблюдал, тем более возрастал мой к нему интерес. Теперь, когда прошло уже 10 лет с того дня, как этот богатырь духа переселился в лучший мир, он, при всяком моем воспоминании о нем, встает предо мною, как живой. И я им не могу не восхищаться теперь так же, как восхищался некогда, во время его жизни, как когда-то, в детские свои годы, восхищался я героями Четий-Миней» [39, с. 515].

6 ноября 1901 г. после Литургии в Андреевском соборе схимонах Иннокентий был приобщен Святых Христовых Таин, «а в 3 часа пополудни тихо кончил земное свое житие блаженной кончиной праведника. Так угас великий и чудный последователь Христов», – сообщает его современник [113, с. 149]. Умер схимонах Иннокентий в возрасте сорока одного года, по предположению братии, от скоротечной чахотки. От этой же болезни умерла и его мама Варвара Константиновна, которой было сорок лет от роду. «Очевидно он... уже созрел для житницы небесной», – сказал о духовной причине столь раннего ухода схимонаха Иннокентия о. Климент [39, с. 518].

После преставления отец Иннокентий был тотчас одет в схимнические одежды и перенесен в церковь своего небесного покровителя Святителя Иннокентия Иркутского. Здесь была отслужена панихида, а потом тело схимонаха Иннокентия (Сибирякова) перенесли в собор. 8 ноября в день Архистратига Михаила торжественный обряд отпевания смиренного схимника совершил греческий архиерей Неофит в сослужении 60 священников [113, с. 149]. Храм Святителя Иннокентия Иркутского был освящен через двадцать дней после кончины незабвенного отца Иннокентия.

Нельзя не отметить особое почитание схимонахом Иннокентием своего небесного покровителя – святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского. Достаточно перечислить хотя бы известные храмы и приделы, устроенные благодетелем в честь своего тезоименитого святого. Это и церковь при больничном корпусе в Свято-Андреевском скиту, и придел в соборе апостола Андрея Первозванного на Афоне, и придел в храме Александра Невского при Первом реальном училище Санкт-Петербурга, и церковь Святителя Иннокентия в селе Омолой на реке Лене, и храм во имя Иннокентия Иркутского в Свято-Троицком Николо-Уссурийском монастыре, и кладбищенский храм Святителя Иннокентия в Угличском Богоявленском монастыре. Свою дачу в Каук-Ярве и денежное пожертвование в размере 10 тыс. рублей оставлял И.М. Сибиряков Линтульской женской общине с условием, что сестры тоже выстроят

церковь во имя Иннокентия Иркутского [104].

Без преувеличения можно сказать, что весть о смерти отца Иннокентия (Сибирякова) всколыхнула всю Россию. Некрологи и посвящения выдающемуся благотворителю были помещены более чем в двадцати печатных периодических изданиях страны. Многие светские организации заказали об Иннокентии Михайловиче панихиды, оповестив о месте и времени их служения широкий круг людей. Это был момент, когда Иннокентий Сибиряков объединил в единомысленном порыве людей разных убеждений, не только отдавших ему дань памяти, но и публично признавших благотворителя незаурядным человеком. Из многих прекрасных благодарных слов, сказанных и написанных об И.М. Сибирякове в дни памяти о. Иннокентия, приведем слова его земляков по Санкт-Петербургу и Сибири. «Иннокентий Михайлович являлся товарищем и другом молодежи; она всегда находила у него необходимую помощь, – читаем в некрологе Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам. – ... Покойный был одним из тех убежденных людей, которые признавали за долг свои знания, средства и силы употреблять на пользу вскормившей и воспитавшей их родине... Вполне бескорыстное... отношение Иннокентия Михайловича к делу помощи учащимся, которое он любил, для которого отдавал свои силы в течение пяти лет, навсегда будет памятно Об-ву, и все, кто знал покойного, искренно скажут вечную память Иннокентию Михайловичу, вся жизнь которого была стремлением к пользе своей родины, к правде и душевному покою».^[50]

Схимонах Иннокентий (Сибиряков) скончался, прожив недолгую, но яркую жизнь и осветив ею земной путь многим людям. *Скончавася в мале, исполни лета долга* (Прем. 4, 13) – этими библейскими словами отметили в своем некрологе главный итог жизни о. Иннокентия почитавшие его [59, с. 148]. 36 лет светской жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова оказались приуготовительными для высоко духовного, хотя и короткого – всего пять лет – монашеского подвига. Вслед за Иоанном Милостивым, этот бессребреник мог бы сказать: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобил меня принести Тебе Твое...» [30, с. 302]. Не пожертвованными миллионами и не грандиозными зданиями оценивает Господь благотворительность человека. «Христос взвешивает только ту силу любви к Нему и пламенной ревности по Боге, которая двигает твоею благотворящею рукою и которая ведома только Ему одному, смотрящему прямо в твое сердце», писал епископ Михаил (Грибановский) [55, с. 29-30].

Не скрылась от глаз андреевской братии ни пламенная любовь схимника ко Христу, ни его глубокое сострадание к ближнему, потому отдали они схимонаху Иннокентию (Сибирякову) честь, которой по афонскому обычаю удостаивались только отпрыски византийского императорского дома и основатели обителей [122, с. 97]: его похоронили не на монастырском кладбище, за оградой скита, а у западной стороны Андреевского собора рядом с могилой основателя Свято-Андреевской обители о. Виссариона [113, с. 145]. По достоинству оказанных почестей при похоронах, братией была оказана схимонаху Иннокентию и честь через три года, когда подняли из земли его янтарного цвета главу, свидетельствующую о том, что этот друг Христов не только спас свою душу, но и много угодил Богу. Глава схимонаха Иннокентия в знак особого почитания была помещена в отдельном роскошном киоте [122, с. 100].

Иеромонах Серафим, побывавший в Свято-Андреевском скиту в 1908 г., вспоминает: «Посетил я здесь могилку близ нового собора... современного подвижника ктитора скита молодого схимонаха Иннокентия,.. прах которого по просьбе его сестры... не взят из земли, а почивает в могиле. Помолвившись на могиле этого великого современного благотворителя и смиренного подвижника, я почувствовал на душе своей какую-то легкость и отраду. Как бы легким и приятным ветерком прохладило мое сердце. Я подумал: поистине здесь пред моими глазами могила скрыла прах великого человека, который по заповеди Христа все свое

многомиллионное состояние передал в небесные сокровищницы и получил нетленный венец в горних обителях рая» [113, с. 145]. Отец Серафим (Кузнецов) известен нам как первый человек, письменно засвидетельствовавший святость схимонаха Иннокентия (Сибирякова). Это иеромонах Серафим написал в своих путевых заметках, что о. Иннокентий «ради любви к Богу с радостью все перенес, за что и Господь прославит его и на небе, и на земле вечной славой!.. Пока будет существовать мир, все христианское население его будет удивляться его высокому примеру самоотверженной любви к Богу, и память о нем будет незабвенной в род и род» [113, с. 149].^[51]

Тронутый прикосновением мира небесного и размышляя о судьбе схимонаха Иннокентия (Сибирякова), иеромонах Серафим дальше утверждает: «Пример сей поистине в наше слабое время, пример чудный и изумительный» [113, с. 149]. Поэтому и неудивительно, что и через десять лет после кончины Иннокентия Сибирякова о нем не забыли, посвятив благотворителю памятные статьи, вспомнив о нем добрым словом.

Но лучшим памятником Иннокентию Сибирякову на земле являются не столько благодарные строки его современников, сколько зримые и сегодня плоды его благодеяний. Много полезных дел совершил схимонах Иннокентий (Сибиряков) и в миру, и в монастыре, много оставил он после себя адресов своей благотворительности. Одни из них развились в крупные культурные, научные и образовательные центры, другие сохраняются в зданиях, построенных на пожертвования И.М. Сибирякова, в третьих и сегодня служат Богу... Но, вне сомнения, лучшим памятником Иннокентию Сибирякову является Свято-Андреевский скит и собор Апостола Андрея Первозванного. Восторженные слова оставили и оставляют паломники об этой удивительной по красоте монашеской крепости. Одухотворенная любовью сердца к Богу и ближнему красота Свято-Андреевского скита создавалась в течение всей его истории, насчитывавшей в 1900 г. пятьдесят лет. Но особенно ярко и пышно расцвел скит при настоятельстве архимандрита Иосифа на пожертвования многих безымянных дарителей, среди которых особое место принадлежит, конечно, Иннокентию Михайловичу Сибирякову.

И, может быть, поэтому нелегко читать описания современного запустения скита (хотя к его возрождению уже и приступили). «Осенью 1997 года, – пишут очевидцы, – мы вошли на территорию Свято-Андреевского скита не с парадного хода, а со стороны служебных корпусов западной части монастыря, давно предоставленных разрушительной силе времени. Зрелище было столь же живописным, сколько и устрашающим. Мощные лианы сплошным ковром устлали ворота, стены, лестницы и решетки, добираясь до четвертого и пятого этажей великолепных, выстроенных на века монастырских зданий. Купола на параклисах накренились, зияющие пустоты оконных проемов являли запустение, умирание и смерть» [15, с. 67-68].

Недавно побывал паломником на Афоне и выдающийся русский писатель нашего времени Валентин Григорьевич Распутин, написавший глубокий, светлый и немного грустный очерк о Святой Горе, опубликованный в журнале «Сибирь» (2005, № 1). Взглянем и его глазами на афонский островок Святой Руси, воздавая нашим богоносным предкам добрую память: «Перед крепостной оградой, нисколько не уступавшей по прочности стен старинным сооружениям, спешили, выйдя из машины, помешкали, подготавливаясь к встрече и оглядывая бесконечное снежное царство, и уж затем прошли в скитский двор. И сразу встал справа во всю свою красу и мощь величественный собор, поставленный в честь апостола Андрея Первозванного, богато украшенный, принявший святыни и торжественное облачение всего-то сто лет назад. Даже и здесь видно, что Россия входила в XX век, несмотря на революционную «кость в горле», богатырскими шагами (тот же Транссиб к Тихому океану за десять тысяч километров, то же переселение миллионов и миллионов с западных на восточные земли и т. д.). А на Афоне – вот он, Андреевский собор, «столп и утверждение истины», непоколебимая

ступень к Богу...

А собор, оживленный новыми насельниками, не потерял ни русскости, ни богатырской стати и сановитости. И в стенах его наверняка осталась память о тех, кто его строил, освящал, искал спасения и благодати. Главная святыня в храме – благоухающая лобная кость апостола Андрея Первозванного. Золото царских врат, устремленные в земные и небесные глубины глаза с иконных образов старого письма, высокий поднебесный купол, могучие колонны... И финн, старательно выговаривающий русские слова, угощающий нас вином с виноградника, разбитого когда-то русскими монахами».^[52]

Нельзя не отметить, что сегодня, благодаря и о. Иннокентию (Сибирякову), «русские, позабывшие свою Русь, начинают ее вспоминать» [4, с. 49]. И то, что эта память обретается не только в современной России, но и приходит к нам с Афона, из Греции, – факт немаловажный: в основе русского *духовного* возрождения традиционным и плодотворным для нас всегда было влияние Юга, а не Запада. Это подчеркнул недавно и Президент России В.В. Путин перед своим паломничеством на Афон: «Сколько я себя помню, у нас в стране всегда был повышенный интерес к Греции, и он всегда был очень позитивный. Не в последнюю очередь так сложилось в силу наших духовных связей». И хотя жизнь и пример схимонаха Иннокентия – только частный случай в нашей отечественной истории, он, все же, позволяет взглянуть на исторический путь России не в трехсотлетнем, а в тысячелетнем его охвате, и заметить в нашей современной действительности поворот внутренних установок многих людей к традиционным для нашего Отечества духовным ценностям. Вертикальная духовная ось север-юг (а не запад-восток) с каждым днем укрепляется, и на историческом пути «из варяг в греки» становится оживленнее не только в переносном смысле.

Сегодня об Афоне пишут в России много и хорошо. О Свято-Андреевской обители – и восхищенно, и пронзительно, и с горчинкой... «Недалеко от центрального входа, – делится своими впечатлениями еще один наш соотечественник – мы обнаружили в стене небольшой арочный проем с рассевшимися в разные стороны полусгнившими деревянными створками ворот. В сумраке под аркой мой взгляд случайно упал в затянутое паутиной окно сторожки... и я буквально остолбенел от увиденного. Луч солнца из другого окна, выходящего на улицу, вдруг ясно высветил темную каморку привратника, неожиданно отбросив меня на 70 лет назад.

Я словно оказался в другом измерении, в другой эпохе. Там, за стеклом, в мире, давно ушедшем в небытие, стоял у окна стол. Бронзовый подсвечник с оплывшим огарком возвышался над потрепанной псалтирью. Из-под закопченной балки перекрытия свисала старинная керосиновая лампа; в углу на табурете примостился маленький медный самовар с трубой, на подносе – треснутая чашечка. Латунный умывальник начала прошлого века тускло поблескивал гальваническим покрытием, а с ржавого гвоздя свисало ветхое льняное полотенце. Напротив стола, около когда-то белой стены, располагался огромный кованый сундук с откинутой крышкой... а рядом на полу – пара стоптанных сапог. Зрелище производило жуткое впечатление – казалось, будто привратник только что, всего лишь минуту тому назад, покинул свою привратницкую... Тем временем прошли многие десятилетия. Землю потрясли страшные катаклизмы; рождались и умирали люди; сгнили ворота и оконные рамы в привратницкой, и все в ней покрылось толстым серым слоем пыли, но ничего не ведающий об этом привратник должен вот-вот вернуться, чтобы допить свой чай из остывшего самовара, который он раздул перед уходом...» [33, с. 47-48].

Эта возможность возвращения афонского инока из прошлого в настоящее осуществляется в наши дни в лице о. Иннокентия (Сибирякова). Неслучайно именно его являет сегодня Господь России. Не ему – благодетелю и схимнику, – а нам нужна сейчас память об этом замечательном человеке, нужен уникальный опыт его жизни, чтобы, обращаясь к нему,

наполнялась высоким смыслом и содержанием и наша жизнь – как людей состоятельных, так и нуждающихся. Жизнь Иннокентия Михайловича Сибирякова и ее венец вселяет в нас, мирян, великую надежду на спасение в миру через дела благотворения, ведь вне сомнения именно такими делами угодил Богу этот добрый русский человек, прежде чем стал схимником.

С каждым годом не только на Афоне, но и в разных концах света, становится все больше почитателей отца Иннокентия среди тех, кому довелось познакомиться с делами его милосердия и духовным подвигом, а также увидеть честные останки схимника. Многие свидетельствуют о том, что схимонах Иннокентий уже прославлен у Бога, а это, как известно, не зависит от того, помнят на земле люди его дела или нет. Современные почитатели монаха-бессребренника поминают схимника в своих молитвах, молятся ему. И обращения к этому праведнику за помощью не остаются без ответа. На эту тему можно было бы написать еще одну главу, но пока не пришло время.

На примере Иннокентия Сибирякова мы видим, как непреложно, по тайному духовному закону, действующему в нас, преображается душа человека, когда он приходит на помощь тем, кто страждет и нуждается. Благотворительность, деятельное милосердие всегда ведут к благотворным изменениям в самом жертвователе. Сердце его умягчается, добрые чувства начинают жить в нем, крепнет и мужает дух, руководимый совестью, и человек открывается духовному Небу, а Небо касается его души.

Вместо заключения

*Он жил не в душу живу, которая есть эгоизм,
а в дух животворящ, который есть любовь.*

А.С. Хомяков

*Самым главным отличием России
от других держав мира является то,
что она располагает не только
материальным богатством,
но и духовным.*

Ф.М. Достоевский

Трогательная жизнь и духовный подвиг Иннокентия Михайловича Сибирякова еще не исследованы во всей своей глубине. Собранные архивные документы, литературные источники и материалы периодических изданий позволяют пока составить первое представление о том, что сделал Иннокентий Михайлович Сибиряков для России, а также для Вселенской Православной Церкви как благотворитель. Есть сведения и об особом духовном пути этого подвижника, но они еще недостаточны, а потому и не дают возможности со всей достоверностью представить в необходимой полноте картину духовного подвига о. Иннокентия (Сибирякова). Не изучено его обширное эпистолярное наследие, а также письма известных лиц к И.М. Сибирякову, а ведь он был знаком с широким кругом известных людей своего времени. Это – государственные, церковные и общественные деятели, ученые, литераторы, художники и архитекторы, деловые люди, меценаты и благотворители, настоятели монастырей, подвижники веры и благочестия...

Изучение материалов той эпохи помогут представить Иннокентия Михайловича Сибирякова не только как известного благотворителя, но и как общественного деятеля, патриота своего Отечества, верного сына Православной Церкви. Ведь «поднять завесу, отделяющую слова и

внешние действия человека от сокровенных его мыслей, тайных сердечных движений и побуждений» необходимо для того, чтобы «закончить и открыть полный его образ, - всего человека» [80, с. 685].

Уже имеющиеся сегодня в нашем распоряжении материалы, собранные в данной книге, заставляют задуматься о многом. И прежде всего о том, кто мы? Зачем мы рождаемся в этот мир? Куда уходим? Что оставим после себя нашим потомкам? Что с нами стало и почему? Почему поубавилось в нашей жизни мудрости и правды, доброты и любви, верности и сострадания, мужества и силы? Почему не востребованы в нашей реальности понятия о человеческом достоинстве и благородстве?

А праведность? А благочестие? А святость? А совершенство? Многие ли сегодня имеют о них правильное понятие? И почему, даже разоблаченные революцией (и не одной!), мы все равно движемся и дальше по пути саморазрушения? Кому это выгодно? И - почему мы боимся задавать себе вечные вопросы? Почему боимся искать на них ответы?

Да потому, что нам известно: ответы на них уже есть! И более того мы точно знаем, что они доступны каждому, стоит только протянуть руку к книжной полке, открыть Евангелие и вернуться к своим истинным духовным корням.

И величие личности, значение примера Иннокентия Сибирякова как раз в том и заключается, что он своей жизнью являет нам, известную на Руси вот уже тысячу лет, истину и указывает ее точный адрес - Вера, Православная Вера. Там, в сокровищнице Духа, которую оставил на земле людям Бог, и хранятся ответы на самые главные вопросы.

Сегодня все больше людей в России хочет жить в обществе, состоящем из нравственных людей, совершающих нравственные поступки по своим *внутренним* побуждениям, а не только под давлением *внешнего* закона, из страха суда и наказания, так как «внутренний закон поддерживает нравственное достоинство человека, беспрестанно обращаясь к его совести, в ней одной находя опору и ручательство его дел» [4, с. 52]. И на этом пути уже не обойтись без бесценного церковного опыта - опыта нашей древней родины, о которой с такой духовной силой напомнил нам схимонах Иннокентий, а потому приложим и к нему слова, некогда сказанные о другом его замечательном соотечественнике: «Он был тем, чем желательно видеть всех русских просвещенных людей, - он был человек с древнею любовью к своей вере и Церкви, со старинною ревностью о благе своего Отечества и с богатством нового образования. И то и другое так сложилось, примирилось и объединилось в его духе, что его личность может быть образцом практического решения трудной задачи, от правильного решения которой зависит все благо, вся будущность нашего Отечества, именно сохранения в современных русских людях древнего русского религиозного и патриотического настроения и совмещения с истинными сокровищами нового образования» [80, с. 686].

И через сто лет прямо и просто, не словом, а делом, говорит с нами схимонах Иннокентий о самом важном: как остаться в этом мире человеком и не усвоить образ зверя? Чем наполнить пустоту души в постоянно меняющемся мире, в котором все меньше человеческой теплоты и все больше одиночества? Как жить, чтобы святу быть?

Да, об Иннокентии Сибирякове можно сказать, что он - как и его могучие предшественники-славянофилы - добывал правду «кровию сердца, алчущего истины». И добытая схимником правда оказывается необходимой не только Иннокентию Сибирякову, но и каждому из нас. Ведь эта правда - о нас самих, о том, кто мы, и зачем приходим в этот мир; эта правда о смысле нашей жизни, смысле, который ничем заменить нельзя...

Иннокентий Сибиряков зовет нас не только заглянуть в собственную душу, но и задуматься над судьбой народа, оглянуться на нашу историю и всмотреться в настоящее – в нашу жизнь, в ее сущность, в ее образ, в ее дух. И от горькой правды, которая откроется нам в сравнении, станет не по себе, неуютно станет, потому что правда – самый короткий путь к сердцу, а еще – она колет глаза. Но на то она и правда, чтобы нас будить, чтобы помогать нам познавать самих себя в нашей истинной сущности, чтобы дать нам шанс понять самое необходимое, и проявить волю – его осуществить, хотя бы в пределах мира своей собственной души. Но для этого надо вернуться «домой». Как вернулся Иннокентий Сибиряков, как возвращались славянофилы – совесть образованной России, как возвращаются и сегодня незаметные делатели Божьей правды на земле – живая совесть уже нашего времени. Та совесть, которую не хотят слушать, но которая всегда оказывается права. Потому что за непослушание ей человек расплачивается дорогой ценой: вместо образа Божия получает внутреннее уродство, замаскировать которое не удается никому.

По нашему мнению, жизнь и подвиг Иннокентия Сибирякова – это добрые, хотя и безмолвные, советы:

юному – неотступно искать в этой жизни великий смысл и в своем поиске не отступать до конца – до старости и кончины;

богатому – не бояться своего богатства, потому что хотя и трудно войти богатому в Царство Небесное, но – не невозможно, если распорядиться им так, как повелевает Бог: жертвовать, одаривать, благотворить ...

бедному – не завидовать богатству, потому что не оно приносит счастье, а скрывается счастье в нашем сердце, если душа у нас чистая и не злая;

образованному – помнить, что даже гении, если они безнравственные, – всего лишь умные рабы своих страстей, а потому великое и ответственное дело – образовывать (ваять свой собственный образ и образ врученного вашему попечению ближнего) – надо совершать не по своим схемам, а по меркам небесным;

верующим – не останавливаться только на внешнем благочестии, а постоянно возгревать свой дух и нести свет Православия в мир, в быт, в жизнь;

мироправителям – осознать, что единственным оправданием их существования в этом качестве является жизнь для своего народа – до полного самопожертвования.

И главный совет Иннокентия Сибирякова как благотворителя всем своим соотечественникам – сострадать, милосердствовать, благотворить – помогать ближнему. Ведь, по мнению мыслителей-славянофилов, «куда бы нас судьба ни завела и как бы обстоятельства нас ни разрознили, у нас все будет общая цель: благо Отечества...» [37, т. 1, с. 10].

Ради процветания России написана и эта книга – первая проба жизнеописания Иннокентия Михайловича Сибирякова. Более полное жизнеописание позволят составить новые сведения, которые еще предстоит найти. Изучение документов, дневников, воспоминаний, писем – задача на ближайшее будущее. И, несомненно, жизнь Иннокентия Сибирякова привлечет внимание современных благотворителей, писателей и журналистов, почитателей наших праведников и подвижников, отечественных ученых, потому что «вся она состоит из огромной цепи актов его материальной щедрости и проявлений его мягкой отзывчивой души. Этот человек, отдавший все другим и сделавший массу реального добра, прожил альтруистом и в этом отношении представляет яркий светоч на фоне современной будничной жизни» [20, с. 2].

Так считали современники Иннокентия Сибирякова в начале XX века, так воспринимаем, спустя столетие, подвиг его жизни и мы. Ведь как тогда, так и сейчас наука, образование, духовная и светская культура России нуждаются в благосклонном внимании не только государства, но и частных предпринимателей, важнейшим делом которых является сегодня следование традициям благотворительности, выработанным многовековыми усилиями русского купечества. Примеров в прошлом можно найти множество: Кокорев, Чижов, Рукавишников, Мамонтов, Третьяков, Морозов... И среди них – Иннокентий Михайлович Сибиряков. Эти люди остаются в исторической памяти России не потому, что были крупными откупщиками, а исключительно благодаря своей благотворительной деятельности. За щедрость и доброту, жертвенность и отзывчивость остаются они в памяти благодарных потомков. Их наследникам – современным предпринимателям – предстоит исполнить завет, прозвучавший век назад в словах, обращенных к памяти схимонаха Иннокентия (Сибирякова): «Твоя широкая благотворительность, любвеобильный благодетель, да послужит образцом для всех капиталистов жить на благо обездоленных судьбой и просвещение России».

Примечания

¹ Здесь будет уместным вспомнить известный афоризм К.С. Аксакова: «Русская история имеет значение Всемирной Исповеди. Она может читаться, как жития Святых» [4, с. 625]. И данная книга о благотворителе Иннокентии Сибирякове – лишь малая попытка всмотреться в нашу отечественную историю через благочестивую жизнь отдельного человека и последовать призыву русского философа: «Устремим же все силы наши на то, чтоб сперва разработать и понять наше прошедшее, и стать, наконец, на свои ноги, вопреки любителям ходить в помочах. ...а это нелегко для нас, отвыкших жить своим умом и даже чувствовать своим чувством» [4, с. 132].

² «Когда мы примемся разбирать все то множество разного рода мировоззренческих систем, что составляют идеологический хаос, в каком осуществлялась русская общественная мысль XIX столетия – да и вплоть до наших дней, – пишет М.М. Дунаев, – нам не избежать вывода, что в этой видимости хаоса обозначены два вполне определенных направления, два пути, между которыми должна была выбирать Россия, и как государство, и как нация. Хаос же возникал оттого, что определенный выбор так и не был осуществлен, и совершалось метание, а то и вовсе попытка следовать сразу по двум путям одновременно: бестолковая и изнуряющая народный дух трата сил.

Ориентирами на предлагаемых России путях служили два комплекса стройных идейных систем, получивших весьма неудачные названия при своем возникновении: с л а в я н о ф и л ь с т в о и з а п а д н и ч е с т в о. Все прочие идейные направления так или иначе сопутствовали этим двум, имели в них свой исток, от них отталкивались, но к ним и притягивались, хотя внешне создавали порою видимость, будто совершенно порвали с причиною, давшей им начало» [27, с. 242]. Рассматривая интересующую нас эпоху в ее идейном противоборстве, М.М. Дунаев уточняет: «Различия между славянофилами и западниками – р е л и г и о з н ы е по смыслу и по самому духу своему. В двух этих направлениях сказалось перенесенное на социально-политическую, идеологическую почву противостояние Православия и западных конфессий» [27, с. 249]. Но «противостояние» не только «сказалось», как считает современный исследователь религиозной мысли России А.Д. Каплин, а определило эти два направления, так как шло «именно и прежде всего на духовном уровне и лишь затем на мировоззренческом, идеологическом, историческом, социально-политическом...» [34, с. 303-304].

Особенно ярко проявилось различие славянофильского и западнического миропонимания в воззрении на народ и его исторический путь, а также на те принципы, на которых должна строиться жизнь народа. Славянофильская идея исторического развития России была по своей

сути эволюционной и понималась самостоятельной русской мыслью как «идея органического, неразрывного соединения любви к отечеству небесному и отечеству земному» (А.Д. Каплин).

³ _ Подробнее о родственных связях монахини Игнатии см. статьи ее дочери Инны Рау в журнале «История Петербурга»: 2002, № 6; 2003, № 2; 2004, № 1.

⁴ _ Усвоенные в естественной семейной обстановке религиозные обряды и обычаи со временем помогли ему постигать Бога в «духе и истине» (Ин.4:23). О том, как обычно совершается это постижение по мере возмужания человека, писал Феофан Затворник: «Припомните, как идет у нас обычно дело жизни. Родившись естественно, почти тотчас мы отраждаемся благодатно в купели крещения и становимся членами Церкви. Нас носят только в церковь, причащают, и дома не удаляют от того, когда совершаются какие либо священнодействия и молитвы. Потом, став на ноги, мы растем в порядке религиозной христианской жизни, и навываем всему, что обычно делают все христиане, по требованию Церкви. В дух всего этого мы можем входить и не входить, или нас могут вводить и не вводить; но, вступая в жизнь, или приходя в возраст, мы всегда находим, что все пути жизни нашей облечены и ограждены религиозными порядками, составляющими устав Церкви. Вот вам и внешняя религия... Пока так идет дело, вы не видите, как все эти навыки благотворны. Вы это ощутите и возблагодарите Бога, что все около вас так есть, когда будете наведены, или сами нападете на убеждение, что Богу надобно кланяться духом и истиною, а не одним этим внешним чином, – возблагодарите потому, что как только делом возьметесь за такого рода жизнь, вы, во внешних чинах Церкви... найдете не только истолкование той внутренней духовной жизни, но и все способы к ее возгреванию и поддержанию. Вы начинаете теперь пользоваться всем разумно, растете и крепнете духом, пока возрастаете до полного образования духовного. И вот внешняя религия стала для вас путем к истинному благочестию. В ней зародилась у вас духовная жизнь, в ней воспиталась и созрела. Она то же для вас, что утроба матери для образующегося дитяти, или лоно природы для семени. Зачатое дитя, или пробудившийся росток в семени вокруг себя находят все элементы, потребные для своего развития и образования. И вы нашли все нужное для вашей духовной жизни в строе Церкви, будто бы и внешнем, но проникнутом духовными элементами, – и возрасли духовно. Дитя, образовавшись, выходит на свет; вы, созревши, в свое время перейдете в другой мир, в отношении к которому теперешнее ваше состояние тоже, что пребывание дитяти в утробе матери» [112, с. 75-77].

⁵ _ Позволим себе напомнить уважаемому читателю и слова известного ученого Г.Н. Потанина, сказанные им в адрес иркутского купечества: «Ни один город Сибири не мог похвалиться такой блестящей, такой просвещенной буржуазией, как Иркутск, прославившей себя крупными денежными пожертвованиями на общественные учреждения и в нисходящих поколениях давшей ряд просвещенных деятелей на поприще науки, литературы и общественной деятельности» [91, с. 43].

⁶ _ Переменчивость моды на те или другие идеи в образованном слое русского общества XIX в. говорит о том, что вера перестала быть основанием умственной жизни большинства его представителей, перестала быть «краеугольным камнем» и тем удерживающим началом, которое не только формирует в человеке его убеждения как «итог всей жизни» [35, с. 227], но и не позволяет ему эти убеждения менять ни под каким внешним давлением. Теперь же, без евангельской основы, «прогрессивное» общество зависело от моды на «мнения», поддавалось идейному влиянию тех или иных философских воззрений, являвшихся лишь «выводом из логических соображений» [35, с. 227]. О влиянии философских умопостроений на людей, оторванных от веры, писал еще И.В. Киреевский: «Но мнения философские недолго остаются достоянием ученых кафедр. Что нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс, ибо для человека, оторванного от всех других верований, кроме веры в

рациональную науку, и не признающего другого источника истины, кроме выводов собственного разума, судьба философии делается судьбою всей умственной жизни. В ней только сходятся все науки и все житейские отношения и связываются в один узел общего сознания, но из этого узла, из этого общего сознания снова исходят правительственные нити во все науки и во все житейские отношения, дают им смысл и связь и образуют их по своему направлению» [35, с. 202].

⁷ Главная мысль славянофилов сводилась к необходимости вернуться к духовным началам исконной русской жизни – Православию, основанному не на внешней форме, а на жизни по духу Евангелия и церковного наследия, оставленного святыми отцами от глубокой древности. Проникнуться русским духом, духом своего народа, хранящего в своей соборной душе Православие в неповрежденном виде – вот к чему призывали славянофилы «свет». А чтобы это осуществить, по мнению А.С. Хомякова, «должно глубоко и свободно допрашивать свое внутреннее чувство и свои коренные, еще уцелевшие начала, чтобы поставить между людьми отношения новые, недоступные еще другим народам, но более братолюбивые, более общительные и вполне доступные народу русскому» [129, т. 3, с. 361]. Таким способом «допрошенная» сущность проявит себя, и выйдет «на Божий свет все затемненное, забытое, забитое, заваленное полуторастилетним наслоением, вся действительная жизнь нашей внутренней жизни (во сколько мы еще живы), принятая нами невидимо из песни, речи, самого языка, обычая семейного, более же всего от храма Божьего. Тогда только может высказаться в душе то, чем она выходит из пределов тесной личности и является уже в высшем значении, как частное отражение всенародного русского духа, просветленного Православною верою» [129, т. 3, с. 358-359; 34, с. 254].

Говоря о соотношении духовного и национального в вопросе о народности, Ю.Ф. Самарин пишет: «Нельзя себе представить цельного и свежего народа, который бы не имел веры; а где вера, там нет и быть не может исключительной национальности, в смысле народного самопоклонения, в том единственном смысле, в каком национальность может быть противопоставлена развитию человеческого образования. Вера предполагает сознанный и недостигнутый идеал, верховный и обязательный закон; а кто усвоил себе закон и внес его в свою жизнь, тот через это самое стал выше мира явлений и приобрел над собою творческую силу: уже не прозябает, а образует себя... Под народностью мы разумеем не только фактическое проявление отличительных свойств народа в данную эпоху, но и те начала, которые народ признает, в которые верует, к осуществлению которых он стремится, которыми он поверяет себя, по которым он судит о себе и о других. Эти начала мы называем народными, потому что целый народ их себе усвоил, внес их, как власть, как правящую силу, в свою жизнь... Бесспорно, что в мире совершается история человечества, но не *кроме* народностей, ... а через народности и только через них, как драма на сцене разыгрывается действующими лицами, и только ими. Если бы не было народности, не было бы живого органа для осуществления и заявления общечеловеческих начал» [Цит. по: 109, с. 59-60].

⁸ В юности невозможно не задумываться над «вечными вопросами». «Внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может» [129, т. 5, с. 31], влечет не только писателя или ученого, но и любого думающего человека к постижению смысла жизни, будит, будоражит, не дает успокоиться в обыденном, привычном, «ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [25, с. 298].

Эти «вечные вопросы» обойти невозможно, хотя многие с годами как-то изловчатся о них не размышлять. Движение духа в человеке, побуждающее его к поиску истины и свойственное в молодом возрасте всем, в полноте выразил М.М. Дунаев, и хотя такое определение дано в наши дни, оно подходит к любому времени: «Что есть Истина? – этот давний вопрос Понтийского

Пилата... остается важнейшим для человечества – до скончания времен. Что есть Истина? – то есть в первую очередь: для чего живет человек? В чем смысл его бытия? Что есть добро и что зло? Как побороть зло, укорененное в мире? Где искать опору в земных тяготах на жизненном пути? Каков Замысел Создателя о мире? Каков этот мир? Каково место человека в Замысле? Вот загадки, наполняющие внутреннее пространство нашей личности, – они жалят порою, не дают покоя, наполняют душу безотчетной тревогой, заставляют вновь и вновь осмысливать мир в себе и себя в мире, постигать основную идею творения, искать свой путь к спасению. Что есть Истина? Кажется, вопрос не должен вызывать сомнений и колебаний у любого последователя Христа, ибо Истина – в Откровении Спасителя. «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18, 37). Однако данная человеку произволением свыше свобода выбора позволяет ему, даже побуждает, колебаться в самом осмыслении Слова, в конечном пути спасения. Вопрос об истине остается вековечно открытым. <...>

...Трагизм человеческого существования в том, что Истину, нам данную, мы должны как бы заново добывать для себя в поте лица.

Каждый человек должен сам одолеть тяжесть вопроса: зачем он существует на земле» [29, с. 5, 204].

Признавая Бога «умом и оставаясь без Него в жизни» [55, с. 74], человек живет неудовлетворенным, нередко не понимая причины хронического беспокойства души. С этим беспокойством люди проходят свой земной путь, не познав простую истину – «Христос совершает спасение людей в области свободного духа» [55, с. 89]. Обычно «наша природа» ищет не только «уклонения от подвига одухотворения», но и «оправдания себя в этом уклонении» [55, с. 78]. Что же такое само искание истины? Кто обрел, тот уже не ищет. Наше искание выдает нас, что мы еще не встретились со своим Богом, не ощутили своим духом силу Бога, не признали сердцем «Его права на нас», не «приусвоили» «Его благодатные дары». Потому что к Богу можно прийти «лишь свободным подвигом, по мере борьбы с собой и победы над собой» [55, с. 78]. Вот здесь и встает человек перед свободой выбора, и нередко готов бросить в лицо Христу обвинение, которое находим в «Великом Инквизиторе» у Ф.М. Достоевского: «Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, – но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?» [25, с. 298].

Что мешает человеку обрести веру, подметил еще Гоголь, когда писал: «Развлеченный миллионами блестящих предметов, раскидывающих мысли на все стороны, свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства».

⁹ В столичной жизни России второй половины XIX века, особенно в среде просвещенной, напряженность истинной Веры ослабела уже настолько, что, по К.С. Аксакову, привычным состоянием многих стала «внешность», которая без всякого вопроса о нравственном внутреннем содержании, есть ложь [3, с. 19; 34, с. 269]. Болезнь высшего общества выявил К.С. Аксаков еще в середине века – «сердце одебелело» [2, с. 37].

Причину этого духовного недуга объясняет Игнатий Брянчанинов: «Рационализм с своими постановлениями не может остановиться в движении своем, как имеющий основанием непрестанно изменяющийся разум человеческий. Надо ожидать большего и большего развития болезни...» [Цит. по: 56, с. 198-199]. «Кажется, у нас уже везде, – с горечью заметил еще П.В. Киреевский, – почтенный стиль наших церквей и величественные лица древних икон, и звуки колоколов, и вся эта строгая совокупность церковных впечатлений», пришла в «резкое

разногласие с обмелевшими физиономиями прихожан, в которых мода потрясла серьезный строй души и заставила искать впечатлений полегче и повеселее» [38, с. 159].

Фальшь многих представителей «высшего света», уже только «имеющих вид благочестия, силы же его отрекшихся» (2Тим.3:5), в горячих головах вызвала неприятие, отторжение и становилась той почвой, на которой, наряду с усвоенными идеями западной философии и открытиями в области естествознания, необоснованно, как теперь известно, уводившими человека в материализм из области сверхчувственного бытия, возрастал русский атеизм. Верить или не верить, жить в Боге или по уму человеческому зависит все-таки не от внешнего влияния, а от нашего внутреннего расположения. «Мотивы и соображения всегда имеются для того, чтобы подняться вверх, и для того, чтобы опуститься вниз, – писал в конце XIX века епископ Михаил (Грибановский), по возрасту – ровесник Иннокентия Сибирякова. – Мы пользуемся тем материалом, который в данное время подходит к уровню нашей свободы, и облиновываем им для видимости ее ступень, на которую мы уже заранее поставили себя». Но «наши отношения ко Христу происходят не от исторического нашего положения, а от высоты или низости того духовного уровня, на котором мы сами себя держим своим свободным усилием, где бы мы ни находились и когда бы мы ни жили. Вместо того, чтобы, как очарованным, смотреть вовне и вдаль... нам нужно сосредоточить свое внимание внутрь себя и вверх, и мы увидим совсем с другой стороны надвигающуюся опасность, найдем мужество к борьбе с ней и обретем веру» [55, с. 85].

¹⁰ Подробнее см. в книге: *Шабунин А.В.* Лесгафт в Петербурге. Л., 1989. С. 117-119.

¹¹ Подробнее см. письма и примечания к Полному собранию сочинений Л.Н.Толстого /в 90 т. М., 1928-1958/, из которых ясно, кто из семьи Сибиряковых, и в каких отношениях был с писателем.

¹² На чем же стояли западники (и умеренные, и радикальные)? «Это не свойственное прежде русской культуре понимание Истины. Это признание за позитивистской наукой способности дать конечное толкование мироздания. Это обожествление и признание всеильности человеческого разума. Это идеологическое обоснование революционного преобразования мира. Это превознесение «мудрости мира сего», о которой сказал Апостол: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом... Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1Кор.3:19, 20)» [29, с. 123]. Среди русских мыслителей демократического направления бесполезно искать человека православного. По формулировкам М.М. Дунаева, «западники были религиозно индифферентны», «либо вообще деятельно утверждали атеизм», «либо тяготели к западной же вере». Что же касается революционеров-демократов, то «они – типичные неоязычники при всем их убежденном атеизме» [27, с. 250, 235].

Какие цели ставили западники по отношению к народу и его будущности? Они, по свидетельству И.С. Аксакова, «нисколько не скрывали, что для прививки к русскому народу просвещения, как они его разумели, желательно было прежде всего вытравить в русской душе всякое религиозное убеждение.

...славянофилы... меньше всего заботились о просвещении простого народа, не потому, чтоб в принципе считали просвещение для него не нужным, но потому, что, прежде всего, по их мнению, надобно было просветиться нам самим, и не его учить, а у него поучиться. Прививать к простому народу цивилизацию (кроме разве обучения грамоте) они и не думали: предлежало еще решить для самих себя вопрос – что такое общечеловеческая цивилизация, в чем она, где ее истинные начала; – а вопрос этот не мог быть решен людьми (составляющими образованный слой России – Т.Ш.), осудившими себя на умственное рабство пред западно-европейской цивилизацией и не ведающими начал собственной народности, следовательно, людьми

духовно-безличными, неспособными ни воспринять, ни передать истинное просвещение. ...все эти самозванные цивилизаторы могли лишь увлечь простой народ на тот ложный путь, которым шло все русское, так называемое, образованное общество, со времен Петровской реформы» [1, с. 2519-2520]. В статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» И.В. Киреевский писал: «Мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса – об отношении русского просвещения к западному. От того, как он разрешается в умах наших, зависит... направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общежительных отношений» [35, с. 200].

¹³ «Заметьте, господа, - писал Ф.М. Достоевский, наблюдая повсеместное засилье материалистических идей в умах образованного общества, - что все эти европейские учителя наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека. ...Разве может русский юноша остаться индифферентным к влиянию этих предводителей европейской прогрессивной мысли..? ... Мне скажут, пожалуй, что эти господа вовсе не учат злодейству... Очень может быть, что это все так и есть и что цели всех современных предводителей европейской прогрессивной мысли человеколюбивы и величественны. Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново – то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено» [26, с. 132-133].

¹⁴ См. *Шабунин А.В.* Лесгафт в Петербурге. Л., 1989. С. 240.

¹⁵ Причины таких настроений достаточно полно раскрыты К. Леонтьевым в его трудах. «Человечество XIX века, - пишет мыслитель, - как будто бы отчаялось совершенно... в морализации прямо сердечной и возложило все свои надежды на переделку обществ, то есть на некоторую степень *принудительности* исправления. *Обстоятельства*, давление закона, судов, *новых экономических условий* принудят и приучат людей стать лучше... «Христианство, - думают эти современники наши, - доказало тщетными усилиями веков, что одна проповедь личного добра не может исправить человечество и сделать земную жизнь покойною и для всех справедливою и приятною. Надо изменить условия самой жизни; а сердца *поневоле* привыкнут к добру, когда это невозможно будет делать». Вот та преобладающая мысль нашего века, которая везде слышится в воздухе. Верят в *человечество*, а в *человека* не верят больше» [50, с. 178-179]. «Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору «Карамазовых», надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ» [50, с. 179]. Русский философ не раз предупреждал о невозможности устройства рая на земле, создания «общества всеобщего благоденствия». «Христос... ставил милосердие или доброту *личным идеалом*; Он не обещал нигде торжества *поголовного братства на земном шаре*... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые *уступать нельзя*» [50, с. 177]. «Социально-политические опыты ближайшего грядущего (*которые, по всем вероятностям, неотвратимы*) будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии. Социализм (т. е. глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере для *некоторой части человечества*.

Но не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным... сами победители... очень скоро поймут, что им далеко до благоденствия и покоя. ...законы, порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже,

принудительнее, даже *страшнее* [50, с.180] <...>

Если же та часть человечества, которая захочет испытать на себе *блаженство* (?) вовсе новых общественных и экономических условий, устроится *свободнее* нашего, то она будет повержена в состояние как бы признанной в принципе и узаконенной анархии... Ибо социальный переворот не станет ждать личного воспитания, личной морализации всех членов будущего государства, а захватит общество в том виде, в каком *мы его знаем теперь*. А в этом виде, кажется, очень далеко... до общей любви и до правды – не законом навязанной, но бьющей теплым ключом прямо из облагороженной души! ...

Итак, испытавши все возможное, *даже и горечь социалистического устройства*, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование; политическое же состояние обществ всегда отзывается и на высшей философии и на общем, полусознательном, в воздухе бродящем мирозерцании; а философия высшая и философия инстинкта равно отзываются, рано или поздно, и на самой науке.

Наука, поэтому должна будет неизбежно принять тогда более разочарованный, *пессимистический... характер*. И вот где ее примирение с *положительной религией*, вот где ее теоретический триумф: в сознании своего практического бессилия, в мужественном покаянии и смирении перед могуществом и правотою сердечной мистики и веры...

Верно понятый, не обманывающий себя неосновательными надеждами реализм, должен, рано или поздно, отказаться от мечты о благоденствии земном и от искания нравственной правды в недрах самого человечества. [50, с. 180, 181]. Положительная религия точно так же в это благоденствие и в эту правду не верит» [50, с. 182].

Образованным современникам мыслителя такие размышления казались наивными, их мало кто принимал тогда всерьез. Зато у нас есть полное основание многие выводы К. Леонтьева назвать не только обоснованными, но и пророческими.

¹⁶ Нам может показаться, что в России во второй половине XIX в. любовь к родине, к народу, была присуща почти всем членам русского общества, однако это не так. Выступая в собрании по случаю смерти Ю.Ф. Самарина, князь А.И. Васильчиков с горечью говорил; «Я должен оговориться... при словах «любовь к народу», потому что эту любовь на словах исповедуют все; она даже входит в состав официальных добродетелей всякого гражданина и составляет ходячую монету, на которую размениваются очень мелкие, а иногда и фальшивые чувства» [80, с. 703].

Равнодушие к судьбам Отечества отмечал не он один. «На поколениях печального века нашего, – писал священнослужитель церкви в Ницце, оставшийся за инициалами В.Л., – не редкость встретить, братие, одну особую болезнь, тяжкую, губящую медленно, но неумолимо. Никакой уход, никакие заботы, ни средства врачебной науки, ни самый климат, наконец, не помогают человеку: он живет и двигается, ест и пьет, и даже не ощущает особенной боли, но он... изнемогает! Бледный лик, ни кровинки на устах – грустная картина! Это – *анемия*. Встречается анемия и в жизни духовной. Это холодность к родной земле, родному народу, к его прошлой и будущей судьбе,.. – словом сказать, духовная анемия – это отсутствие патриотизма, чувства народности. Она поражает духовную жизнь человека таким же бессилием, она столь же готовая почва для других болезней, как и анемия телесная. Не помогут человеку, пораженному ею, ни положение общественное, ни высокое образование, ни несомненные природные таланты: большею частью живет он бесплодно, отходит бесследно...» [80, с. 699].

¹⁷ И.В. Киреевский, прекрасно знавший Европу и ее идейное содержание так характеризовал

состояние европейского общества XIX в.: «Почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды... чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердца людей, ... самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому что при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому что при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам; между тем как прямою собственностью его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластвующий рассудок - или как вернее назвать эту логическую деятельность, отрешенную от всех других познавательных сил человека, кроме самых грубых, самых первых чувственных данных, и на них одних созидающую свои воздушные дидактические построения?» [35, с. 201-202]. Здравомыслящий русский философ с удивлением наблюдал за европейцем, который «верил, что собственным отвлеченным умом может сейчас же создать себе новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной им земле.

Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромные неудачи не охлаждали его надежды...» [35, с. 201].

¹⁸ Став славянофилом, И.В. Киреевский не перестал быть философом. «Он сделался христианским философом, - свидетельствует И.С. Аксаков, - убежденный в «возможности более полной и глубокой философии, которой корни лежат в познании полной и чистой веры - Православия. ...Признавая вполне разумную, самостоятельную свободу философии, он только определил ее место в отношении к вере. Он первый поставил философски задачу о различии идеалов, лежащих в основе двух разнородных просвещений, западного и восточного, противопоставляя «рассудочности и раздвоенности, как основному характеру западного просвещения, - цельность и разумность, составляющие характер того просветительского начала, которое было положено в основу нашей умственной жизни». Этот вывод сделался теперь уже почти общим достоянием, вошел в оборотный капитал русской мысли и служит точкою опоры при суждениях о Западе...» [1, с. 2522].

¹⁹ Духовный опыт мыслителя Ю.Ф. Самарина настолько близок к опыту Иннокентия Сибирякова, что мы считаем важным дать в развернутом виде свидетельство о нем: «Для него (Ю.Ф. Самарина - Т.Ш.) при всей силе философского мышления и богатстве Распятый Христос - был истинным Искупителем, благодать - истинною духовною силой, просвещающею и врачующею, молитва - общением с Богом, Таинства Церкви - источниками благодати, Церковные обряды - духовными упражнениями, питающими религиозное чувство и отрезвляющими душу. Что это не были только новые мысли, заменившие собою прежние, - как у нас иногда понимают убеждения, - а убеждения действительные, объемлющие и проникающие всю душу человека, это доказал Юрий Федорович своею жизнью... Нельзя было без глубокого уважения смотреть на него и слышать его в священные минуты исповеди: как этот человек, испытующий и строго разбирающий всех и все, строже и нещаднее всех судит себя самого, как отвергает облегчающие и утешающие объяснения его нравственных состояний, с какою полнотою и глубиной обзирает (особенно при болезнях) целую свою жизнь, как искренно признает заслуженною, примечаемую им в упадке телесных и душевных

сил, по его собственному выражению, «кару Божию», и как смиренно, будто простейший из простых, преклоняет колена для принятия таинственного отпущения грехов. При искренних дружеских беседах о чем он больше скорбел? Об этой, как он говорил, несчастной склонности и способности поражать противника в прениях и огорчать его торжеством своей мысли. В этой способности ума он винил свое сердце, почитал себя жестоким. Нежнейший сын, добрый брат, беззаветно преданный друг, разумный и щедрый благотворитель, он впадал иногда в глубокую печаль от мысли, что у него любви мало. Так слышится во всем этом сильный дух, жаждущий совершенства, как путник, нетерпеливо стремящийся к вожаемой цели и жалующийся на медленность движения» [80, с. 688-689]. «У него была доктрина, как у всякого человека с твердыми убеждениями, но доктрина, чуждая всякой исключительности: он высоко ценил западную цивилизацию, изучал основательно классическую древность, знал, как немногие из нас, новейшие языки; но весь этот... богатый запас сведений и знаний применял разборчиво к русскому быту, принимал одно и отвергал другое. Культуру других народов он уважал глубоко, даже глубже, чем те, которые его обвиняли в узкости взглядов, потому что он требовал для России именно того условия, которое создало другие цивилизации – чтоб она выросла из корней и семян, а не из культурных черенков, привитых сверху к диким стволам...» [80, с. 704].

²⁰ В данном ряду по праву может быть назван и И.М. Сибиряков, но не как теоретик независимой от иноземных заимствований русской мысли, а как практик, воплотивший достижения этой мысли в жизнь. Вслед за своими великими соотечественниками Иннокентию Михайловичу удалось совершить почти невозможное: «подчинить», выражаясь словами И.В. Киреевского, «раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума» [37, т.1, с. 264]. И.В. Киреевский считал, что вера в образованном слое, преодолевая «внешнюю образованность», способна «произвести» «свою философию», которая придаст «внешней образованности»...другой смысл, проникнув ее «господством другого начала» [34, с. 265]. Как это происходит на деле, прекрасно иллюстрирует пример жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова.

²¹ «Весьма ошибаются те, – писал А.С. Хомяков, – которые думают, что она (вера – Т.Ш.) ограничивается простым исповеданием, или обрядами, или даже прямыми отношениями человека к Богу. Нет: Вера проникает все существо человека и все отношения его к ближнему: она как бы невидимыми нитями или корнями охватывает и переплетает все чувства, все убеждения, все стремления его. Она есть как будто лучший воздух, претворяющий и изменяющий в нем всякое земное начало, или как бы совершеннейший свет, озаряющий все его нравственные понятия и все его взгляды на других людей и на внутренние законы, связывающие его с ними. Поэтому Вера есть также высшее общественное начало; ибо само общество есть не что иное, как видимое проявление наших внутренних отношений к другим людям и нашего союза с ними» [129, т. 1, с. 382]. Вера «есть совершеннейший плод народного образования, – разъясняет А.С. Хомяков, – крайний или высший предел его развития. <...> ...все понятия, все страсти, вся жизнь получают от нее особенный характер; поэтому и они в свою очередь напечатлевают на ней неизгладимые следы свои» [129, т. 5, с. 168].

²² К каким плодам может привести преклонение перед мышлением, основанном не на вере в Откровение, а на законах логики, предупреждает Ю.Ф. Самарин: «Как вместилище, или как орган мысли, человек создает истину; но истина, как сознание мысли о себе самой (и только), ведает человека только, как мыслящее существо, как род, не как лицо; созданная человеком истина не создает его в свою очередь, не воздействует на него, именно потому, что она – его создание. Таким образом, разрывается связь, в которую искони веровало человечество (р е л и г и я от religare, связывать), между Верховною Истиною, между Началом всякого бытия и конечным проявлением бытия в личности человеческой. Истина, равнодушная к нему, не

только не ведает его потребностей, не управляет его волею, не предписывает ему законов, даже, не предъявляет законодательных претензий. Разумное, законное изгнано из сферы личности, и, вследствие этого, предоставленная себе одной, она в себе самой признала свой закон – в личной случайности своих требований. Отсюда – оправдание всякой потребности и провозглашение цели жизни в личном наслаждении. Проводя далее этот вывод, можно показать, что всякое покушение мысли в себе самой найти точку своего отправления ведет непременно к безусловной и всесторонней автономии личности, к тому разъедающему началу, против которого не устоит никакое общество... Конечно, логика может навести спасительное сомнение в законности и разумности бессознательных убеждений, но в таком случае, если другая сила не восполнит пустоты, произведенной логикой, то остается одна пустота, одно утомление...» [110, т. 12, с. 432-433].

²³ Плеяда русских мыслителей-славянофилов, занимает особое, если не сказать уникальное, место среди отечественных философов. Мы не можем не согласиться с И.С. Аксаковым, что славянофильство – это не только «эмансипация народного духа от иноземного ига... но и подвиг народного самосознания, разъяснивший и определивший те духовные и социальные начала русской народности, которые призваны быть могучими факторами всемирно-человеческого развития и просвещения. В них, Хомякове, Константине Аксакове и Самарине, русская народность, можно сказать, получила свое первое, высшее оправдание как в самостоятельных мыслителях и деятелях, в них олицетворилось примирение цивилизации западной с востоком...<...> ...характеристическую, существенную особенность славянофильства было его нравственное содержание, его логически-неразрывная связь с христианскою верою и учением» [80, с. 713-714; 34, с. 287-288].

Как пишет исследователь славянофильского направления русской религиозной мысли А.Д. Каплин о таком явлении, как философия самобытных русских мыслителей, «не русская мысль распалась на славянофилов и западников, а из по-«западнически» воспитанной и настроенной светской части российского образованного слоя, который явился плодом, наследником и продолжателем губительного для православной исторической России – Святой Руси, «дела Петрова», выделился, не без глубокой внутренней перемены, круг православно-церковно-живущих и стремящихся православно мыслить светских людей, пытающихся вернуться к соборному русскому сознанию и выразить его основные положения» [34, с. 305-306]. «Они были, – писал Д.А. Хомяков, – не кабинетные системники, а люди жизни, выразители народного самосознания» [Цит. по: 34, 305]. Они дали возможность «живому пониманию обратиться в «учение», благодаря своей полноте, с одной стороны и органической последовательности с другой. Это, конечно, был единственный истинный путь к достижению возможно полного возрождения мысленного» [Цит. по: 34, с. 305].

²⁴ Существовавшие в светском обществе до славянофилов, – как отмечает А.Д. Каплин, – формы проявления патриотических чувств («политическое национальное чувство», патриотизм, протест против подражательности и т. д.) были, по слову И.С. Аксакова, бессильны и бесплодны, «потому что сознание коснулось только внешних форм жизни, а не проникло вглубь начал, составляющих духовную сущность русской народности. Вот эти-то начала и дождались своего оправдания в лице... славянофилов»; «основным началом русской народности признано было Православие»; ибо «Православие мыслимо и вне России; Россия же немыслима без Православия» [Цит. по: 34, с. 284]. Поэтому А.С. Хомяков и обращался к своим, уже почти безбожным, соотечественникам с призывом «слиться с жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, так сказать, обрядным единством, как средством к достижению единства истинного и, еще более, как видимым его образом» [Цит. по: 109, с. 8] И.В. Киреевский писал о необходимости изменения по духу Православия на самом высоком правительственном уровне: «Чем более будет проникаться духом Православия

государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство и, вместе с тем, оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений. Если оно будет не того духу, то непременно будет стеснять свободное его выражение в жизни и слове под предлогом толеранства и, стесняя его, само будет стесняться им и утверждаться против него только насильственно, боясь каждой тени духа общественного, как привидения из другого мира» [37, т. 2, с. 277]. «Душа государства, – делает он вывод, – есть господствующая вера народа» [37, т. 2, с. 278].

Об этом напряженно размышлял и К.С. Аксаков, выявляя главную задачу России не как материальное обновление, но подвиг – обновление духовное [34, с. 269]. Он утверждал, что нравственное иго Европы, когда русские народные силы «определены на питание чуждой жизни» – страшнее ее же материального ига [2, № 8, с. 38; 34, с. 269]. По мысли философа-славянофила, Россия еще должна сказать миру «свое человеческое слово» [Цит. по: 34, с. 269].

²⁵ На этой мысли К.С. Аксакова стоит остановиться подробнее, так как размышления такого рода формировали убеждения истинных патриотов России того времени: «Разве только в том состоит честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройти по чужой дороге не хуже других? Разве нельзя идти по своей дороге, разве нельзя, не имея чужого, иметь вместо него свое, совершенно особенное, отличное от всех? Разве это свое не может быть еще лучше, еще достойнее, и разве тогда не больше славы?.. А это свое сверх того может быть еще несравненно лучше чужого. ... [В этом] воззрении именно есть независимость, есть сознание самостоятельности, которая не боится сказать иностранцам: «Нет, мы совсем другие, чем вы». ...Это желание, это странное, жалкое самолюбие найти все чужое у себя, это недоверие к собственной самостоятельной русской жизни, сбивало доселе все воззрения науки у нас; но теперь пришла иная пора. Мы не боимся быть непохожими на наших западных соседей; мы не боимся быть собою, – и поэтому настало время для науки обратиться к самому русскому языку, к самой русской истории и прочим областям знания, и обратиться со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним. Без приготовленного заранее ответа, – и выслушать открытым слухом ответ, какой дают русский язык, русская история и пр.» [5, т. 2, ч. 1, с. 411].

О задачах отечественной науки в области мировоззренческой писал и А.С. Хомяков: «Теперь, когда мысль окрепла в знании, когда самый ход истории, раскрывающий тайные начала общественных явлений, обличил во многом ложь западного мира и когда наше сознание оценило... силу и красоту наших исконных начал, нам предлежит снова пересмотреть все те положения, все те выводы, сделанные западною наукою, которым мы верим так безусловно; нам предлежит подвергнуть все шаткое здание нашего просвещения бесстрастной критике наших собственных духовных начал и тем самым дать им несокрушимую прочность. В то же время на нас лежит обязанность разумно усвоивать себе всякий новый плод мысли западной, дабы не оказаться отсталыми в то время, когда богатство наших данных возлагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещающегося человечества» [128, с. 249-250].

²⁶ К этому следует добавить, что исконный русский миропорядок опровергает «идею революционного переустройства мира» [29, с. 155]. Ведь «зло, живущее в нас, стремится к увеличению зла в окружающем нас мире», толкая «человека к новому злу – к убийству, к уничтожению жизни, не нами данной» [29, с. 156]. Потому уменьшить зло в мире можно лишь замещением в своей душе зла любовью. «Может быть, в земном мире это и не достижимо, но эту Истину нужно принять как идеал. Идеал связывает нас с Царством Христа, а оно – не от мира сего. Идеал необходим, поскольку указывает на цель жизни человека...» [29, с. 157].

²⁷ Не случайно А.С. Хомяков рассматривает как подвиг и деятельность И.В. Киреевского: «Иван Васильевич Киреевский принадлежал к числу людей, принявших на себя подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов, передавших нам начала общечеловеческого знания, и, может быть, более и яснее всех уразумел он шаткость и слабость тех мысленных основ, на которых стоит все современное строение европейского просвещения» [Цит. по: 128, с. 406; 34, с. 288]. Славянофилы открыто выступили за право народа хранить свою самобытность. Исследуя взгляды К.С. Аксакова, считавшего, «что путь Запада ложен, что постыдно подражание ему» [4, с. 23], современные историки подчеркивают одну из основных его мыслей: «Над простым русским народом, хранящем «святыне свои основы» в середине XIX века борются два направления: изменников «всему русскому», подражателей Западу и искренне жаждущих «восстановления русских святых начал веры, русского основного образа жизни, всего русского духа, русского ума и христианских добродетелей, по крайней мере, в общем деле» [4, с. 24]. Отсюда вытекает очевидная насущная задача: «Понять русскую жизнь – вот главный, вот пока единственный подвиг современных русских, тех, которые подчинились петровскому перевороту» [Цит. по: 34, с. 225].

²⁸ «Предметы, которые занимают ум народа и служат основанием его мышления, – писал И.В. Киреевский, – почерпаются им из самых глубоких истин нашего вероучения. Он прежде всего ищет составить себе понятие о Высшем Существо, о Его отношениях к миру и человеку, о начале добра и зла, о создании и устройстве вселенной, о нравственной законности человеческих поступков, о правде и грехе, о первоначальном законе человеческих отношений, семейных и общественных; о возможности внутреннего усовершенствования человека, о характере высшего его соединения с Богом и т. д. Вот отчего жития Святых, поучения Св. Отцев и Богослужбные книги составляют, или, правильнее, составляли любимый предмет его чтения, украшение его вечерних разговоров, источник его духовных песен, обычную сферу его мышления в старости, утешение его предсмертных минут, когда весь смысл жизни сосредоточивается в одно последнее сознание» [37, т. 2, с. 137].

²⁹ Подробнее о взглядах И.В. Киреевского на значение монастырей для русской жизни сообщает Каплин: «До распространения западной образованности «все просвещение России, весь образ мыслей всех классов общества, проистекал из одного общего источника»: монастыри составляли центр и определяли характер народного мышления. Умозрение монашества было основанием и венцом всего мышления в мире. Высшие сословия основывали свои убеждения на тех же началах, что и инокство. Простой народ принимал понятия из монастырей и высшего сословия, проникнутые одинаковым смыслом. «Таким образом, понятия одного сословия были дополнением другого, и общая мысль держалась крепко и цело в общей жизни народа, истекая постоянно из одного источника: Церкви» [37, т. 2, с. 137-138]...

Но с тех пор, как западная образованность, основанная преимущественно на рационализме науки, сделалась еще одним источником мышления, то понятия высшего класса, проистекая из него, отделились от понятий народных, если не внутренним разногласием, то, по крайней мере, недостатком внешнего соглашения: «Монастырь перестал быть центральным вместилищем всех концов общества и живым средоточием всех его умственных движений» [37, т. 2, с. 138]...

Причина разногласий новой образованности с коренной русской, по И.В. Киреевскому, не в том, что они непримиримы в своих началах, а в том, что чисто рациональный характер европейской образованности основан не на признании высшей истины, но на совокупности личных мнений, на перевесе логики над всеми другими источниками познания.

Между тем в характере русской образованности логическое развитие составляет только одну

зависимую часть умственного убеждения... Западные науки должны «переработаться в нашем смысле», а настоящие плоды появятся тогда, «когда высшим развитием просвещения сама наука станет в гармонию с нашею жизнью» [37, т. 2, с. 141]» [34, с. 145-146].

³⁰ О значении славянофилов и их идей для России говорится в монографии А.Д. Каплина «Из истории русской религиозной мысли XIX в. Славянофильская идея исторического развития России»: «1855-1860-й гг. – время наиболее полного выражения основных положений славянофильской идеи исторического развития России А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым (оба скончались в 1860 г.) и Ю.Ф. Самариним.

Обоснование ими «народности», «русского воззрения», самых главных сторон небесной и земной жизни русского православного человека получили поддержку определенной части тогдашнего образованного слоя. И совершенно не случайно в числе авторов «Русской беседы» мы встречаем такие имена, как С.Т. Аксаков, И.Д. Беляев, Марко Вовчок, П.А. Вяземский, А.Ф. Гильфердинг, Н.П. Гиляров, А.А. Григорьев, Я.К. Грот, В.И. Даль, В.А. Жуковский, Н.С. Кохановская, П.А. Кулиш, В.И. Ламанский, М.А. Максимович, М.П. Погодин, Т.Г. Шевченко и многие другие.

В научных исследованиях стали с успехом использовать те идеи и разработки, которые еще десятилетие назад вызвали раздражение и огульную критику.

Концентрированным выражением основных положений славянофильской идеи исторического развития России являлось «К сербам. Послание из Москвы». По сути, в нем подводился нелицеприятный итог петровскому перевороту. На пороге нового витка либеральных реформ это была одна из самых трезвых оценок русской истории. Дальнейший трагический ее ход подтвердил духовно-выверенный соборный диагноз крупнейших представителей русской светской религиозной мысли XIX века» [34, с. 281].

Славянофилами были не только упомянутые А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, но и такие мыслители, как братья И.В. и П.В. Киреевские, Д.А. Валуев, И.С. Аксаков. Славянофилом называл себя и Ф.М. Достоевский. Именно они несли знамя «народного самосознания во всех областях жизни и духа» и «допрошали духа жизни в былом, т. е. в истории, в до-петровской старине, и в современном быте простого народа. В этом заключается все призвание, весь смысл, вся заслуга славянофильства. Их подвиг – был подвиг народного самосознания» [1, с. 2520].

Подытоживая свое исследование «самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли», А.Д. Каплин делает вывод, что «ни одно направление в светской российской общественной мысли не сделало так много, как славянофилы. <...> Мы не будем перечислять все, сделанное ими, ибо этот список будет довольно обширен (здесь и теории в области философии истории, и конкретное исследование отдельных исторических периодов, проблем и т. д.).

Ни по «калибру ума» (К.Н. Леонтьев), ни по исторической значимости никакие их современники западники (ни все вместе, ни каждый в отдельности, несмотря на большой объем написанного, как например, у С.М. Соловьева) не могут сравниться со славянофилами (в чем признался Ю.Ф. Самарину К.Д. Кавелин)... Славянофилы поняли гибельность петровского пути, необходимость преодоления разорванности русского самосознания (на светское и церковное, образованное и простонародное), необходимость возвращения «домой»: и в Церковь, и к единственно-спасительному русскому пути – пути Святой Руси. Все остальные их действительные заслуги явились плодом этого подвига. И все дальнейшее развитие русского самосознания так или иначе соотносило себя с этой соборной славянофильской идеей, даже

если и шло самостоятельным путем. <...>

Значение славянофилов и их идеи заключается в том, что это был соборный светский голос людей, понимавших истинное предназначение России как «Святой Руси» и пытавшихся достучаться до сердец и ума своих образованных собратий и соотечественников, которым всем вместе необходимо было совершить ни много ни мало – подвиг. Дальнейшая трагическая история России показала, что в целом правящее российское сословие к этому оказалось неспособным, что и определило в конечном счете гибель исторической России» [34, с. 299-300].

Отличительными чертами славянофилов от мыслителей России западнического направления были «их горячая любовь к родному народу и его истории, явная одаренность разнообразными талантами, отличное воспитание и обучение, в том числе и за границей, знание древних и новых европейских языков, способность к литературному творчеству и успехи на этом поприще. Все они проявили себя как талантливые переводчики. Кроме этого, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и К.С. Аксаков начинали свой путь как поэты, драматурги, литературные критики» [34, с. 120].

Почему славянофилы не были приняты большинством образованного общества, как их последователи не всегда принимаются и сейчас? На наш взгляд, это так и не разрешенная образованным слоем проблема, которую И.В. Киреевский обозначил как «проблему духовной цельности» [35, с. 25], цельности «внутреннего устройства», без веры недостижимой, ведь, по мысли ученого, «всякое мышление, исходящее не из высшего источника разума» есть «неполное, а потому неверное знание» [35, с. 260-261]. Главную причину отрицания учения славянофилов их противниками как в прошлом, так и в настоящем, следует искать в утверждении И.В. Киреевского: «Находясь на высшей степени мышления, православно верующий легко и безвредно может понять все системы мышления, исходящие из низших степеней разума, и видеть их ограниченность и вместе относительную истинность. Но для мышления, находящегося на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразумимым. Таков закон человеческого ума вообще» [35, с. 261].

³¹ К концу XIX века в России произошло обмирщение понятия «духовность», когда в мире русского искусства этим словом стали определять совсем другие проявления внутреннего мира человека, отличные от первоначального смысла этого слова. И здесь сказались «ограниченность нашего интеллигентского сознания, отождествившего духовность с эстетическими достоинствами и напряженностью эмоциональных состояний. Понятия Благодати, без которой всякий разговор о духовности не имеет смысла, для такого сознания как бы не существует – так что ему приходится довольствоваться реалиями, доступными упрощенному пониманию бытия» [29, с. 169].

³² Здесь нельзя не упомянуть о влиянии западнических идей на литературу и искусство, имевших нередко определяющее значение при формировании мировоззрения высшего образованного слоя. Характеризуя литературные процессы, происходившие в России в XIX веке, поклонник демократических идей с заметным воодушевлением, еще не испепеленным огнем будущих революций, отмечал тесную связь литературного оживления с оживлением общественно-политическим.

Последователей у писателя-демократа Н.Г.Чернышевского, провозгласившего теорию подчинения искусства жизни, в России предреволюционных десятилетий оказалось более чем достаточно. По наблюдениям М.М. Дунаева под влиянием мыслителей демократического толка

в литературе и искусстве происходило «заложение основ жесткой идеологии будущего революционного беснования» [29, с. 144], многие художники слова и кисти начинают работать в духе «прогрессивных идей». В те годы в искусстве особенно широко распространяется «безрелигиозное христианство», которое «отрабатывало» общую с радикалами идею: «отрицание Божественной природы Христа, признание Его обыкновенным человеком» [29 с. 147]. Серьезное же обращение к религиозной теме писателей и художников «передовой» публикой, критиками, да и собратями по творчеству воспринималось в штыки. Таким образом, ««прогрессивно» настроенная часть интеллигенции (а таковою она была едва ли не вся) видела, во-первых, в Церкви, религии – начала «реакционные», подлежащие отрицанию, а во-вторых, смысл жизни и искусства... усматривала в активной борьбе на арене общественной жизни, во вмешательстве в социальные конфликты» [29, с. 177]. Упразднить Церковь Христа, навязав людям новое понимание Спасителя как просто одного из людей, учение Которого уже никого ни к чему не обязывает, – вот настойчиво осуществлявшаяся последователями западных философских теорий цель. Человечество под водительством обезбоженных вождей решило «устроиться» без Бога. Прогресс возводился в абсолют, а литература и искусство архитекторам «новой» русской жизни в этом активно помогали.

В эту эпоху искусство начинает уходить в поиски формы и перестает соответствовать своему высшему назначению – раскрывать загадки человека и смысла его бытия. Соборному единению нации в искусстве, а, значит, и в жизни, был противопоставлен «гипертрофированный индивидуализм» [29, с. 197], что губительно сказалось «в исторической жизни народа» [29, с. 197]. Его «легализации» способствовали мыслители, относившие себя к поклонникам Запада. Даже такие, во многом еще русские, писатели как И.С. Тургенев, позволяли себе в своем мнимом величии высказывания такого рода: «Я предпочитаю Прометея – я предпочитаю сатану, образец бунтаря и индивидуалиста. Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин, я хочу истины, а не спасения, я жду его от собственного ума, а не от Благодати» [125, с. 244; 28, с. 3]. Расчет человека не на Бога, а на собственные силы, рано или поздно приводят его к подчинению более сильной в своей грубости и жестокости личности.

«Русский философ Н.А. Бердяев, – отмечает М.М. Дунаев, – свидетель и участник всех этих процессов, прямо обвинял русскую культурную элиту в той катастрофе, жертвой которой эта элита стала затем и сама» [29, с. 197]. Красноречивой иллюстрацией разрушительного воздействия «творческого бунта» «прогрессивной» интеллигенции на русскую духовность и государственность может стать заявление К. Малевича: «Моя философия: уничтожение старых городов, сел, через каждые 50 лет, изгнание природы из пределов искусства, уничтожение любви и искренности в искусстве» [Цит по: с. 29, 199]. «Подобные идеи, – констатирует М.М. Дунаев, – перенесенные в сферу социальной идеологии, не могут не сказаться пагубно на исторических судьбах общества. Что действительность и доказала безусловно» [29, с. 199]. Устремленность людей западного направления к свободе от собственной народной самобытности оказалась свободой рабства – «рабства у передовых идеек», как метко определил Достоевский.

Произведения литературы и искусства заключают в себе притягательную силу, которая в зависимости от их содержания, может либо уничтожить человека в человеке, либо возвести его на нравственные высоты. Далеко не случаен вывод Достоевского: «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». [Цит по: 29, с. 124]. Таким полем битвы было и сердце Иннокентия Сибирякова, любившего искусство и понимавшего в нем толк.

³³ Обилие самых разнообразных течений в общественном сознании (по сути, его распад) не могло не тревожить людей совестливых. Одних это приводило к глубокому разочарованию и

личному краху, других с головой уводило в научные труды или филантропическую деятельность, бурно развившуюся в России именно в эти годы, третьих поток «новых идей» уносит за собой. И только единицы, воспринимающие мир через библейское слово, уходят к вершинам духа. В 80-90-х годах рассматриваемого столетия в высших кругах прозревали единицы, и то не сразу, а пройдя через огромный внутренний труд души. К счастью, среди прозревших оказался и Иннокентий Сибиряков, когда в конце XIX века радикально настроенная часть русского общества бесповоротно выходила на революционный путь ради «счастья» людей, как тогда многие мечтали. Рядовым членам этого движения нельзя отказать в горячей любви к народу, который, правда, уже через пару десятков лет, расплатился миллионами жизней «за крепкие объятия» революционеров-демократов. Любопытно, что в наше время «прорабы перестройки» в своем преобразовательном запале обошлись уже без подобной любви или хотя бы ее видимости, так как понятие о любви к ближнему к концу XX века осталось только частным делом человека и обитало в его совести, а официальной категорией общественной жизни быть уже перестало – таков итог оскудения духовного, которое началось в России задолго до того времени, когда жил Иннокентий Михайлович Сибиряков.

³⁴ Взгляды западников фокусировались на идее социально-революционного изменения общества. «Основная суть этих идей, – пишет М.М. Дунаев, – состояла в том, что главным виновником всех темных сторон жизни объявлялись внешние условия существования, определяемые разного рода социальными и политическими институтами, достойными лишь безжалостного революционного уничтожения. В число таких институтов была включена и Русская Православная Церковь, которая начала восприниматься не как мистическое Тело Христово, а лишь как реакционная сила, эксплуатирующая народ-труженик...

[Спаситель] оказался провозглашен борцом за земное благоденствие общества (и это Христос, утверждавший, что Его Царство не от мира сего, Ин.18:36). Церковь же подвергалась безусловному отрицанию.

Вообще считалось, что уничтожение одних внешних форм существования и замена их другими, якобы более справедливыми, решит все проблемы и в корне изменит бытие человека, сделает его счастливым. Историческая практика опровергла такое заблуждение... Но в те времена до понимания истинного смысла пагубных идей было слишком далеко, а немногие провидцы, подобные Достоевскому, предупреждавшие о неминуемой катастрофе, объявлялись реакционерами, мракобесами» [29, с. 143-144]. К провидцам той эпохи можно отнести и святителя Игнатия Брянчанинова, который писал: «Враждебно против Церкви... подействовали европейские учения... Действие европейских учений на Россию непрестанно усиливается: должны усиливаться и последствия этого действия» [Цит по: 56, с. 198].

Еще летом 1850 г. в письме к А.С. Хомякову Ю.Ф. Самарин писал, что постепенно приходит к убеждению в определении «нашего современного недуга»: «Это – упование на вещественные силы, это – гоньба за вещественными благами, это – грубый и сознательный материализм Самовольное игнорирование духовного начала, боязнь его, наконец, систематическое его умерщвление – все эти ступени антихристианского... антиисторического развития нами пройдены, и мы уже заносим ногу на самую последнюю. Корень зла – в господстве материализма, ибо из этого направления объясняются все знамения века сего» [110, т. 12, с. 434]. Не только в этом своем прогнозе славянофилы оказались провидцами.

Социалистическое учение, основанное «на идее классовой борьбы и именно физического уничтожения всех представителей враждебных... революционному делу классов», так как «именно после этого оставшиеся якобы смогут устроить на земле счастливое общество для себя и потомков» [29, с. 155-156], во годы жизни И.М. Сибирякова в Петербурге набирало силу,

устремляясь вместе с Россией и всем ее историческим багажом к «неизбежной односторонности», о которой писал еще Ю.Ф. Самарин, а по сути к революционному хаосу.

Для понимания предреволюционной эпохи и ее идейных борений необходимо еще раз подчеркнуть, что модные и в последней трети XIX века многим казавшиеся единственно правильными идеи социализма несли в себе колоссальный заряд агрессии. Но русская образованная публика тем не менее все больше наполнялась революционным пафосом. В каком же духовном помрачении надо было быть «просвещенному» обществу, чтобы не понимать, чем для него обернется неспособность переосмыслить свою жизнь и положить в ее основание - не только по форме, но и по духу - коренные духовные начала своей собственной народности, к чему призывали славянофилы?! Ведь «нравственное дело должно совершаться нравственным путем», - учили образованный «свет» славянофилы и оказались правы.

³⁵ К такому идейному итогу Россия пришла не в один день. Различия «традиций древнерусского типа миропонимания и привнесенных идей западного мировидения» [29, с. 122] исторически возникли в России в XVII веке - в эпоху «окончательной секуляризации русской жизни, русской культуры», когда на государственном уровне стало осуществляться на Руси превознесение *земного* над *небесным*, вопреки духовным ориентирам народа прежних веков [29, с. 117]. «Блага жизни земной» стали «слишком соблазнительны», и часть верхушки тогдашнего русского общества не захотела «пренебречь ими... ради сокровищ духовных» выбор между «напряженным трезвением духа» и «идеей житейского благополучия» правящей элитой России привел к тому, что «выделился хранящий устои предков, мало затронутый рационалистической ученостью простой народ и попорченный внешним образованием верхний слой» [29, с. 90, 81, 99-100]. Русское решение вопроса, который, по Достоевскому, предполагает подчинение материальной выгоды правде и справедливости [29, с. 87], осталось в народе неприкосновенным потому, что он не изменил своему Богосыновству, в то время как культурная элита вслед за Европой вступила на путь внешней религиозности. Аристократизм в худшем значении этого слова, уводивший русскую верхушку от простоты и сердечности отношений братьев во Христе к отстраненной чопорности, привел представителей выделившегося (наднародного) слоя к неспособности познавать Бога путем *личного* религиозного опыта, приобретаемого исполнением на деле христианских заповедей и молитвенной жизнью. С потерей опыта личного Богообщения, когда люди еще знали о Боге, но уже не знали Бога, религиозные понятия для многих из области сердечной (живое чувство) переходили в область умозрительную, рассудочную, становясь объектами рационального мышления. О Боге стали много писать и говорить, но перестали в Боге жить, потеряв живую связь с Благодатью, подаваемую человеку для спасения души только в полноте церковной и основанной на христианских заповедях бытовой жизни. «Подмена действительного, живого Бога-Духа, к Которому можно прийти лишь свободным духовным подвигом, - мысленной идеей о нем, есть грандиозная фальсификация, приносящая с собой неисчислимый вред для всей внутренней жизни христианского человечества», - писал в конце XIX в. епископ Михаил (Грибановский) [55, с. 82].

Внешняя регламентация русской жизни, подменявшая живые, искренние отношения людей условностями «светского обращения», целевые установки на карьерный рост и обогащение привели к принятию христианских истин в более приспособленной для такого образа жизни протестантской интерпретации при внешнем сохранении православного обряда, когда его дух был уже совсем другой. Все это сформировало определенный тип светского человека, известного нам по литературным источникам. Естественным состоянием «света» становится его внутренняя раздвоенность: видимая принадлежность к Православию, с одной стороны, лицемерие, лукавство, интриганство, соперничество в битве за «место под солнцем» и т. д., с другой. Отпадение от Православия в духе формировало привязанность к духовным и

житейским ценностям других, не православных, народов. У «высшего света» «своя народность заменилась... многонародностью вавилонскою, – писал А.С. Хомяков, – и человек ...делается только иностранцем вообще, не только в отношении к своему народу, но и ко всякому другому и даже к самому себе. Каждый отдел его мозга иностранен другому» [129, т. 3, с. 221].

Это сказалося на всем строе жизни и культуре России. Инославное влияние стало проникать даже в храмы, не говоря о том, что выделилось в самостоятельную ветвь светское искусство, чего на Руси до XVII века не было. Встретившись с Европой, «всему чужому стали мы не учиться только, как следовало, а подражать. Вместо смысла просвещения, вместо внутреннего зерна мысли, в нем проявляющейся, стали мы перенимать его формы и наружный вид: вместо того, чтобы возбудить в себе самодейственную силу разума, мы стали без разбора перенимать все выводы, сделанные умом чужим, и веровать в них безусловно, даже когда они были ложны, так что то самое, что должно было в нас пробуждать бодрственную деятельность мысли и духа, погрузило нас надолго в умственный сон» – пишет А.С. Хомяков [129, т. 1, с. 385-386]. Оторванное от народа высшее сословие, «не чувствуя» еще образовавшегося «внутреннего разрыва общественного», продолжало жить и двигаться «с какою-то гордою радостью, в чувстве новой государственной силы и нового просвещения», – отмечает А.С. Хомяков. «При Екатерине Россия существовала только для России» [128, с. 318, 313], но «при Александре она делается какою-то служебною силою для Европы» [128, с. 313], «просвещающееся (в европейском смысле – Т.Ш.) общество все далее отходило от начал русского быта и от самой ее исторической жизни» [128, с. 313]. Сравнение с образованными странами заставило засомневаться верхние слои общества в своих способностях, «развилась та душевная болезнь, которая сделала нас неспособными ни к какой совокупной (совместной с народом – Т.Ш.) деятельности [128, с. 318; 34, с. 256].

«Как превратно было наше направление, как богопротивно наше развитие» видно из того, что «во время нашего ослепления мы обратили в рабов в своей собственной земле более двадцати миллионов наших свободных братьев и сделали общественный разврат главным источником общественного дохода» [Цит. по: 34, с. 259].

«Ученическое преклонение перед ложным классицизмом, отвергавшим народное, как вульгарное» – признавали в XIX веке и приверженцы западных идей [14, с. 618]. А «без народности человек умственно беднее всех людей, и сверх того он мертвее всех людей» [129, т. 3, с. 229] по убеждению славянофилов.

Размежевание, определившееся в XVII столетии, привело к тому, что через несколько поколений в русском обществе, как никогда прежде, стали распространяться идеи западного либерализма, формируя тайные общества и идейное обоснование их возникновения. В начале XIX века выделился и литературный язык, а сама литература стала светской. Через пятнадцать-двадцать лет усилился приток в университеты России преподавателей «в лице нового поколения профессоров, довершивших свое научное воспитание за границей, под непосредственным влиянием европейской науки». Напряжение, появившееся в русском обществе в результате петровских преобразований, нарастало. «Верхний образованный слой» все более подпадал под «сильное влияние немецкой философии, которая, особенно в учениях Шеллинга и Гегеля, сильно увлекала молодые умы молодых поколений и была своего рода школой: она впервые ставила в русском обществе общий вопрос о философском определении целого мирозерцания, обнимающего идеи нравственные, общественные, художественные и становившегося сознательным руководством жизни личной и общественной», – в таком приподнятом духе писали о западном влиянии последователи привнесенных в Россию идей [14, с. 641]. Ко второй половине 1850-х гг. в моде в России были уже не только и не столько немецкие философы-идеалисты. Открытый материализм совершал свое победное шествие. Об этом свидетельствовали и К. Маркс и Ю.Ф. Самарин, и А.С. Хомяков, и И.В. Киреевский... [34,

с. 293-294].

³⁶ Например, К.Н. Леонтьев [51, с. 176]. Теперь, имея в своем историческом багаже уже не одну революцию, мы не можем не увидеть, что противостояние славянофильских и западных идей в наше время только обострилось, и объективные ученые и исследователи отечественной истории рано или поздно придут к добросовестному анализу причин этого противостояния. «Сравнение Русской земли с Западом необходимо, – писал еще в середине XIX в. К.С. Аксаков, – 1) Потому что поклонники Запада и порицатели русской жизни на него указывают и непременно вызывают нас на то же самое. 2) Потому что у нас теперь и вообще господствует западная точка зрения на жизнь и на историю, почему отделение русской жизни от Запада, ее отличие, выставить необходимо. 3) Наконец потому, что Россия подверглась сильно влиянию Запада, что часть Русской земли... [вступила] на западный путь; потому что Запад вошел и в Россию, находится и в ней, если не перерождая, то искажая русских людей, увлекая их за собою, делая их жалкими себе... отрывая их от самобытности, от их родных... начал» [4, с. 21].

³⁷ Читателю, возможно, будет интересно подробнее познакомиться с высказыванием о славянофилах их идейного противника А.И. Герцена, относящееся к 1861 г.: «Киреевские, Хомяков и Аксаков – *сделали свое дело*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, – то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей.

С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии. <...>

Считаться нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизил нас не потому, что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они в нашей.

На этой... общей любви имеем право и мы поклониться их гробам и бросить нашу горсть земли на их покойников с святым желанием, чтоб на могилах их, на могилах наших – расцвела сильно и широко молодая Русь!» [18, т. 15, с. 9, 10-11].

Рядом с этой оценкой заслуги славянофилов перед отечественной наукой А.И. Герцена будет уместно поставить и высказывание И.С. Аксакова об исключительном значении славянофильства для России: «Не как учение, *воспринимаемое в полном объеме послушными адептами*, а как направление, *освобождающее русскую мысль из духовного рабства пред Западом* и призывающее русскую народность стать на степень самостоятельного просветительного органа в человечестве, славянофильство, можно сказать, уже одержало победу, т. е. заставило даже и врагов своих признать себя весьма важным моментом в ходе русской общественной мысли. Мы, со своей стороны, думаем, что оно не только исторический момент, уже отжитый, но и пребывает и *пребудет в истории нашего дальнейшего умственного развития* как предьявленный неумолкающий запрос...». «Раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы...» [Цит. по: 50, с. 157-158].

³⁸ Такой этап неизбежен в жизни каждого мыслящего человека в России – и в прошлом, и в настоящем. «Мысль, ознакомившаяся с просвещением, – писал А.С. Хомяков, – избавляется от суеверного поклонения чужому авторитету по мере того, как получает большее уважение к

своей собственной деятельности. Наступает период критики... Дальнейшее самоуничужение перед мыслию иноземною делается уже невозможным... Безграничное доверие к учителю и его мудрости очень любезно в ребенке и часто свидетельствует о богатом запасе любознания, оно сносно в отроче, [но] оно нестерпимо в человеке взрослом, ибо служит признаком слабоумия или по крайней мере пошлости» [128, с. 249]. Через несколько десятилетий после того, как были написаны эти строки, сын выдающегося славянофила Д.А. Хомяков, глядя на засилье иноземных учений в России с горечью писал: «Подражательность явилась сначала в обманчивом виде устранения старых язв и недостатков, а дошло постепенно путем постоянного восприятия чужого до современных, крайне отрицательных учений, уже приступивших к осуществлению своих задач. Все эти направления - чужие нам; но раз привитые обратившейся в привычку подражательностью, они на нашей народной подпочве дали своеобразные плоды, удивляющие и ужасающие тех, кто нас наградил такими семенами...» [130, с. 204].

³⁹ См. *Шабунин А.В.* Лесгафт в Петербурге. Л., 1989. С. 192-193.

⁴⁰ Далее Д.А. Хомяков обосновывает необходимость возвращения и человека, и народа к своим исконным корням, утверждая что такое возвращение необходимо затем, «чтобы русская народность в ее историческом развитии могла проявиться наиполнейшим образом.

Не прислушиваясь постоянно к чужим советам и указаниям, не стараясь подражать чужим образцам, хотя бы и заманчивым, можно достигнуть настоящего развития своих душевных и умственных сил; а только через это развитие отдельных лиц дается развитие всему народу. Человек и народ, обогащая себя знаниями и умением с помощью других людей и народов в области делания должны идти своим собственным путем, не оглядываясь и не спрашивая себя, так ли именно идут другие народы и люди...

...вовсе не все то «только» общечеловечно, что повторяется везде и у всех: вполне общечеловечное может быть выражено одним человеком или народом; и если этой общечеловеческой ноты еще не успели взять другие народы, то, они, наверное, отзовутся на оную рано или поздно.

Конечная цель всякой народности, сказал А.С. Хомяков, заключается в возведении частного на степень или в достоинство общечеловеческого» [130, с. 203-204].

⁴¹ Теперь, на расстоянии в сотню лет, очевидно, что ее вожди, ее «светочи» оказались на деле огоньками на болоте, увлекающими в трясины. А потому и возникает потребность обратиться к сокровищнице русской мысли, чтобы извлечь из нашей истории верные уроки. Приведем здесь один из важнейших выводов русской исторической мысли. Сравнивая влияние византийской и западной культур на землю Русскую, Д.А. Хомяков пишет: «Древне-русская культура, построенная на основании усвоения просвещения излюбленного (ибо, несомненно, Владимирово крещение было лишь осуществлением назревшего), тем и отличалась по существу от петровщины, что последняя была «насильственно навязанное подражание», а потому и плоды оных были столь различны: первая культура явилась созидательно-объединительной, а вторая внесла лишь раздвоение, которого последнее слово сказали нам последние годы, подчеркнувшие ясно, что за внешним полицейским единством крылась и все более и более зрела внутренняя духовная дезорганизация» [130, с. 205].

⁴² Пристально всматривавшийся в те годы в современную ему жизнь епископ Михаил (Грибановский) пытался растолковать своим современникам, что же с ними происходит на самом деле. Слово его и сегодня звучит столь актуально и разъясняет столь многое, что приведем его в необходимом для раскрытия этого сложного вопроса объеме.

Пилатовский вопрос, что есть истина, «поставленный на метафизическую почву, - пишет владыка Михаил, - ...совпадает с вопросом: есть ли Бог? и что такое Он? потому что раз есть Бог, значит, есть и истина, и каков Бог, такова и истина. А разве это не коренной вопрос? <...> Возьмем видоизмененный пилатовский вопрос: есть ли вообще бог и что такое он?.. Ставит ли жизнь этот вопрос? и возможен ли он в ней? Нет. В то время, как больной ум изощряется в сомнениях, действительность свидетельствует, что у каждого живого человека и в каждом живом народе были и есть свои боги и нераздельная с ними истина, и без бога решительно невозможна и не существует никакая развивающаяся человеческая жизнь. И это без всякого исключения. <...>

Народ по тем или другим причинам поддается преобладающему влиянию известной силы или нескольких сил. Он отдается им, верит в их правду и могущество, верит чрез это в себя и свою правду, работает, цветет, становится историческим народом. Достоевский в «Бесах» устами Шатова говорит, что каждый народ имеет своего бога, и только до тех пор он может быть историческим народом, пока верит в него. Это несомненная правда. <...>

Что было прежде, то совершается и сейчас. Где есть жизнь, там есть и бог. Какова эта жизнь, и каков этот бог - вопрос иной. Но только где есть энергия, где есть одушевление, там непременно есть влияние мощной, внутренней или внешней, определяющей силы, преклонение пред ней, как пред источником истины, как пред своим богом, и вера в ее победу. <...>

Таким образом, жизнь предлагает только выбор богов, но никогда не ставит вопроса: есть ли бог? Жизнь, пока она жизнь, есть непременно движение; движение непременно уже идет по какому-нибудь направлению; направление, очевидно, определяется какой-либо из существующих сил; эта сила и есть для нее в данный момент ее сила и ее бог. Но жизнь человека и извне и изнутри подвергается влиянию многочисленных сил; возникающие отсюда движения принимают разнообразные направления; эти направления могут быть самые противоположные; чрез это жизнь постепенно запутывается, источники ее иссякают, и ход ее постепенного развития прекращается... Тогда возникают всякие раздвоения и сомнения; жизнь или разрывается противоположными влияниями, - умом, напр., следуя одному богу, а волей другому, - или, усталая и изжившаяся, не поддается глубоко ни в ту, ни в другую сторону, вибрируя лишь поверхностью, в области легких чувств, рефlekса и сомнений... Так и было всегда в истории человечества. Природные боги под конец не развивали жизни народа, а запутывали ее и приводили к полному расстройству, измельчанию и гибели. Поэтому дух человека всегда нуждался в такой силе, которая регулировала бы все влияния и вела бы жизнь к непрерывному гармоничному развитию.

Христос в удовлетворение этого и принес на землю силу Святого Духа и призывает ощутить ее и отдаться ей. Он свидетельствует, что она ведет к вечной жизни и есть сила божественно-царствующая над всеми доселе господствовавшими среди мира силами, властно гармонирующая их влияние в том, кто отдался ей. Он пришел не для того, чтобы *рассуждать* с людьми, а для того, чтобы *низвести* в среду их *всемогущую реальную силу*, указать на нее и привлечь к ней сердца. Но кому может предлагать Христос свое свидетельство? Кто может Его послушать и за Ним последовать? Конечно, только те, кто от истины, т.е. в ком сохранилось еще настолько энергии духа, чтобы воспринять влияние духа Христова и отпечатлеть его в себе, у кого есть еще инстинкт жизни и жажда ее цельного непрерывного развития, кто жив и бодр. Могут ли отозваться на его призыв те, у кого иссякли жизненные источники, кто уже нечувствителен к воздействию высшей силы, кто не может уже отдаться никакому богу, кто спрашивает свое опустевшее сердце: да и есть ли вообще он? Что могут сделать рассуждения ума, когда отлетела жизнь? Может ли восходящий день воротить потухающую зарю дня прошлого? Мудрое молчание не есть ли в таких случаях самый красноречивый, хотя и

безнадежно грустный, ответ на скептические вопросы отживающей культуры? И ее представителям, сумеречным теням, неизбежно погрузиться во тьму, и никому не вернуть их к жизни никакими словами и рассуждениями... А что призвано жить, то откликнется на молчаливый призыв молодого восходящего солнца и пышно развернется во всей своей красе под могучим потоком его животворной силы» [55, с. 64-65, 66, 67, 68-70].

⁴³ Нет ничего удивительного в том, что «прозападнические» идеалы Н.М. Ядринцева были разбиты именно в Америке, где, по словам К.С. Аксакова, «нет ни природной связи единородности, ни воспоминаний местных, ни предания, ни единства веры. Вместо живого народа, там государственная машина из людей. Отношения там становятся политическими: мир и спокойствие основаны не на любви, а на взаимной выгоде. Как ни блестящ внешний порядок, но блеск его наружный; как ни строен он кажется, но это строй машины; как ни кажется он свободен, но эта свобода – личный, взаимно ограниченный произвол. Нет, свобода не там: иде же дух Господень, ту свобода» [4, с. 57-58].

⁴⁴ Канонарх – распорядитель церковного пения в монастырях.

⁴⁵ «Каждое Богослужение, согласно уставу общежития, непременно посещается всею братией, – сообщает богомолец, скрывший свое имя, – от первого до последнего, и терпеливо выстаиваются продолжительные службы, обычно начинающиеся с полуночного времени и продолжающиеся без роздыха до 6 часов утра. Весьма приятно было видеть и слышать усердное поминовение в сей обители всех ее ктиторов и благодетелей. Чин поминовения здесь выполняется весьма хорошо и аккуратно, под строгим наблюдением скитского начальства» [58, с. 662].

⁴⁶ По свидетельству многочисленных очевидцев, архимандриты «облачаются в цветную мантию, в скрижалях которой изображаются, между прочим, у первого – Вч. Пантелеимон, а у второго – Св. Ап. Андрей, – осеняют народ напрестольным крестом, и при священнодействии их употребляют рипиды» (металлические на длинных рукоятях круги с изображением на них шестокрылатых серафимов).

⁴⁷ Перепечатка фотографии из: Церковный вестник. 2005, сент. № 18 (319).

⁴⁸ См. статью О. Ульянова и М. Свешниковой «Президент России на Святой Горе Афон» // Церковный вестник. № 18 (319). Сентябрь, 2005. С.4, 5.

⁴⁹ Небезынтересно сравнить эту запись с той, которую оставил в книге почетных гостей Священного Кинота на Афоне Президент Владимир Путин: «Всем подвижникам, слугам Господа, всем христианам православной веры и хранителям православных святынь с уважением».

⁵⁰ Некролог помещен в отчете Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам за 1900-1901 г., изданный в столице в 1902 г.

⁵¹ Может многим покажется, что о. Серафим допустил преувеличение в оценке подвига схимонаха Иннокентия на основе своего личного духовного переживания, на которое не следует другим обращать никакого внимания. Но отец Серафим не был человеком легковесным, потому к нему и нужно прислушаться. Это доказывает его дальнейшая судьба. Именно ему – игумену Алексеевского скита Пермской епархии – в 1918 г. доверит Господь сопровождать тела алапаевских мучеников Великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары, извлеченные из шахты после их мученической кончины, в Иерусалим, где

и мечтала быть похоронена Великая княгиня. На склонах Елеонской горы есть место, называемое Малая Галилея: там расположена резиденция Патриарха Иерусалимского. В саду резиденции находятся две святыни: основание дома, в котором Господь явился ученикам после Своего Воскресения и часовня, построенная на том месте, где Архангел Гавриил явился Божией Матери и предсказал скорое Ее Успение. По соседству с этой часовней, по благословию Патриарха Дамиана, игумен Серафим построил себе хибарку и жил в ней до самой своей кончины, последовавшей на 85 году жизни. Погребен он около своей келии [111, с. 46].

⁵² По завещанию основателя скита схиеромонаха Виссариона Свято-Андреевская иноческая обитель основывалась исключительно для великороссов. По афонским правилам, завещания основателей обителей стараются не нарушать. И, может быть, снова все в Свято-Андреевском скиту вернется «на круги своя».

А пока на Афон возвращаются паломники из России, чтобы увидеть своими глазами угодников Божиих, среди которых и схимонах Иннокентий (Сибиряков). Теперь на территории Свято-Андреевского скита спасаются в подвиге духовном греческие монахи. Они уже начали восстановительные работы, а там, возможно, недалеко и до полного возрождения скита. В соборе апостола Андрея Первозванного – пусть всего лишь несколько раз в году, – но Богослужения совершаются. Хранится там и великая святыня – лобная часть главы апостола Андрея Первозванного в серебряном, с позолотой, ковчеге, изготовленном как раз к освящению Андреевского собора на пожертвования схимонаха Иннокентия. И не за эту ли бескорыстную и самозабвенную щедрость благодетеля и желание все лучшее принести Богу время не стерло со страниц человеческой истории имя Иннокентия Михайловича Сибирякова, как не изгладило и его дела из памяти многих людей?

* Здесь представлена электронная версия книги с авторскими изменениями и уточнениями.

Список условных сокращений

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия

РГАЛИ – Российский Государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский Государственный исторический архив

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы

ЦГИА СПб – Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Список литературы

1. Аксаков И.С. Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи // Русский архив. 1873. № 12.
2. Аксаков К.С. О современном человеке // Русь. 1883. № 8.
3. Аксаков К.С. О современном человеке // Русь. 1883. № 13.
4. Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1: Сочинения исторические.
5. Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1875.

6. *Алексий, схиигумен*. Воспоминания старца-основателя и первого строителя Свято-Троицкого Никольского Уссурийского монастыря, что на крайнем востоке Сибири в Приморской области. Пг., 1915.

7. А.М. Сибиряков. Некролог // Бюллетень Арктического института. 1934. № 1.

8. *Анисимов А., священник*. Из путевых записок поклонника святым местам священного Востока... // Душеполезное чтение, 1897. Июнь.

9. *Анисимов А., священник*. Из путевых записок поклонника святым местам священного Востока... // Душеполезное чтение, 1897. Июль.

10. *Анисимов А., священник*. Из путевых записок поклонника святым местам священного Востока... // Душеполезное чтение, 1899. Март.

11. *Бердников Л.* Из истории городских библиотек Енисейской губернии, Интернет-публикация. <http://region.krasn.ru/culture/library/history>. 9 сентября 2004.

12. *Брандт А.Ф.* На Афоне. Из путевых заметок // Вестник Европы. 1892. № 2.

13. БСЭ. 2-е изд. Т. 38. М., 1955.

14. *Венгеров С.* История русской литературы // Россия. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898.

15. *Вздорнов Г., Тарасов О.* Святая Гора и русские древности // Наше наследие. 2000. № 52.

16. Воскресенский скит на Валааме... СПб., 1911.

17. В стране священных воспоминаний. Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением, епископом Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов. Издано под редакцией епископа Арсения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собственная типография. 1902.

18. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954-1964.

19. *Глебов С.* Благодетели (из воспоминаний) // Русский паломник. 1908. №11.

20. *Головачев А.* Иннокентий Михайлович Сибиряков // Сибирская жизнь. № 115. 1903. Иллюстрированное приложение.

21. *Головачев А.* Ядринцевские четверги // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980.

22. *Головачев Д. Н.М.* Ядринцев и переселенцы 1891 г. // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980.

23. Десятилетие настоятельства в Русском на Афоне Св. Андреевском Общежительном Ските о. Архимандрита Иосифа. Одесса, 1902.

24. Дневникиеросхимонаха Владимира, насельника Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Выписки из дневника включены в письмо, присланное в адрес Благотворительного фонда имени Иннокентия Сибирякова, за подписью игумена Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Иеремии от 9 (22) февраля 2005 г. Исх.

без №. В журнале регистрации входящей корреспонденции Фонда письмо зарегистрировано под № 24 от 09. 03. 2005 г.

25. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Л., 1970.

26. *Достоевский Ф.М.* Одна из современных фальшей (1873) // Дневник писателя. Полн. собр. соч. Т. 21. Л., 1980.

27. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. Ч. II. М., 1996.

28. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. Ч. III. М., 1997.

29. *Дунаев М.М.* Своеобразие русской религиозной живописи. Очерки русской культуры. XII-XX вв. М., 1997.

30. Житие Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Издание Синодальной типографии. М., 1905. Книга 3 (ноябрь).

31. *Зайцев Б.* Афон // Избранное. М., 1998.

32. *Знаменский Ф., протоиерей.* Русский Свято-Андреевский скит на Афоне // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1899. № 43.

33. *Игумен Н.* Сокровенный Афон. М., 2003.

34. *Каплин А.Д.* Из истории русской религиозной мысли XIX в. Славянофильская идея исторического развития России. Харьков, 2000.

35. *Киреевский И.В.* Избранные статьи. М., 1984.

36. *Киреевский И.В.* Индифферентизм // Домашняя беседа для народного чтения. 1861. Вып. 46.

37. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911.

38. *Киреевский П.В.* Письма // Русский архив. 1905. № 5. Т. 2.

39. *Климент, монах.* Бессребреник нашего времени // Наставления и утешения св. веры христианской. 1911. Кн. 11.

40. *Ковалева А.С.* Издательская деятельность ВСОРГО // Вторые Романовские чтения. Материалы научной конференции 8-9 октября 1998 г. Иркутск, 2000.

41. *Кон Ф.Я.* Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (1877-1902). Казань, 1902.

42. Кончина и погребение настоятеля Русского Свято-Андреевского Скита на Афоне Архимандрита Иосифа // Наставление и утешение св. веры христианской. 1908. № 9.

43. Красноярский краевой архив. Ф. 595. Оп.1. Д. 2417. Л. 1-5.

44. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Кн. 1. Новосибирск, 1994.

45. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 1. Новосибирск, 1997.
46. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 2. Новосибирск, 1997.
47. Краткий исторический очерк Русского на Афоне Свято-Андреевского общежительного скита. Изд-е 4-е. Одесса, 1901.
48. Краткий очерк деятельности Общества попечения о начальном образовании в Барнауле за 6 лет его существования (1884-1890 гг.). Барнаул, 1891.
49. *Лемке М.* Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. СПб., 1904.
50. *Леонтьев К.Н.* К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993.
51. *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви (1880) // Наш современник, 1990, № 7.
52. *Лесгафт П.* (Заметка без заголовка) // Известия Санкт-Петербургской Биологической лаборатории. СПб., 1896. Т.1. Вып. 1.
53. *Лесгафт П.* Иннокентий Михайлович Сибиряков. Некролог // Известия Санкт-Петербургской Биологической лаборатории. СПб., 1901. Т. 5. Вып. 3.
54. Летопись Русского Св. Андреевского скита на Афоне. С.-Петербург. Издание Афонского Св.-Андреевского скита. 1911. (Printed in Canada. 1983. Издательство преп. Сергия Радонежского.).
55. *Михаил (Грибановский), епископ.* Над Евангелием. СПб., 1994.
56. *Михайлов А.* Святитель Игнатий Брянчанинов - делатель и учитель покаяния // Москва. 1993. № 7.
57. Музей Академии физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. Письма И.М. Сибирякова П.Ф. Лесгафту (Париж. 5/17 декабря 1892. № 453; Монако, 19/31 декабря 1892. № 454).
58. На Афоне (страничка из записной книжки богомольца) // Наставление и утешение св. веры христианской. 1895. № 7.
59. Некролог // Душеполезный собеседник. 1902. Вып. 5.
60. Некролог. И.М. Сибиряков // Вестник книгопродавцев. 1901. № 46.
61. *Никонов Б.* Миллионер-бессребренник // Нива. 1911. № 51.
62. Общество для доставления средств Высшим Женским курсам. Отчет за 1884-1885г. СПб., 1886.
63. Общество для доставления средств Высшим Женским курсам. Отчет за 1894-1895 г. СПб., 1896.
64. Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1892-1893 г. СПб., 1894.
65. Общество для пособия бедным женщинам в Санкт-Петербурге. Отчет Общества о

состоящих в ведении его учреждений. 1897. СПб., 1898.

66. Общество попечения о начальном образовании в Томске за 1884. Отчет. Год третий. Томск, 1885.

67. Общество попечения о бедных и больных детях. Сведения исправлены на июнь 1887 года. Составил Н.А. Вейтцель. СПб., 1887.

68. Около миллионов / Из материалов Петербургской Сыскной Полиции // Прошлое и настоящее / Общество ревнителей истории. Сборник под ред. Председателя Общества М.К. Соколовского. Вып. I. Л., 1924.

69. Освящение соборного храма во имя святого апостола Андрея Первозванного в русском на Афоне Свято-Андреевском общежительном ските. Одесса, 1900.

70. *Острогорский В.* Памяти Н.М. Ядринцева // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1980.

71. От Св.-Андреевского Общежительного на Афоне Скита извещение // Наставления и утешения св. веры христианской. 1898. Кн. 1.

72. От Св.-Андреевского Общежительного на Афоне Скита извещение // Наставления и утешения св. веры христианской. 1907. Кн. 3.

73. Отчет Литейно-Таврического кружка Общества пособия бедным женщинам, состоящего под Высочайшим Покровительством Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны за 1904 г. СПб., 1905.

74. Отчет Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам за 1884-1885 год. СПб., 1885.

75. Отчет о деятельности Православного Братства Святителя Иннокентия, Первого Епископа Иркутского Чудотворца, при церкви С.-Петербургского Первого Реального Училища. (1896-1897 г.). СПб., 1998.

76. Очерк десятилетней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле. Барнаул, 1894.

77. Очерк постройки Иркутского городского театра. 1890-1897. Иркутск, 1897.

78. *Павловский А.А.* Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской Империи и Афону. Н.Новгород, 1907.

79. Памяти И.М. Сибирякова // Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1901-1902 г. СПб., 1903.

80. Памяти Юрия Федоровича Самарина // Православное обозрение. 1876. Т. 1.

81. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова, Томск, 1998.

82. Письмо И.М. Сибирякова к В.И. Межову от 11 апреля н. с. 1893 г. из Ниццы. Институт русской литературы РАН. Рукописный отдел. Ф. 219. № 40 (архив Межова В.И.).

83. Письма К.С. Аксакова к Гоголю // Русский архив. 1905. № 5.
84. Подвиг в миру. Размышления подвижников благочестия и советы святых отцов о благоустройении жизни христианской по спасительным заповедям Божиим. СПб.; М., 2002.
85. *Познер С.* Из воспоминаний о Петре Францевиче Лесгафте // Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб., 1912.
86. *Полищук Ф.М.* Библиотеки в уездных городах и селах Иркутской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вторые Романовские чтения. Материалы научной конференции 8-9 октября 1998 г. Иркутск, 2000.
87. Положение о капитале имени потомственного почетного гражданина Михаила Александровича Сибирякова для выдачи пособий приисковым рабочим Якутской области. СПб., 1895.
88. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989.
89. *Потанин Г.* Памяти Василия Ивановича Семевского // Голос минувшего. 1917. № 1.
90. *Потанин Г.Н.* Очерк путешествия в Сы-чуань и на восточную окраину Тибета в 1892-1893 г. СПб., 1899.
91. *Потанин Г.Н.* Сибирские города // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
92. Прибрежно-Витимская компания // Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм. Составитель М. Бисарнов. СПб., 1896.
93. Происхождение и основание общежительного скита во имя св. Апостола Андрея Первозванного...Одесса, 1885.
94. Прощение иноков-изгнанников афонских во Всероссийский съезд духовенства и мирян о прекращении церковного на них гонения и о восстановлении их иноческих прав от 23 мая 1917 года // Забытые страницы русского имяславия. Сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910-1913 гг. и движению имяславия в 1910-1918 гг. М., 2001.
95. «Путь-дорога»: Науч.-лит. Сб. в пользу О-ва для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1893.
96. *Рабинович Г.Х.* Малоизученные источники по истории буржуазии в России // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1972. Вып. 7-8.
97. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование В.И. Семевского. Т. I-II. Изд-е И.М. Сибирякова. СПб., тип. М. Стасюлевича. 1898.
98. Ради благоденствия России. От Волжско-Камского банка до акционерного общества «Промышленно-строительный банк». 1870-1995. СПб., 1996.
99. РГАЛИ. Ф. 202 Златовратский. Оп. 1. Ед. хр. 192. Письма И.М. Сибирякова к Н.Н. Златовратскому.
100. РГАЛИ. Ф. 552 Чертков. Оп.1. Ед хр. 2530. Письма И.М. Сибирякова к В.Г. Черткову от 26 марта 1886 г. и 27 марта 1886 г.

101. РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 762. Письмо Сибиряковой Анны Михайловны Зарудному Александру Сергеевичу от 2 июля 1911 г.
102. РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 3. Л. 1.
103. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 442. 1896. Ед. хр. 1649. Отчет о состоянии Финляндской епархии. Л. 8 (оборот.).
104. РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Ед. хр. 2288. Об укреплении за Линтульской женскою общиною недвижимого имени, жертвуемого Иннокентием Сибиряковым. Начато 30 ноября 1896 г. Кончено 10 марта 1897 г. На 9 л.
105. РО ИРЛИ. Ф. 313. Оп. 3. Д. 289.
106. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993.
107. *Румянцев Н.В.* С Горы Афон // Церковный вестник. 1900. № 27.
108. С Афона (от собственного корреспондента) // Монастырь. 1908. № 7.
109. *Самарин Д. Ф.* Поборник вселенской правды. СПб., 1890.
110. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения: В 12 т. М., 1877-1911.
111. Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета. Житие. М., б. г.
112. Святитель Феофан Затворник. Письма о духовной жизни. М., 1996.
113. *Серафим, иеромонах.* Путевые впечатления. Поездка в Иерусалим и на Афон в 1908 году. СПб., 1910.
114. Сибирский портрет XVIII – начала XX века в собраниях Иркутска, Красноярска, Кяхты, Новосибирска, Томска, Тюмени, Читы. Издательство АРС СПб., 1994.
115. Сибиряков И.М. // Исторический вестник. 1901. Т. 86.
116. *Соловьева Б.А.* Иннокентий Михайлович Сибиряков // Природа. 2001. № 10.
117. *Соловьева Б.А.* Род Сибиряковых и книга // Книжное дело в России в XIX- начале XX века. Сборник научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004.
118. *Страшун И.Д.* Основные этапы развития института за полвека // 50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. Академика И.П. Павлова. Л., 1947.
119. Схимонах Иннокентий. Некролог // Странник. 1901. Т. 2. Ч. 2. Декабрь.
120. Схимонах Иннокентий // Приходское чтение. 1910. № 4.
121. *Талалай М.Г.* Постройка М.А. Щурупова на Афоне // Петербургские чтения-96. СПб., 1996.
122. *Талалай М.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003.
123. Троицкие листки с луга духовного. Рассказы о явлениях силы Божией, собранные в обители преподобного Сергия. Издание Сретенского монастыря. М., 1996.

124. *Троицкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002.
125. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 1. М., 1982.
126. Устав Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам // Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам с 20 января 1891 по 4 апреля 1893. Вып. 1. СПб., 1893.
127. *Фатьянов П.Д.* Владимир Сукачев. Иркутск, 1990.
128. *Хомяков А.С.* О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988.
129. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900.
130. *Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997.
131. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Т. 5. Д. 21433.
132. ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.
133. Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая при С.-Петербургской седьмой гимназии. Торжество освящения этого храма 4 декабря 1897 года. СПб., 1898.
134. Чудотворная икона Божией Матери, именуемая «В скорбех и печалех Утешение» // Наставления и утешения св. веры христианской. 1898. № 12.
135. *Шорохова Т.* Ангел милосердия // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2004. № 20.
136. *Яковлев Н.А.* Михаил Щурупов. СПб., 2001.